

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2024

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 76204 от 02 августа 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д. Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К. П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П. П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А. И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т. В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М. А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А. Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В. В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсеян Ж. И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М. А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р. О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А. И.** (юридический факультет Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С. И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С. И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л. В.** (проф. ДГТУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А. И.** (проф. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л. И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М. А.** (руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов Х. Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г. С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю. А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю. Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, доц. **Сайдумов Дж. Х.** (докт. юрид. наук, доц., ст. науч. сотр. Института государства и права РАН (г. Москва), проф. кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета (г. Грозный)); докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И. А.** (судья Верховного Суда РФ, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2024, № 3

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС. 2024

“To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 3, 2024

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D. Yu.** (Director of Legal Research Center of SRIM RANEPА, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPА, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P. P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A. I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T. V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M. A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University), professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A. D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh. I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M. A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R. O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, Professor **Aliev A. I.** (Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S. I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York).

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (professor of Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A. I.** (professor of SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Head of the Research Laboratory "Customary Law" of the Faculty of Law of Dagestan State University, Makhachkala, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor **Kazinyan G. S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Yu. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Yu. N.** (associate professor, SRIM RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, associate professor **Saidumov J. H.** (Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor at the Department of History of the Chechen State Pedagogical University (Grozny)); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.....	9
<i>Л. В. Акопов, Д. П. Орлов, Р. А. Левина</i> Российские ученые о роли и современном значении концепции нравственно-правового государства Иммануила Канта (к 300-летию со дня рождения)	9
<i>Ф. А. Озова</i> Термин «уздень» в северокавказском историческом контексте	15
<i>А. Н. Маремкулов</i> К вопросу актуальности регулятивной роли обычного права.....	24
<i>А. А. Караман</i> Прекращение существования молдавской государственности в XIX веке	30
<i>В. Д. Дзидзоев</i> Общественно-политическое и правовое положение осетин Южной Осетии как подданных Грузинского государства (XII–XVIII вв.)	41
<i>А. М. Цалиев</i> О судостроительстве в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды (к 250-летию присоединения Осетии к России)	49
<i>М. В. Зарицкий</i> К вопросу об определении места градостроительного права в системе права России.....	58
<i>И. М. Магомадова</i> Толерантность и правовая грамотность современной молодежи	63
<i>Вэй Дэпэн</i> Правовая природа искусственного интеллекта.....	69
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	77
<i>Р. А. Алексеев, А. В. Абрамов</i> Конституционные преобразования политических систем постсоветских государств Центральной Азии	77
<i>А. А. Багаева</i> О местном самоуправлении в Грузии в конце XX – начале XXI вв.....	90
<i>М. Л. Хабачиров</i> Об обязательствах по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний: опыт Российской Федерации	97

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	105
<i>Л. А. Душакова, О. Г. Зубарева</i>	
Морально-этическое содержание смены пола в истории человечества и современные парадигмы его правового регулирования	105
<i>С. А. Григорянц, Т. Г. Чебоньян, В. С. Гончарова</i>	
Параллельный импорт как актуальная проблема правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности.....	115
<i>Т. В. Епифанова, К. И. Копейкин</i>	
Проблемы законодательного регулирования объектов, созданных с использованием дипфейк-технологии в России и за рубежом.....	121
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	129
<i>О. Ю. Красовская, Е. Н. Коница</i>	
О признаках служебного подлога	129
<i>З. С. Лусегенова, В. Н. Линкин</i>	
Судебная практика как юридический институт	136
<i>Е. В. Миллеров, Е. А. Миллерова</i>	
Вопросы административной и уголовной ответственности в свете усиления государственной политики, направленной на защиту российских традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений	144
<i>О. Н. Лазаренко, О. Н. Лаврова, Н. В. Селедников</i>	
Некоторые особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	155
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	164
СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ	171
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	173

CONTENT

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE.....	9
<i>Leonid V. Akopov, Denis P. Orlov, Raisa A. Levina</i> Russian scientists on the role and modern significance of Immanuel Kant's concept of a moral and legal state (on the 300th anniversary of his birth)	9
<i>Fatima A. Ozova</i> The term «uzden» in the North Caucasian historical context.....	15
<i>Arsen N. Maremkulov</i> On the issue of the relevance of the regulatory role of customary law	24
<i>Alexander A. Karaman</i> The cessation of the existence of Moldovan statehood in the XIX century.....	30
<i>Valeriy D. Dzidzoev</i> Socio-political and legal status of Ossetians of South Ossetia as subjects of the Georgian state (XII–XVIII centuries)	41
<i>Alexander M. Tsaliev</i> On the judicial organization in North Ossetia in the pre-soviet, soviet and post-soviet periods (to the 250-th anniversary of the annexation of Ossetia to Russia).....	49
<i>Mikhail V. Zaritsky</i> On the issue of determining the place of town planning law in the Russian legal system.....	58
<i>Imani M. Magomadova</i> Tolerance and legal literacy of modern youth	63
<i>Wei Depeng</i> The legal nature of artificial intelligence.....	69
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE, INTERNATIONAL LAW AND LOCAL SELF-GOVERNMENT	77
<i>Roman A. Alekseev, Andrey V. Abramov</i> Constitutional transformation of the political systems of the post-soviet states of Central Asia	77
<i>Arina A. Bagaeva</i> Some issues of local government in Georgia at the end of the XX – early XXI centuries	90
<i>Muaed L.Khabachirov</i> On obligations under the national regulating the activities of private military and security companies: the experience of the Russian Federation	97

PROBLEMS OF CIVIL AND BUSINESS LAW	105
<i>Lesya A. Dushakova, Olga G. Zubareva</i>	
Moral-ethical content of sex change in the history of mankind and modern paradigms of its legal regulation	106
<i>Sergey A. Grigoryants, Tatyana G. Chebonyan, Victoria S. Goncharova</i>	
Parallel import as an urgent problem of legal support for state regulation of entrepreneurial activity	115
<i>Tatyana V. Epifanova, Konstantin I. Kopeykin</i>	
Problems of legislative regulation of facilities created using deepfake technology in Russia and abroad.....	121
PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW	129
<i>Oksana Yu. Krasovskaya, Elena N. Konina</i>	
On the signs of official forgery.....	129
<i>Zinaida S. Lusegenova, Viktor N. Linkin</i>	
Judicial practice as a legal institution	136
<i>Evgeny V. Millerov, Elena A. Millerova</i>	
Issues of administrative and criminal liability in the light of the strengthening of state policy aimed at protecting Russian traditional spiritual and moral values in the field of sexual relations.....	144
<i>Olga N. Lazarenko, Oksana N. Lavrova, Nikita V. Selednikov</i>	
Some features of the inspection of the scene of an accident in criminal cases of violation of traffic rules and operation of vehicles.....	156
SCIENTIFIC LIFE.....	164
MEMORY PAGES	171
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	173

Российские ученые о роли и современном значении концепции нравственно-правового государства Иммануила Канта (к 300-летию со дня рождения)

Леонид Владимирович Акопов¹, Денис Петрович Орлов²,
Раиса Аркадьевна Левина³

^{1,3}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹norin.gospravo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

²Ростов-на-Дону, Россия, belorl777@mail.ru

³levina09011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4812-3216>

Аннотация. В настоящей статье авторы обосновывают положение о том, что выдающийся философ Иммануил Кант не только по праву считается автором учения о правомерном характере государства с республиканской формой правления, но и является создателем концепции именно нравственно-правового государства, в котором наряду с традиционно признаваемыми признаками должны соблюдаться требования морального категорического императива, играющего ключевую роль в научном дискурсе названной концепции, вполне сохраняющей свою актуальность.

Ключевые слова: правовое государство, республика, категорический императив, автономная воля, практический разум, мораль, правовая этика, нравственные нормы, свобода личности, права народа, права человека, народный суверенитет, верховенство права, ограничения в праве, законодательство, моральный долг, общественный договор, правовой закон, правопорядок, либерализм, мотив поступка, нравственно-правовое государство

Для цитирования: Акопов Л. В., Орлов Д. П., Левина Р. А. Российские ученые о роли и современном значении концепции нравственно-правового государства Иммануила Канта (к 300-летию со дня рождения) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 9–14. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-9-14>. EDN YHQMAW

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Russian scientists on the role and modern significance of Immanuel Kant's concept of a moral and legal state (on the 300th anniversary of his birth)

Leonid V. Akopov¹, Denis P. Orlov², Raisa A. Levina³

^{1,3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹norin.gospravo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

²Rostov-on-Don, Russia, belorl777@mail.ru

³levina09011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4812-3216>

Abstract. In this article the authors justify the statement that the outstanding philosopher Immanuel Kant not only rightly considered the author of the doctrine on the rightness of the state with a republican form of government, but is the creator of the concept of the moral-legal state, in which, along with

the traditionally recognized features, the requirements of a moral categorical imperative must be respected, which plays a key role in the scientific discourse of the concept mentioned above and is still relevant.

Keywords: rule of law, republic, categorical imperative, autonomous will, practical mind, morality, legal ethics, moral norms, freedom of the person, rights of the people, human rights, popular sovereignty, restrictions on law, legislation, moral duty, public contract, law, legal order, liberalism, motive of action, moral-legal state

For citation: Akopov L. V., Orlov D. P., Levina R. A. Russian scientists on the role and modern significance of Immanuel Kant's concept of a moral and legal state (on the 300th anniversary of his birth). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):9–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-9-14>. EDN YHQMAW

Иммануил Кант по праву считается основоположником учения о правовом государстве при всех разноречивых мнениях о вкладе его предшественников в эту проблематику. Приоритет Канта подтверждается в трудах многих известных российских исследователей-правоведов. Так, например, уже П. И. Новгородцев сформулировал важный вывод о том, что Кант противопоставил взглядам Гоббса положение, касающееся прав народа, а именно: «государственная власть неприкосновенна, рассуждает Кант, но и народ имеет свои права, seine unverlierbaren Rechte. Права эти не имеют принудительного характера, но они все же существуют. Гоббс был другого мнения» [1, с. 138]. И, действительно, вряд ли может считаться правовым государство, не признающее неотъемлемых прав народа.

Известный русский философ Н. Н. Алексеев считал, что в своей «Метафизике нравов» Иммануил Кант предлагал понимать теорию разделения властей Монтескье в смысле строгой специализации функций. По версии Н. Н. Алексеева Кант считал, что три «власти» в государстве «должны представлять как бы три совершенно независимых друг от друга лица», отношения которых строятся «как бы по типу силлогизма: законодательная власть составляет как бы большую посылку, исполнительная власть – меньшую, а судебная – умозаключение в виде судебного приговора», отчего в системе Канта «первенствующее положение занимает законодательная власть, и единство закона составляет ту основу, на которой происходит сотрудничество властей» [2, с. 284].

Э. М. Черниловский признавал неоспоримым тот факт, что оригинальным творением немецкого философа является «основополагающая концепция правового государства: гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному и безусловному исполнению закона, которой обладает властвующий в его отношении к гражданину» [3, с. 42]. Р. Т. Мухаев справедливо отмечает, что И. Кант считается одним из создателей концепции правового государства, поскольку рассматривает государство как «множество людей, подчиненных правовым законам», и так как он выступал против тирании и деспотизма верховной власти, отстаивая при этом принципы разделения властей, верховенства права и народного суверенитета [4, с. 153]. Уместно здесь процитировать самого Канта, а именно: «Акт, через который народ сам конституируется в государство, собственно говоря, лишь идея государства, единственно благодаря которой можно мыслить его правомерность, -это первоначальный договор, согласно которому все (omnes et singuli) в составе народа отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, то есть народа, рассматриваемого как государство (univers); и нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели частью своей прирожденной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, для того чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, то есть в правовом состоянии, потому что зависимость эта возникает из его собственной законодательствующей воли...» [5, с. 356].

Как утверждал Л. С. Мамут, в качестве оснований считать Канта одним из главных создателей концепции правового государства являются выдвижение и защита им тезиса

о том, что благо и назначение государства – «в совершенном праве, в максимальном соответствии устройства и режима государства принципам права» [6, с. 327]. «По Канту, – отмечал Л. С. Мамут, – оказывается, что государственность вызывают в жизни и ее бытие оправдывают в конце концов требования категорического императива. Так в кантовском учении перебрасывается один из главных мостов от этики и права к государству» [6, с. 327].

М. Н. Марченко отмечает, что «философские основы теории правового государства создавались и развивались великим немецким философом И. Кантом, многократно указывавшим на необходимость для государства опираться на право, строго согласовывать свои действия с правом, постоянно ориентироваться на право» [7, с. 368–369].

Учение о праве и государстве И. Канта сильно повлияло на развитие теории и методологии юриспруденции. В систематизированном виде подходы Канта в области права и государства, а также в частном и публичном праве раскрыты в его труде «*Метафизические начала учения о праве*», который представляет собой первую часть его исследования «*Метафизика нравов в двух частях*» (1797 г.), тогда как вторая часть этой работы называется «*Метафизические начала учения о добродетели*».

Мы разделяем точку зрения О. Э. Лейста, назвавшего И. Канта «философом свободы» и основоположником идеи правового государства и резюмировавшего, что «суть правового государства в том, что оно охраняет правопорядок, обеспечивающий свободу и равенство членов общества, отнюдь не навязывая им общеобязательных представлений об общем благе и путях его достижения» [8, с. 67].

Указав на то, что важной вехой в развитии идей правовой государственности стала их философская разработка Кантом и Гегелем, В. С. Нерсисянц охарактеризовал концепцию Канта как философское обоснование либеральной теории правового государства [9, с. 100]. «Благо государства, по Канту, – пишет В. С. Нерсисянц, – состоит в высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами, и стремиться к такой согласованности нас обязывает разум через категорический императив» [9, с. 100].

По убеждению А. Н. Соколова идея о правовом государстве наиболее полное и совершенное развитие получила в трудах «родоначальника и классика буржуазного учения о правовом государстве Иммануила Канта» [10, с. 9]. Этот же автор отмечал, что в Кантовской идее правового государства «на первый план также выступает положение об ограничении всеохватывающего вмешательства государства во все области частной жизни, как одно из главных условий... существования правового государства вкупе с требованием «нравственной автономии» для целей свободного развития личности [9, с. 36]. Акцентируя внимание на вкладе И. Канта в разработку политической теории, Е. А. Воротилин пишет о том, что Кант «сформулировал основные идеи и принципы современных учений о правовом государстве (хотя сам не употреблял этого термина)» [11, с. 371–372]. А.В. Воробьев считает И. Канта «провозвестником основополагающих либеральных и либерально-коммунитарных современных теорий правовой государственности» [12, с. 189–190]. Заметим, однако, что понятия «правовое государство» и «правовая государственность» все же не тождественны. Г. Ю. Курскова в свою очередь пишет, что «Кант заложил основы теории правового государства», а также и то, что учение Канта, избранного иностранным членом Петербургской Академии наук, повлияло на проекты и труды М. М. Сперанского, Б. А. Кистяковского и П. И. Новгородцева [13, с. 137–138].

На весьма важную особенность подхода Канта к проблематике правового государства указал Г.С. Працко, по мнению которого внешняя форма категорического императива у Канта «...есть не что иное, как форма прав и свобод человека и, соответственно, основа правового государства» [14, с. 275]. «Кант полагает, – пишет Г. С. Працко, – что правовое государство основано именно на этом нравственном требовании, но суть его заключается в том, что категорический императив, будучи моральным феноменом, требует механизма принуждения...» [14, с. 276]. Этот же автор отмечает, что именно Кант соединил программу либерализма с важнейшими идеями политических течений, «придав им форму глубоко продуманной

теории», используя близкие к дефиниции «правовое государство» понятия «правовое гражданское общество», «гражданское правовое состояние» etc [15, с. 520].

На наш взгляд, достаточно полно раскрыта роль нравственных постулатов в кантовском учении о правовом государстве в глубокой монографии Г. В. Мальцева, в которой, в частности, говорится: «Кант не ограничивается указанием на то, что можно было бы назвать моральным прогрессом, он говорит о многообразных процессах достижения «имманентного принципа мира – свободы», о целеустремленной воспитательной деятельности, благодаря которой человеческая природа достигнет своего полного предназначения и наивысшего совершенства. Он подчеркивает при этом освободительные функции государственного управления и права, приобретающие тем большее значение, чем выше способность государства и его руководителей подчинять политические задачи нравственным целям, раскрывающим внутреннюю ценность и счастливый природный жребий человеческого рода. Кант верил, что человек создан Богом для счастья, ему даны ради этого природные гарантии – разум и свободная воля. Когда нравственные потенции человека раскроются до пределов совершенства, когда будет господствовать справедливость и право внутренней совести, а не административная власть, утверждает Кант, тогда наступит царство Божье на земле. Но совершенно очевидно, что эта высшая цель человечества не может быть достигнута без ценностного, телеологического функционального единства религии, морали и права, без сознательного стремления и организованного движения, направленного к этой цели» [16, с. 122].

В этом контексте считаем необходимым обратить особое внимание на аксиомы правовой этики у Канта, а именно:

– То законодательство, которое делает поступок долгом, а этот долг также мотивом, есть этическое законодательство; то законодательство, которое не включает это (условие) в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самое идею долга, есть юридическое законодательство;

– Одно лишь соответствие или несоответствие поступка закону безотносительно к его мотиву называют легальностью (законсообразностью), то соответствие, в котором идея долга, основанная на законе, есть в то же время мотив поступка называется моральностью (нравственностью) поступка;

– Этическое законодательство делает и внутренние поступки обязанностями, не исключая при этом, однако, и внешние поступки: это законодательство касается вообще всего, что есть долг [17, с. 282–283].

Исходя из всего вышеизложенного, полагаем, что только у Канта правовое государство рассматривалось через призму нравственности (категорического императива). В кантовском нравственно-правовом государстве не только признается, но и гарантируется обязательность соблюдения этического законодательства как наиболее отвечающего мере свободы человека в гражданском обществе. Конечно, такая концепция во многом идеальна, и здесь уместно вспомнить о весьма меткой характеристике воззрения Канта относительно лучшей формы правления, которую дал в свое время Карл Маркс, написавший: «Как у Канта республика, в качестве единственной рациональной государственной формы, становится постулатом практического разума, который никогда не осуществляется, но осуществление которого всегда должно быть нашей целью и предметом наших помыслов, – так для этих роялистов (имеются в виду французские роялисты середины XIX-го века, – примечание авторов настоящей статьи) постулатом является монархия» [18, с. 280].

Нет сомнений в том, что центральное место в концепции Канта о нравственно-правовом государстве занимает человек, личность. В этом смысле мы разделяем точку зрения В. С. Нерсесянца, когда он пишет, что: «В кантовском моральном учении о праве, находящемся еще под заметным влиянием естественноправовых представлений, речь идет именно о моральной, а не о правовой ценности позитивного права в государстве. Сама идея республиканства (этой кантовской версии правового государства) обосновывается Кантом как максима морального сознания, как требование морального категорического императива» [9, с. 56].

Резюмируя все изложенное выше, полагаем, что дальнейшее развитие концепции Канта о нравственно-правовом государстве не только возможно, но и необходимо с позиций актуального научного дискурса. Ибо следует в полной мере осмыслить и прочувствовать глубину знаменитой клаузулы Канта:

– Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне [19, с. 404].

Список источников

1. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве:: Два типичных построения в области философии права. М.: Изд.-во Универ. Тип., 1901. 245 с.
2. Алексеев Н. Н. Идея государства. 2-е изд. СПб.: Издательство «Лань», 2001. 368 с.
3. Черниловский Э.М. Правовое государство на перекрестке мнений // Право и власть. М.: Прогресс, 1990.
4. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М.: Издательство «ПРИОР», 2000. 1104 с.
5. Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. 528 с.
6. История политических и правовых учений: Учебник/ Под ред. В. С.Нерсисянца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1988. 816 с.
7. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах, Отв. ред. проф. М. Н. Марченко. Том 1. Теория государства. М.: Издательство «Зерцало», 1998. 416 с.
8. Проблемы теории государства и права: учебник/ под ред. М.Н.Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.:Норма: ИНФРА-М, 2012. 784 с.
9. Нерсисянец В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА – М–НОРМА, 1997. 652с.
10. Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград: ФГУИП «Янтарный сказ», 2002. 456 с.
11. История политических и правовых учений: Домарксистский период: Учебник/ Под ред. О. Э. Лейста. М.: Юрид. лит., 1991. 528 с.
12. Воробьев А. В. Наследие И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля и дискуссия по проблеме правового государства в западной философии второй половины 20-го и начала 21-го века. Дис. ... канд. философских наук. Тверь, 2009. 193 с.
13. Курскова Г. Ю. Учение о государстве и праве И. Канта // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2014. № 15 (137). С. 133–138.
14. Працко Г. С. История политических и правовых учений: учебник. М.: ПРИОР, 2022. 451 с.
15. Працко Г. С. Теория государства и права: учебник. М.: ПРИОР, 2022. 540 с. DOI: doi.org/10.2939/02080-7
16. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд.-во СГУ, 2008. 552 с.
17. Кант И. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995.
18. Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т.1. М.,: Политиздат, 1979. 640 с.
19. Кант И. Лекции по этике: Пер. с нем./ Общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. 431 с. (Б-ка этической мысли).

References

1. Novgorodtsev P. I. *Kant and Hegel in their teachings on law and the state:: Two typical constructions in the field of philosophy of law*. M.: Publishing House of the University. Type; 1901. 245 p. (In Russ.).
2. Alekseev N. N. *The idea of the state*. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing house "Lan"; 2001. 368 p. (In Russ.).
3. Chernilovsky E. M. *The rule of law at the crossroads of opinions. Law and power*. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).

4. *Anthology on the theory of state and law, political science, history of political and legal doctrines*. M.: Publishing house "PRIOR"; 2000. 1104 p. (In Russ.).
5. Kant I. *Criticism of practical reason*. St. Petersburg; 1995. 528 p. (In Russ.).
6. *History of political and legal doctrines: Textbook*. Edited by V. S. Nersesyants. 2nd ed., reprint. and additional Moscow: Legal lit.; 1988. 816 p. (In Russ.).
7. *The general theory of state and law. Academic course in 2 volumes, Ed. by prof. M. N. Marchenko*. Volume 1. Theory of the state. Moscow: Publishing house "Zertsalo"; 1998. 416 p. (In Russ.).
8. *Problems of the theory of state and law: textbook*. M. N. Marchenko (ed.). 2nd ed., revised and additional. Moscow: Norm: INFRA-M; 2012. 784 p. (In Russ.).
9. Nersesyants V. S. *Philosophy of law. Textbook for universities*. Moscow: Publishing group INFRA –M–NORM; 1997. 652 p. (In Russ.).
10. Sokolov A. N. *The rule of law: from the idea to its materialization*. Kaliningrad: Federal State Educational Institution "Amber Tale"; 2002. 456 p. (In Russ.).
11. *The history of political and legal doctrines: The Pre-Marxist period: Textbook*. Edited by O. E. Leist. Moscow: Legal lit; 1991. 528 p. (In Russ.).
12. Vorob'ev A. V. *The legacy of I. Kant and G.V.F. Hegel and the discussion on the problem of the rule of law in Western philosophy of the second half of the 20th and the beginning of the 21st century*. Dis. ... candidate of Philosophical Sciences. Tver; 2009. 193 p. (In Russ.).
13. Kurskova G. Y. The doctrine of the state and law by I. Kant. *Bulletin of the Russian State University. The series "Economics. Management. The right"*. 2014;15(137):133–138. (In Russ.).
14. Pratsko G. S. *History of political and legal doctrines: textbook*. Moscow: RIOR; 2022. 451 p. (In Russ.).
15. Pratsko G. S. *Theory of state and law: textbook*. Moscow: RIOR; 2022. 540 p. (In Russ.). DOI: doi.org/10.2939/02080
16. Maltsev G. V. *The moral foundations of law*. Moscow: Publishing House of the SSU; 2008. 552 p. (In Russ.).
17. Kant I. *Metaphysical principles of the doctrine of laws* Kant I. Critique of practical reason. St. Petersburg; 1995. (In Russ.).
18. Marx K. The class struggle in France. In: *Marx K. and Engels F. Selected productions. In 3 volumes*, Vol. 1. Moscow: Politizdat; 1979. 640 p. (In Russ.).
19. Kant I. *Lectures on ethics*: Trans. from GermaGeneral. Ed., comp. and introductory article by A.A. Huseynova. Moscow: Republic; 2000. 431 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. В. Акопов – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

Д. П. Орлов – кандидат юридических наук.

Р. А. Левина – магистр юриспруденции, ст. преп. кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

Information about the authors

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

D. P. Orlov – Cand. Sci. (Law).

R. A. Levina – Master of law, Senior lecturer of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 29.08.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 29.08.2024.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-15-23>

EDN LJKRFC

Термин «уздень» в северокавказском историческом контексте

Фатима Анатольевна Озова

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований
им. Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, fo7799@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2274-8346>

Аннотация. Данные языковых словарей дают основания для выделения двух основных исторических значений термина «уздень»: 1) феодальной знати (уздень) и 2) лично свободных крестьян («уздень»). Методологически важным положением для анализа бытования этого многозначного термина в северокавказских обществах средневековья и нового времени является тезис о необходимости разделять сословное происхождение и служебный статус княжеских вассалов. Монголизм «устен»/«усден», заимствованный в северокавказские языки в различное время и по разнообразным экстралингвистическим причинам, менял свою семантику в зависимости от исторической эпохи и от социальных реалий того или иного социума. Но в итоге многообразные интерпретации термина «уздень» оказываются тесно связанными с представлениями рассматриваемых эпох об идее свободы.

Ключевые слова: устен, уздень, монголизм, тюркизм, контаминация, уорк, дворянин, свободный человек, «уздень»

Для цитирования: Озова Ф. А. Термин «уздень» в северокавказском историческом контексте // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 15–23. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-15-23>. EDN LJKRFC

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The term «uzden» in the North Caucasian historical context

Fatima A. Ozova

Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute of Humanitarian Studies named after
H. H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, fo7799@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2274-8346>

Abstract. The data of language dictionaries provide grounds for distinguishing two main historical meanings of the term “uzden”: 1) feudal nobility (uzden) and 2) personally free peasants (“uzden”). A methodologically important position for analyzing the existence of the term “uzden” in North Caucasian societies of the Middle Ages and modern times is the thesis on the need to separate the class origin and service status of princely vassals. The Mongolism “uzden”, borrowed into North Caucasian languages at different times and for various extralinguistic reasons, changed its semantics depending on the historical era and the social realities of a particular society. But ultimately, the diverse interpretations of the term “uzden” turn out to be closely related to the ideas of the eras under consideration about the idea of freedom.

Keywords: usten, mongolism, turkism, contamination, nobleman, free man, “uzden”

For citation: Ozova F. A. The term «uzden» in the North Caucasian historical context. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):15–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-15-23>. EDN LJKRFC

Важность терминологических исследований для выявления своеобразия, особенностей социально-политического развития того или иного общества не приходится доказывать. Более того становится все более очевидным, что именно максимально бережное отношение к фактам языка и социальной истории должно лежать в основе изучения этнической истории. Исконные термины, будучи образованы в недрах родного языка и на местной почве, отличаясь конкретностью и максимальным соответствием обозначаемым ими реалиям [1, с. 11], дают возможность для более глубокого осмысления исторических процессов.

Актуальность для кавказоведения терминологической работы усиливается тем, что значительная часть источников по истории народов Кавказа, в том числе и черкесов, созданы на иностранных языках – русском, турецком, арабском, греческом, латинском, английском, немецком, французском, грузинском, армянском и др. При этом, когда абсолютное большинство социально-политических дефиниций, принятых в научном обиходе, также являются иноязычными, необходим анализ соответствия между ними и исконными историческими терминами.

В настоящей статье предпринят историко-этнографический анализ социального термина *уздень*, часто встречаемого в русскоязычных исторических источниках. Общим является то, что термин *уздень* обозначает во всех языках народов Северного Кавказа, принадлежащих к различным генетическим группам (адыгской, дагестано-нахским, тюркским, индоевропейским), определенную социальную прослойку, но какую именно – этот вопрос должен рассматриваться в каждом отдельном случае [2, с. 133, 134]. Следует учесть, что семантика этого социального термина менялась в различные исторические эпохи и зависела от социальных реалий того или иного общества. Данные языковых словарей дают основание для выделения двух основных значений термина *уздень*: 1) феодальной знати и 2) лично свободных крестьян.

Важнейшей предпосылкой для историко-этнографической работы служит опубликованная более чем тридцать лет назад блестящая статья дагестанских лингвистов Н. С. Джидалаева и Т. М. Айтберова «О термине “уздень”¹. на Северо-Восточном Кавказе» [1, с. 32]. Главная заслуга ученых состоит в том, что на богатом лингвистическом, фольклорном и историческом материале многих народов Северного Кавказа они показали, что этот термин имеет как монгольские, так и тюркские корни. В статье убедительно продемонстрированы различия в этнических версиях заимствованного монголизма: в графическом оформлении и лексико-семантической адаптации. Цель настоящей работы – на основе лингвистического анализа Н. С. Джидалаева и Т. М. Айтберова исследовать термин *уздень* с целью выявления экстралингвистических причин его заимствования, связанных с внутренним имманентным развитием различных социумов северокавказского региона.

Монголизм *устен* / *усден*

О монгольском происхождении социального термина *уздень* писал еще Ф. И. Леонтович: «уздень» – слово «несомненно монгольского происхождения» [3, с. 425], это были княжеские телохранители, принадлежавшие к дружине князей, «буквально дружинники» [3, с. 426]. Методологически важным является замечание Ф. И. Леонтовича, что «черкесские уорки – уздени представляют замечательную параллель, как с монгольскими зайсангами (дружинной князей), так и с древнерусскими боярами, дворянами и дружинниками. Уоркъ, подобно нашему боярину или дворянину, имел **сословное значение** знатного, благородного, занимавшего определенное общественное положение в роде или общине; но **в служебном отношении** к князю, как представителю рода, тот же уоркъ (как у нас боярин) являлся старшим или младшим “узденем” – буквально дружинником» [3, с. 426] [выделено нами. – Ф. О.].

¹ Несмотря на то, что в статье анализируются сведения языков народов центральной и восточной части Северного Кавказа, можно говорить, что ее выводы распространяются и на Западный Кавказ, так как в кабардинском (кабардино-черкесском литературном) и кяхском (адыгейском литературном) диалектах черкесского языка социальный термин *уздень* имел одинаковую семантику.

Таким образом, Ф. И. Леонтович уточняет семантику термина *узденъ*, разделяя сословное происхождение и служебный статус его носителя.

В отношении уорков эти качества накладываются друг на друга, так как на службе князя в качестве дружинников (монг. узденей) находились прежде всего люди благородного происхождения (тлекотлеши, дыжинуго). На наш взгляд, термин *узденъ* княжеской дружины можно сопоставить с термином *офицер* регулярной армии. Очевидно, в черкесском (как и в монгольском) обществе узденями могли быть изначально только вооруженные кавалеристы, т. е. представители знати, простолюдины не имели права быть всадниками и, соответственно, не могли входить в княжескую дружину.

В эту логику ложится и этимология монгольского этимона *устен / усден*: «Монг. ус “корень, основание, происхождение; род, родовитость” и -ден (от тан // тен) – монг. суффикс, образующий собирательные имена по какому-либо признаку, то есть *устен / усден* “коренные; родовитые; знать”» [1, с. 30]. Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов отмечали, что монгольский этимон в форме *Usden* содержится в одном из списков юридического памятника «Цааджин бичик» / «Монголо-ойратские законы» (1640). Но, как пишут ученые, его заимствование в кавказские языки произошло гораздо раньше, т. е. еще тогда, когда калмыки обитали к востоку от Волги, имея центром Семиречье. Соответственно, делается заключение, что он мог быть заимствован в период политического доминирования на Кавказе Монгольской империи (1206–1368) и Золотой Орды (1269–1459).

Изначальный ареал распространения термина *усден / усден*, обозначавшего знатных людей, представителей воинского сословия [1, с. 32], охватывал политические образования, значительную часть которых составляли кумыки и черкесы – обитатели северокавказских равнин. Со второй половины XVI в. вследствие контактов с населением Северного Кавказа в русских документах появляется термин *устен / усден* в форме *узденъ* [1, с. 31, 32], которым «обозначают дружинников и дворян различных адыгских и дагестанских князей» [1, с. 14].

Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов, опираясь на сведения С. Хан-Гирея, отмечали, что черкесы в XIX в. между собой не употребляли термина *узденъ*, но при этом подчеркивали, что в черкесском языке такой термин бытовал в XVI–XVII вв. [1, с. 28]. В. И. Абаев дал графическое оформление и семантику этого черкесского заимствования: «В старокабардинском слово *wasdany, wasthan* означало *дружинник, рыцарь*» [4, с. 105]. Очевидно, что фонетически и семантически черкесское заимствование *wasdany, wasthan* идентично монгольскому этимону. П. В. Гидулянов, использовавший русскую форму монголизма *устен / усден – узденъ*, отмечал, что в Кабарде к высшей знати относились наиболее родовитые после пши / князей тлекотлешские фамилии Тамбиевых, Куденетовых и Анзоровых, «имевшие права не только на землю, но и на жившее на ней население» [5, с. 610]. Словарь русского языка также относит к черкесским узденям только одну группу «феодалов в Кабарде и Адыгее» [6, с. 474].

Следует отметить, что не только в русском языке особо выделялись черкесские (кабардинские) высокородные уздени (тлекотлеши), но и в ряде северокавказских языков. Несмотря на то, что в чеченском и ингушском языках обращенный внутрь чеченского и ингушского обществ термин *узденъ* (чечен. *оьзда*, ингуш. *эзди*) означал «свободный человек, свободный крестьянин», в чеченском и ингушском фольклоре имеются предания и песни, повествующие о кабардинских и кумыкских князьях с их высокородными узденями. В одной из ингушских песен поется: «Ты что, сын вдовы, так возгордился, как будто кабардинское узденство ты получил, или как будто княжеское достоинство ты получил?» [1, с. 21]. Очевидно, перечисление кабардинского узденства в ряду с княжеским достоинством говорит само за себя.

Аналогичная ситуация с устареванием термина *устен / усден* имела место и в кумыкском языке, где он был графически оформлен как *оьзден*. Словарь кумыкского языка толкует его как «незакрепощенный крестьянин в феодальном Дагестане» [1, с. 14]. Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов, ссылаясь на мнение первого кумыкского историка Д. М. Шихалиева (ум. ок. 1880 г.), отмечают, что этот термин означал также дворянина: «Узденъ, в прямом переводе значит вольный человек, но в практическом значении, это слово знаменует дворянина,

владельца землей и по рождению чистого от смеси с рабским состоянием» [1, с. 17]. Таким образом, в кумыкском языке термин *оьзден* стал полисемантическим, обозначая как дворянина, родовитого, знатного человека, так и свободного, незакрепощенного крестьянина [7, с. 230]. В первом значении (дворянин, знать) термин *уздень* бытовал на равнинных территориях Дагестана.

Также довольно высокий социальный статус подразумевался устаревшим в какой-то момент термином *уздень* у тесно связанных политически с кумыками лакцев: «Для лакцев начала XVIII в. уздени (араб. текст *узданияйюн*) являлись давно существующим социальным слоем, традиционно стоящим ниже чанков – членов “священного” правящего рода» [1, с. 18].

Однако, следует обратить внимание на продолжение вышеназванной статьи П. В. Гидулянова. В ней он распространяет социальный термин *уздень* наряду с черкесской высокородной знатью (тлекотлешами) также на уорков **низшего** порядка [5, с. 610] [выделено нами. – Ф. О.]. Казалось бы, это парадоксальное продолжение статьи П. В. Гидулянова порождает вопрос: как же термин *уздень* объединяет уоров-тлекотлешей и служилых уорков? В последнем случае речь может идти как о беслен-уорках, так и об уорках-пшикеу. И те, и другие считались *телохранителями*, оградой (черк. пшикеу) князя. Но если беслен-уорки были уорками II степени, то уорки-пшикеу хотя и считались уорками IV степени, в черкесской социальной номенклатуре занимали промежуточное положение между уорками (дворянами) и находившимися в поземельной зависимости от князей пши-уна-оггами, из которых и происходили. И это противоречие, на наш взгляд, снимается вышеприведенным высказыванием Ф. И. Леонтовича, разделяющим социальный и служебный статус, что позволяет причислять к узденям только княжескую дружину. Таким образом, исходя из семантики монгольского этимона, к узденям в Черкесии относились все находившиеся на военной службе при князьях, т. е. княжеские вассалы, начиная от высокородных тлекотлешей, заканчивая уорками-пшикеу – княжескими вольноотпущенниками, получившими «свободу, в благодарность за некоторые услуги» [8, с. 200]. В обоих случаях в черкесской социальной номенклатуре речь шла о телохранителях князей, что также семантически идентично слову-этимону.

В XIX в. заимствование *wasdany / watan* устарело и уже не употреблялось в черкесском языке. При этом заимствование *уздень*, использовавшееся к тому времени широко в русском языке и во многих кавказских языках, продолжало часто применяться сторонними наблюдателями к социальной действительности Черкесии. После того, как Кабарда стала частью Российской империи, термин *уздень* в контексте становления нового административно-управленческого и судебного порядка в Кабарде стал чаще употребляться в отношении всех категорий кабардинских уорков. В русском языке тлекотлеша и дыженуго назывались еще «знатными узденями», беслен-уорки – «ближними узденями» [9, с. 92, 93]. Очевидно, ранее не входившие в число узденей уорки-шаотлигуса – вассалы дворян, теперь стали именоваться просто узденями. В. К. Гарданов отмечал, что «по мнению сословной комиссии Терско-Кубанской области, наименование адыгских (черкесских) дворян-уорков узденями появилось как “навязанное секретарем Кабардинского суда Шардановым во времена ермоловские с предвзятою целью”» [1, с. 24]. А уже к середине XIX в. кабардинцы «стали постепенно сами употреблять названный термин в своих заявлениях, адресованных в Кабардинский временный суд и другие учреждения, ведавшие делами горцев» [10, с. 180]. Таким образом, можно говорить о вторичном заимствовании этого термина, но уже из русского языка.

На игнорирование исконного термина и неоправданное использование заимствования *уздень* при описаниях черкесского социума сетовал С. Казы-Гирей: «В разделении узденей, показана новая, неизвестная Черкесам степень: Узденья-уорк. Слово *уздень* (татарское), а *орк* (черкесское) тождественны и каждое имеет значение, сообразное русскому слову *благородный*, но в соединении не имеют никакого смысла. Черкесские уздени на их природном языке называются *орк* или *ворк*» [11, с. 110] / черк. *уэркъ*. Неприятие социального

термина *узденъ* черкесским хануко (черкесский сословный разряд, происходивший от крымских Гиреев) С. Казы-Гиреем, очевидно, было связано и с полной трансформацией термина *узденъ* в его время, когда узденями стали называть также «незакрепощенных крестьян-общинников» [6, с. 474].

Контаминация монголизма *устен / узден* с тюркским *оьзден*

В XVIII – первой половине XIX в. на Северном Кавказе узденями широко стали называться лично свободные крестьяне-общинники, отличавшиеся от других категорий крестьян, в частности от феодально-зависимых и посаженных на землю, «личной свободой и экономической независимостью» [12, с. 63]. В аварском языке *оьзден* бытовало в значении *человек свободного происхождения, у которого не было рабов между предками* [1, с. 15] или – *независимый от феодала крестьянин* [1, с. 14]; в кумыкском – *оьзден* – *незакрепощенный крестьянин*; в лакском – *уздантал* – *свободные крестьяне* Казикумухского ханства; в лезгинском – *уьзден* – *свободный крестьянин*, в чеченском – *оьзда* – *свободный человек, свободный крестьянин*; в карачаево-балкарском – *ёзден / оьзден* – *свободный крестьянин*, в ногайском – *оьзден* – *свободный крестьянин* [1, с. 21, 23], в осетинском – *узденъгали* – *самостоятельные люди, владевшие землей* [13, с. 166].

Существует расхожее мнение, что термин *узденъ* в вышеназванных случаях был заимствован из тюркских языков, хотя значение «независимый» за тюркизмом *оьзден* источники не зафиксировали. Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов отмечали, что «исходя из семантики “лично свободный, независимый крестьянин”, многие полагают, что “узденъ” – слово чисто тюркское, происходящее от тюркского возвратного местоимения в исходном падеже *оьз* “сам + суффикс исходного падежа *ден* и таким образом, *оьзден* (букв.) «от себя [зависящий], свободный, самовластный”. <...> Важно, наконец, заметить и то, что приведенная этимология не выдерживает критики в своей основе. В карачаево-балкарском, кумыкском, да и в других тюркских языках возвратное местоимение *оьз* в исходном падеже должно было бы иметь форму *оьзюнденъ* (*özünden*), а не *оьзден*» [1, с. 29, 30]. На основе лингвистического анализа ученые пришли к важному для бытования термина *узденъ* в различных северокавказских социумах выводу, что под влиянием контаминации с тюркским *оьзден* «красивый» и народной этимологии, имеющей тюркскую почву («независимый, свободный»), «слово *усден* “родовитый, знатный” трансформировалось в *оьзден* со значением “свободный, благородный”» [1, с. 32]. Несомненно, такое превращение свободных крестьян или азатов в узденей была связана с тем, что на правах частной собственности им стали принадлежать подворные земельные участки (в Дагестане – мюльки).

В данном контексте следует обратить внимание на семантику терминов «уорк» и «узден», имевших бытование в управлявшихся демократическим образом обществах. В Нагорной Черкесии в эпоху демократических преобразований конца XVIII – первой половины XIX в. слово «уорк», как и «узденъ» в нагорных обществах Дагестана и Центрального Кавказа, стало употребляться в контексте социальной системы демократических обществ и республик в значении *независимый, свободный*. Для нового социального слоя «уорков» демократических республик и обществ, как и для «узденей» аналогичных социально-политических образований, маркирующим признаками стали: наличие кроме личной свободы – частных подворных землевладений. Этот вывод независимо друг от друга в различной системе аргументации сделали для Нагорной Черкесии – В. Х. Кажаров [14, с. 127], для Нагорного Дагестана – М. А. Агларов [15, с. 10]. Таким образом, несмотря на различия в социально-политических системах в политических субъектах с аристократическим и демократическим строем, демократические трансформации наполнили старую феодальную социальную терминологию новыми коннотациями.

Еще одним подтверждением вышесказанному – толкование термина «узденъ» в Чечне. Как известно, демократическое устройство чеченского общества не подразумевало сословного разделения, все чеченцы (за малым исключением в виде лаев и ясырей)

пользовались одинаковыми правами и составляли один общий класс «узденей». Сами чеченцы говорили, что «все чеченцы равны между собою; что все они без различия дворяне» [16, с. 452]. Аналогичным образом бытовал термин *wæzdan* / *wezdon* и в осетинском языке: «1. ‘человек благородного сословия’, ‘дворянин’, ‘узденъ’» [4, с. 103]. Подтверждением тому могут выступать как исторический контекст, так и лингвистические сведения. В частности, В. И. Абаев приводит лингвистические данные, свидетельствующие о синонимичности лексем *благородный* и *вольный*: «У старшего (брата) было две жены; (из них) одна благородная (*wæzdan*), другая рабыня (*kūsæg*)» [4, с. 104]. Аналогичная семантика просматривается и в социальном термине *узденъ* балкарских преданий [1, с. 22]. Социальное положение узденей в карачаево-балкарском языке четко характеризуют следующие пословицы: *Джарлы бай болур, къул ёзден болмаз* «Бедный может стать богатым, а раб узденем никогда» [1, с. 22].

Эта точка зрения была общей для общественной философии всех демократических обществ Северного Кавказа той эпохи. Например, в демократических республиках Черкесии, где термин *узденъ* не был в ходу, после демократического переворота рубежа XVIII–XIX вв. все свободное население стало именоваться «уорками» / «дворянами», что было синонимично другому социальному термину *тлхукотль* – *вольные земледельцы*. В свою очередь, термин *тлхукотль* являлся синонимом термина «узденъ», бытовавшему в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. [12, с. 372]. Понятно, что такая синонимичность была невозможна в аристократических политиях Черкесии. Такое бытование термина «уорк» в демократических политиях можно объяснить превращением *тлхукотлей* / *тфокотлей* в мелких вотчинников, несших наряду с другими повинностями и военную повинность. Со временем, в XX в., слово «уорк» окончательно теряет свой социальный смысл: «Слово *werq* употребляется среди них [черкесов. – Ф. О.] не в социальном смысле, а в моральном: человек хорошего поведения, человек, строго придерживающийся предписаний адата, есть *werq*» [17, с. 133].

В начале XIX в. *тлхукотли* или «уорки» стали составлять в демократических республиках Нагорной Черкесии 3/4 населения [18, с. 158], этот класс общества расценивался современниками как «среднее сословие» [19, с. 92; 20, с. 523] или, согласно транскриптам черкесских адатов / *хабзэ*: «простой свободный народ» [3, с. 116]. Его права регулировались шестью статьями (§§ 38–44) IV раздела «О простом свободном народе» [3, с. 132–144] «Собрания сведений, относящихся к народным учреждениям и законоположению горцев – адату 1845 г. (Кучерова)».

В результате демократических преобразований на территории Нагорной Черкесии третье сословие получило наряду с экономическими, социальными и политическими права. Аналогичной была ситуация и в Нагорном Дагестане [15, с. 167, 168]. В демократических обществах Черкесии «уорки» делились на две степени: первую и вторую. Причем первая из них стала называться «тлекотлешами». В основе такого деления лежали как важные для общественной деятельности личные качества, так и имущественное благосостояние. В юридическом смысле «тлекотлеша» демократических республик стали стоять выше тлекотлешей княжеств, почти сравнявшись с князьями. Такая же градация наблюдалась и в других демократических обществах. В Нагорном Дагестане «уздени» разделились на богатых, средних и бедных [15, с. 167], в Чечне также на три слоя: *тоьлла нах* / сильные люди, *юккера нах* / средние люди, *лахара нах* / низшие люди [21, с. 332, 333]. Очевидно, что главный критерий дифференциации «уорков» и «узденей», состоявший в размерах обладаемого капитала, дает основание для вывода о формировании в северокавказских демократических обществах на основе товарного земледелия и торговли особого класса состоятельных людей, но при этом отличавшихся особым умом и благородством средневековых уорков и узденей.

Таким образом, анализ заимствования *узденъ* дает основание для вывода, что его семантика и бытование в том или ином языке на Северном Кавказе зависели от социального строя общества. Очевидно, следует разграничить время заимствования и бытования этого термина. Монголизм *устен* / *усден* в значении *знать* бытовал в период расцвета феодальных отношений, позднее, в условиях их кризиса и демократических трансформаций он поменял

свою семантику и на основе контаминации с тюркизмом *озьден* трансформировался в социальный термин «узденъ» с семантикой *независимый, свободный крестьянин*. Следовательно, в бытовании термина *узденъ* в языках кавказских народов как в капле воды отразился ход их социогенеза: ареал бытования социального термина «узденъ» в значении *лично свободный крестьянин* охватил многие территории: Чечню, Ингушетию, Дагестан, осетинские и балкарские общества, Карачай, Нагорную Черкесию.

Амбивалентность в использовании термина *узденъ* в русском языке была связана с отсутствием дифференциации между заимствованным в русский язык монголизмом и его контаминацией в тюркских языках, которая наложилась на первичное заимствование, сформировав таким образом полисемантическое русское заимствование.

Термин *узденъ* дифференцировано употреблялся в русском и ряде языков кавказских народов, выделяя черкесских (кабардинских) узденей (тлекотлешей) как высокородную знать, что семантически близко к монгольскому этимону *устен / усден*. Монголизм *устен / усден* был заимствован черкесским языком из монгольского языка, он был близок к монгольскому этимону, но не был органичен для лингвистической системы черкесского языка, в которой имелись исконные лексемы для обозначения различных сословных разрядов знати, которые в итоге и вытеснили его. После того, как заимствование *wasdany / wastan* в черкесском языке стало историзмом, заимствование «узденъ» в значении «независимый крестьянин» не вошло в обиход черкесского языка, хотя в социальной действительности черкесов существовало третье сословие, черкесы предпочитали оперировать исконными социальными терминами.

И, наконец, если в средние века и в раннее новое время в терминах *узденъ* и *уорк* в большей мере фиксировалось его социальное начало, то в позднее новое время в наибольшей степени проявилась их природная семантика, связанная со свободой как имманентным качеством человека.

Список источников

1. Джидалаев Н. С, Айтберов Т. М. О термине «узденъ» на Северо-Восточном Кавказе // Социальная терминология в языках Дагестана (сборник статей). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. С. 14–33.
2. Кавказский этнографический сборник. Т. 2: Очерки этнографии Горной Ингушетии. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. – 333 с.
3. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882. 396 с.
4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. 326 с.
5. Брокгауз Ф. А., Ефронь И. А. Энциклопедический словарь. Т. 68 А: Углерод – усилие. – СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефронь, 1902. 960 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. 3-е изд. – М.: Русский язык, 1988. Т. 4 (С – Я). 778 с.
7. Бамматов Б. Г., Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь: более 30 тыс. слов / Под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 406 с.
8. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Пер. и сост. В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
9. Налоева Е. Д. Документальные данные о Казанокко Жебаги // Жебаги Казанокко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 г.) / Ред. Р. Х. Гугов, З. М. Налоев. Нальчик: КБНИИЭФ, 1987. С. 90–104.
10. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
11. [Казы-Гирей]. Замечания на статью «Законы и обычаи кабардинцев» // Избранные произведения адыгских просветителей / Р. Х. Хашхожева. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 110–117.

12. Алиев Б. Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 416 с.
13. Ладыженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа / Под ред. А. С. Зейналабидова и В. В. Черноуса / Подготовка текста и коммент. И. Л. Бабаич // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 220 с.
14. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
15. Агларов М. А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане: *Politika-ethnika*. 2-е изд. доп. Махачкала: МавраевЪ, 2013. 144 с.
16. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.
17. Лавров Л. И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. № 4-5. С. 122–134.
18. Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп: Меоты, 1994. 328 с.
19. Каменев Н. Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 23 (7 / 17 июня). С. 92–93.
20. Карлгоф Н. И. О политическом устройстве черкесских племен, населявших северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. II. С. 517–551.
21. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 996 с.

References

1. Dzhidalaev N. S., Aitberov T. M. On the term "uzden" in the North-Eastern Caucasus. *Social terminology in the languages of Dagestan (collection of articles)*. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences; 1989:14–33. (In Russ.).
2. *Caucasian Ethnographic collection. Vol. 2: Essays on ethnography of Mountainous Ingushetia*. Tbilisi: Metsniereba; 1968. 333 p. (In Russ.).
3. Leontovich F. I. *Adats of the Caucasian highlanders: Materials on the customary law of the North and East Caucasus*. Issue I. Odessa: Type. P. A. Zelenago; 1882. 396 p. (In Russ.).
4. Abaev V. I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*: In 4 volumes. Leningrad: Nauka; 1989. Vol. 4. 326 p. (In Russ.).
5. Brockhaus F. A., Efron I. A. *Encyclopedic dictionary*. Vol. 68 A: Carbon – effort. – St. Petersburg: Type. JSC Brockhaus-Efron; 1902. 960 p. (In Russ.).
6. *Dictionary of the Russian language*: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language; Ed. by A. P. Evgeniev, G. A. Razumnikov. Russian Language, 1988. Vol. 4 (C – Ya). 778 p. (In Russ.).
7. Bamatov B. G., Gadjiakhmedov N. E. *Kumyk-Russian dictionary: more than 30 thousand words*. Edited by B. G. Bamatov. Makhachkala: IYALI DNC RAS; 2011. 406 p. (In Russ.).
8. Adygs, Balkars and Karachays in the news of European authors of the XIII–XIX centuries. / Trans. and comp. V. K. Gardanova. Nalchik: Elbrus; 1974. 636 p. (In Russ.).
9. Naloeva E. D. Documentary data on Kazanoko Zhebagi. In: *Zhabagi Kazanoko (300 years). Materials of the regional scientific conference* (October 30-31, 1985). Ed. R. H. Gugov, Z. M. Naloev. Nalchik: KBNIIEF; 1987:90–104. (In Russ.).
10. Gardanov V. K. *The social system of the Adyghe peoples (XVIII – the first half XIX century)*. Moscow: Nauka; 1967. 331 p. (In Russ.).
11. [Kazy-Giray]. Comments on the article "Laws and customs of Kabardians". In: *Selected works of the Adyghe enlighteners*. R. H. Khashozheva. Nalchik: Elbrus; 1980:110–117. (In Russ.).
12. Aliyev B. G. *The peasantry of Dagestan in the XVIII – first half of the XIX century*. Makhachkala: IIAE DNC RAS; 2009. 416 p. (In Russ.).

13. Ladyzhensky A. M. The Adats of the highlanders of the North Caucasus. Edited by A. S. Zeynalabidov and V. V. Chernous. Text preparation and commentary. I. L. Babaich. In: *South Russian Review of the Center for Systemic Regional Research and Forecasting of the IPPC at the Russian State University and ISPI RAS*. Issue 18. Rostov-on-Don: Publishing House of the Higher School of Economics; 2003. 220 p. (In Russ.).
14. Kazharov V. H. *Traditional public institutions of Kabardians and their crisis at the end of the XVIII – first half of the XIX century*. Nalchik: El-Fa; 1994. 438 p. (In Russ.).
15. Aglarov M. A. *Ethnogenesis in the light of political anthropology and ethnonymy in Dagestan: Politika-ethnika*. 2nd ed. Supplement. Makhachkala: Mavraev; 2013. 144 p. (In Russ.).
16. Dubrovin N. F. *The history of the war and Russian rule in the Caucasus*. St. Petersburg: Type. Department of the Estates, 1871. Vol. 1. Book 1. 656 p. (In Russ.).
17. Lavrov L. I. From a trip to the Black Sea Shapsugia in the summer of 1930. *Soviet ethnography*. 1936;(4-5):122–134. (In Russ.).
18. Bizhev A. H. *The Adygs of the North-Western Caucasus and the crisis of the Eastern question in the late 20s - early 30s of the XIX century*. Maikop: Meoty; 1994. 328 p. (In Russ.).
19. Kamenev N. L. Psekups basin. *Kuban military vedomosti*. 1867;23 (June 7 / 17):92–93. (In Russ.).
20. Karlhof N. I. On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea. *Russian Bulletin*. 1860;28(II):517–551. (In Russ.).
21. Akhmadov Ya. Z., Khasmagomadov E. H. *The history of Chechnya in the XIX–XX centuries*. Moscow: Pulse; 2005. 996 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф. А. Озова – доктор исторических наук, доцент, академик АМАН, заведующий Отделом истории народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова.

Information about the author

F. A. Ozova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Academician of the Adyghe International Academy of Sciences, Head of the Department of the History of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic of Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-24-29>

EDN GIPNCJ

К вопросу актуальности регулятивной роли обычного права

Арсен Нажмудинович Маремкулов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения ценности обычного права, его регулятивной роли. Обычное право играет важную роль в сохранении традиций и культурного наследия народов Северного Кавказа, отражая уникальные особенности того или иного народа, его ценности, нормы поведения и, что очень важно, с точки зрения современного правосопонимания, представлений о справедливости. В работе показан регулятивный потенциал обычного права, предложен авторский подход к пониманию обычного права.

Ключевые слова: обычай, обычное право, законодательство, регулятивная роль, социальный регулятор

Для цитирования: Маремкулов А. Н. К вопросу актуальности регулятивной роли обычного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 24–29. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-24-29>. EDN GIPNCJ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the issue of the relevance of the regulatory role of customary law

Arsen N. Maremkulov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the value of customary law and its regulatory role. Customary law plays an important role in preserving the traditions and cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, reflecting the unique characteristics of a particular people, their values, norms of behavior and, very importantly, from the point of view of modern legal understanding, ideas about justice. The paper shows the regulatory potential of customary law, and suggests an author's approach to understanding customary law.

Keywords: custom, customary law, legislation, regulatory role, social regulator

For citation: Maremkulov A. N. On the issue of the relevance of the regulatory role of customary law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):24–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-24-29>. EDN GIPNCJ

Северный Кавказ – это уникальный регион, населенный разнообразными этническими группами, каждая из которых обладает своими традициями и обычаями. Применение обычного права на Северном Кавказе сталкивается с рядом сложностей, которые требуют более глубокого исследования и анализа.

Вопрос актуальности обычного права не вызывает сомнений, поскольку имеет фундаментальное значение для сохранения самобытности народа, являясь важнейшим компонентом правовой системы. В этой связи мы согласны с мнением специалистов, которые

справедливо отмечают, что изучение правовой культуры народов Северного Кавказа необходимо поскольку в основе данного процесса лежит, с одной стороны, грамотное использование специфики правовой идеологии и правовой практики горцев, а, с другой стороны, умелое сочетание традиционной правовой культуры и новых институтов гражданского общества, ранее им не свойственных, но столь необходимых в нынешнее время [1, с. 7].

В аспекте актуальности следует также отметить позицию Шапсугова Д. Ю., тонко подметившего, что «... странно выглядят имеющие пока широкие хождения рассуждения о неизменности обычного права как раз и навсегда данного правового явления, якобы давно уже утратившего свое социальное значение и ушедшего в историю вместе с формировавшей его эпохой» [2, с. 6].

По нашему мнению, именно такой, не вполне себя оправданный подход, согласно которому обычное право воспринимается как неповоротливый механизм, исчерпавший свой потенциал, приводит к тому, что его не воспринимают как важный социальный регулятор. Полагаем, что изучение роли обычного права, его регулятивных функций, будет иметь существенное значение, как для укрепления культурного наследия каждого народа, так и поддержания огромного потенциала, заключенного в этом правовом явлении.

Убеждены, что регулятивный потенциал обычного права не используется в полном объеме. Между тем, он имеет ряд неоспоримых преимуществ:

– применение обычного права может обеспечивать стабильность и предсказуемость правовой системы. Оно устанавливает правила и принципы, которым должны следовать субъект, позволяя ему предвидеть последствия своих действий. Наряду с этим предоставляются альтернативные механизмы разрешения споров, которые могут быть более доступными и чувствительными к местной специфике;

– обычное право играет важную роль в поддержании механизмов социальной сплоченности и предотвращении конфликтов в обществе. Повышение регулятивной роли обычного права может укрепить эти механизмы и способствовать миру и стабильности как в обществе, так и в регионе в целом;

– повышение регулятивной роли обычного права может способствовать формированию более инклюзивной и эффективной правовой системе, которая отвечает потребностям всех членов общества. Повышение его регулятивной роли может способствовать инновациям и адаптации к новым вызовам, таким как глобализация, урбанизация и технологические изменения. Это возможно за счет того, что обычное право часто воспринимается как авторитетное, поскольку оно основано на традициях, обычаях и согласии сообщества;

– обычное право может быть более эффективным, поскольку оно адаптировано к конкретным фактам каждого дела, что позволяет находить справедливые и практичные решения, которые соответствуют уникальным обстоятельствам дела. Обычное право может предоставлять альтернативные механизмы разрешения споров и восстановления доверия между различными группами. Это может способствовать «исцелению ран», созданию прочного мира и предотвращению будущих конфликтов.

Для понимания регулятивной роли обычного права необходим глубокий ретроспективный анализ его применения нашими предками. «Непредвзятый анализ исторического опыта необходим, чтобы найти долгосрочные, а главное – перспективные решения проблем внутренней политики нашего государства» [3, с. 4].

Ретроспективный анализ действия обычного права также свидетельствует о его значимости в политике государства. Так, в XIX в. веке на Северном Кавказе обычное право получало официальное признание российских властей, при этом максимально сохраняя его суть, поскольку многое из него для российских властей было новым и неизвестным. Именно подобный подход позволял самодержавной власти сохранить в неприкосновенности право данных народов, а вместе с этим и достаточно эффективно управлять пестрым с этнической точки зрения регионом. Так, в пункте 10 Наставления временному суду, учрежденному в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, от 29 августа 1822 г. отмечалось, что

«Все дела гражданские и спорные между Кабардинцами, равно и претензии на них от людей инородных, разбираются и решаются по их древним обычаям и обрядам, **приспособленные оные** (выделено нами – А.М.) поколику важность случаев дозволит к правам Российским» [4, с. 274].

Обычное право являлось важнейшим историческим памятником, которое свидетельствовало о развитии общественных отношений, укладе и культуре народов Северного Кавказа. Обычное право являлось регулятором общественных отношений, которое находилось в постоянной динамике, нередко различно трактовалось и нуждалось к в конкретизации так и фиксации.

Именно здесь можно говорить о ценности обычного права, которое имеет свое самостоятельное значение. Оно базируется на совершенных ценностях, подчеркивая особую связь с жизнью своего народа, выступает фундаментом, позволяющим передать свой регулятивный потенциал последующим поколениям. Именно обычное право при разрешении тех или иных вопросов может стать проводником, который соединяет воедино и свой потенциал, и законодательство с его регулятивным арсеналом. В связи с этим не так уж мифически выглядит идея принятия законодательного акта, закрепляющего за коренными народами возможности использовать обычное право.

Вместе с тем существует ряд проблемных вопросов, требующих серьезной проработки поскольку, без их разрешения невозможно представить обычное право в качестве эффективного регулятора. Здесь в первую очередь следует выделить проблематику формальной определенности обычного права. Эта проблема настолько серьезна, что на ее острие стоит вопрос о признании в принципе регулятивной роли обычного права. Специалисты в области изучения обычного права особо обеспокоены этой проблемой, показывая тонкие моменты формальной определенности обычного права, справедливо полагая, что: «Разнообразие, неоднородность и отсутствие иерархически выстроенных и четко определенных источников обычного права препятствуют обобщению, упорядочению, объективации обычно-правовой практики» [5, с. 80].

Также Шатковская Т. В. отмечает, что следствием длительного господства позитивизма в российской теории права стала абсолютная идентификация некоторыми исследователями понятий обычное право и обычай. При этом обычное право называют источником (формой) права [5, с. 80].

Необходимо признать, что существует множество подходов к понятию обычного права. Ни в коем случае, не отвергая предложенные подходы считаем возможным предложить свое видение **обычного права как фундаментального явления, представляющего собой особый комплекс обычаев и верований, принимаемых членами общества как общеобязательная норма поведения.**

Подобный подход к обычному праву, с использованием его регулятивного потенциала позволяет нам говорить о комплексном, целостном подходе к регулированию правоотношений. Обычное право может быть использовано как инструмент урегулирования конфликтов. В то время как законодательство в силу объективных причин не всегда способно справиться с поставленной задачей (самым наглядным в этом плане можно считать национальный вопрос). Иначе говоря, обычное право в этих вопросах имеет более совершенный механизм, который во главу угла ставит такие категории как «стыд, позор, бесчестие».

Необходимо понимать, что обычное право продолжает играть важную роль в современных правовых системах, несмотря на растущее значение писаного права. Его регулятивные преимущества остаются актуальными и применимыми к широкому кругу правовых вопросов. Повышение регулятивной роли может помочь защитить права человека, при этом гарантируя учет культурного разнообразия. Это особенно актуально для коренных народов и других меньшинств, чьи права и культура могут быть ущемлены доминирующей правовой системой.

Нам совершенно очевидно, что в современном правопонимании существует потребность в разработке новых подходов к применению обычного права на Северном Кавказе. Решение восполнения этой потребности мы видим в решении следующих задач:

1. Признание необходимости изучения обычного права на Северном Кавказе

Применение обычного права на Северном Кавказе является сложной и многогранной проблемой, которая требует внимательного анализа и изучения. Регион, богатый разнообразной этнической культурой и традициями, имеет долгую историю применения обычного права в сфере регулирования юридических отношений. С развитием современного законодательства и юридической системы на Северном Кавказе, возникают новые вызовы и проблемы, касающиеся согласования обычного права с официальными нормами законодательства. Важно понимать, каким образом обычное право взаимодействует с законодательством, и каким образом оно применяется в современном обществе.

Одной из главных проблем применения обычного права на Северном Кавказе является недостаточная база для его регулирования. Официальное законодательство часто не учитывает особенности и традиции этнических общностей региона, что может приводить к конфликтам или как минимум недопониманиям. Обычное право, базирующееся на традициях и устоявшихся обычаях, может противоречить действующему законодательству, что создает конфликты и затрудняет правоприменительную практику.

В современном обществе, где приоритет отдается официальному законодательству, обычное право часто оказывается вне центрального внимания правовой системы. Недостаточная правовая база для регулирования обычного права ведет к непониманию и недостаточной защите прав и интересов тех, кто опирается на обычные нормы и принципы.

2. Исторический обзор обычного права и возможность его влияния на современную юридическую систему

Обычное право народов Северного Кавказа имеет давние корни, которые уходят в историю народов этого региона на многие века назад. Северный Кавказ является уникальным регионом, где сосуществуют различные этнические группы со своими традициями и обычаями. Каждая этническая группа развивала свои собственные нормы и правила, которые регулировали жизнь общества.

Принципы обычного права народов Северного Кавказа основывались на традиционных ценностях, коллективизме, взаимной поддержке и справедливости. Важным аспектом обычного права была роль старейшин и духовных лидеров, которые являлись авторитетами и разрешали споры и конфликты в соответствии с традициями и обычаями своего народа.

Обычное право народов Северного Кавказа, имея богатую историю, может сыграть значительную роль в формировании современной юридической системы региона. Изучение его исторического развития и влияния на современную юридическую систему позволяет лучше понять особенности правовой культуры этнических групп Северного Кавказа и разработать эффективные подходы к сближению обычного и официального права. Его влияние на современную юридическую систему несомненно, и исследование этого взаимодействия поможет развивать эффективные модели согласования традиционных норм с современными потребностями общества.

3. Определение проблем и вызовов, связанные с применением обычного права

Основные проблемы и вызовы видятся нам в следующем:

а) Обычное право в Северокавказском регионе в основном не кодифицировано, что приводит к неопределенности и непредсказуемости его применения.

б) Различные сообщества могут иметь свои собственные интерпретации и обычаи, что может привести к противоречивым решениям. Также обычное право может вступать в конфликт с официальным российским правом, что создает правовую неопределенность и трудности для правоохранительных органов (к примеру обычаи кровной мести).

в) в Северокавказском регионе часто отсутствуют эффективные механизмы обеспечения соблюдения обычного права. Это может привести к безнаказанности за нарушения и подрыву верховенства закона.

Совершенно очевидно, что применение обычного права в Северокавказском регионе сопряжено с рядом проблем и вызовов. Однако, принимая комплексный подход, включающий кодификацию, согласование с официальным правом, а также создание эффективных механизмов обеспечения соблюдения, можно решить эти проблемы и способствовать верховенству закона и защите прав граждан в регионе.

4. Новые подходы к защите и применению обычного права на Северном Кавказе

Несмотря на обозначенные выше проблемы, полагаем, что кодификация обычного права повышает его предсказуемость и единообразие. Документирование и систематизация обычаев и традиций создает справочный документ, который облегчает применение обычного права органами власти и другими заинтересованными сторонами. Этот подход способствует большей определенности и снижению произвольного толкования обычного права.

Традиционные институты, такие как советы старейшин, играют важную роль в применении обычного права. Поддержка и укрепление этих институтов помогает сохранить и передать обычное право будущим поколениям. Интеграция традиционных институтов в формальные правовые структуры может укрепить легитимность обычного права и способствовать его более широкому принятию. Этот подход обеспечивает большую гибкость и чувствительность к местным обычаям и традициям, одновременно гарантируя соблюдение конституционных принципов.

5. Перспективы развития обычного права на регионе

Интеграция с официальным правом, поддержка традиционных институтов, образование и исследования могут способствовать сохранению и укреплению обычного права, обеспечивая его дальнейшую роль в поддержании справедливости и правопорядка в регионе.

Обычное право постоянно адаптируется к меняющимся условиям. Интеграция обычного права с официальным правом повышает его легитимность и обеспечивает более широкий доступ к правосудию. Это способствует кодификации и систематизации обычного права с целью повышения его предсказуемости, признания положений, основанных на обычном праве, в рамках официальной правовой системы.

Подводя краткий итог следует отметить, что сегодня потребность в изучении обычного права более чем очевидна. Отказ от признания регулятивной роли обычного права, означает полную передачу этого процесса в руки законодателей, а его игнорирование и отказ от его изучения, отодвигает нас от справедливости права, от эталона, который позволяет нам говорить о праве в целом. В этой связи можно согласиться с мнением исследователей, которые отмечают, что «... мы способны, а поэтому и обязаны заниматься поисками эталона, ссылаясь на который мы можем судить идеалы как своего собственного, так и любого другого общества» [6, с. 311].

Список источников

1. Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л., Плиев А. А. Этнополитические аспекты правовой культуры народов Северного Кавказа: исторические корни и современность: монография. М., 2022. 244 с.
2. Шапсугов Д. Ю. Правовой мир как реальность и научная проблема (Вместо предисловия) // Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов на Дону, 2011.
3. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 405 с.
4. Памятники права черкесов (адыгов). Составители: Шапсугов Д. Ю., Думанов Х. М., Маремкулов А. Н. и др. Т. 3. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. 736 с.

5. Шатковская Т. В. Приговоры волостных и сельских сходов российских крестьян Северного Кавказа как источник обычного права. // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы международной практической конференции. Ростов-на-Дону, 2012. С. 79–85.
6. Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. 311 с.

References

1. Albogachieva M. S.-G., Babich I. L., Pliev A. A. *Ethnopolitical aspects of the legal culture of the peoples of the North Caucasus: historical roots and modernity*: monograph. Moscow; 2022. 244 p. (In Russ.).
2. Shapsugov D. Yu. The legal world as a reality and a scientific problem (Instead of a preface). In: *The legal world of the Caucasus: past, present, future*. Materials of the international scientific and practical conference. Rostov on Don; 2011. (In Russ.).
3. Maremkulov A. N. *Legal forms of the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries: historical and legal aspect*. ... Dis. doct. Jurid. sciences'. Rostov-on-Don; 2005. 405 p. (In Russ.).
4. *Monuments of Circassian (Adyg) law*. Compiled by Shapsugov D. Yu., Dumanov H. M., Maremkulov A. N. and others. Vol. 3. Rostov-on-Don: SKAGS Publishing House; 2011. 736 p. (In Russ.).
5. Shatkovskaya T. V. Sentences of volost and rural gatherings of Russian peasants of the North Caucasus as a source of customary law. In: *The State and the law of the peoples of the Caucasus: problems of formation and development*. Materials of the international practical conference. Rostov on Don; 2012: 79–85. (In Russ.).
6. Strauss L. *Natural law and history*. Moscow; 2007. 311 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Н. Маремкулов – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Information about the author

A. N. Maremkulov – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 342.5+341.7
<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-30-40>

EDN XJLMRO

Прекращение существования молдавской государственности в XIX веке

Александр Акимович Караман

Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры, Москва, Россия,
alexman-k@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена активизацией государственной политики, проводимой властями Румынии и Республики Молдова и, направленной на возможное объединение Республики Молдова и Румынии. При таком развитии событий возможно прекращение существования молдавской государственности и, создание, тем самым, прецедента, аналогичного тому, что имел место в XIX веке.

Цель и задачи исследования состоят в формировании научного обоснованного вывода, проведении анализа исторических событий и юридических действий, которые привели к прекращению существования Молдавского Княжества в XIX веке.

В ходе исследования использованы общенаучные и специальные методы исследования системный, логический, анализа и синтеза, исторический, толкования и другие.

В результате исследования на основе анализа достаточного количества научных исторических источников и нормативных правовых актов доказано, что образование Румынии как государства стало возможным в результате внешнего влияния заинтересованных, так называемых, покровительствующих государств. Результатом образования Румынии стало исчезновение более чем на 60 лет молдавской государственности.

Ключевые слова: Валашское Княжество, Молдавское Княжество, Куза А. И., Парижский конгресс, покровительствующие державы, Берлинский конгресс, Румыния

Для цитирования: Караман А. А. Прекращение существования молдавской государственности в XIX веке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 30–40. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-30-40>. EDN XJLMRO

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The cessation of the existence of Moldovan statehood in the XIX century

Alexander A. Karaman

International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, Moscow, Russia,
alexman-k@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the intensification of public policy pursued by the authorities of Romania and the Republic of Moldova and aimed at the possible unification of the Republic of Moldova and Romania. With such a development of events, the termination of the existence of Moldovan statehood is possible and, thereby, the creation of a precedent similar to that which took place in the XIX century. The purpose and objectives of the study are to form a scientifically sound conclusion, analyze historical events and legal actions that led to the termination of the existence of the Moldavian Principality in the XIX century. In the course of the research, general scientific and special research methods were used: systemic, logical, analysis and synthesis, historical, interpretation and others.

As a result of the study, based on the analysis of a sufficient number of scientific historical sources and normative legal acts, it is proved that the formation of Romania as a state became possible as a result of the external influence of interested, so-called patronizing states. The result of the formation of Romania was the disappearance of Moldovan statehood for more than 60 years.

Keywords: Wallachian Principality, Moldavian Principality, Kuza A. I., Paris Congress, patronizing powers, Berlin Congress, Romania

For citation: Karaman A. A. The cessation of the existence of Moldovan statehood in the XIX century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):30–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-30-40>. EDN XJLMRO

Введение

Предметом исследования в настоящей статье стали исторические события и юридические действия, в результате которых в XIX веке образовалось новое государство под названием Румыния.

С образованием Румынии прекратило своё существование другое государство – Молдавское Княжество, которое стало частью Румынии. Молдавская государственность возродилась через 65 лет, уже в составе Союза ССР, вначале в виде Молдавской АССР в составе Украинской ССР. В 1940 г. Молдавская АССР была преобразована в Союзную Молдавскую ССР. С прекращением существования СССР, бывшая Молдавская ССР стала суверенной и независимой Республикой Молдова.

Анализ первых нормативных правовых актов, провозглашающих суверенитет и независимость Молдовы, позволяют сделать вывод о том, что эти акты были призваны обосновать и подготовить историческую и юридическую основу будущего объединения с Румынией. В первом таком нормативном акте декларировалось, что молдавская государственность была образована «...в XIV веке на территории предков румын – гето-даков»¹. Это Постановление легло в основу акта о суверенитете, принятого в ходе того же заседания². Через год будет принят акт о независимости, нормы и положения которого отражали различные эпохи развития румынского государства и, почти не затрагивалась многовековая история Молдавского Княжества³.

Между тем, образование румынского государства привело к прекращению существования Молдавского Княжества.

Прекращение молдавской государственности и его последствия

Дунайские княжества (общее название Валашского и Молдавского княжеств), даже, пребывая под властью мусульманской Османской империи, сумели сохранить определённую самостоятельность в экономической, культурной и, особенно, в духовной сфере. Эта самостоятельность гарантировалась княжествам в отдельных статьях, практически, всех русско-турецких трактатов и конвенций, начиная с времён правления Императрицы Екатерины Великой.

Эта самостоятельность была обусловлена, с одной стороны, обязанностью Османской империи соблюдать права и свободы, перечисленные в этих актах. С другой стороны, они гарантировались Российской Империей, которая получала право «говорить в пользу» Дунайских княжеств.

¹ Постановление Верховного Совета ССР Молдова № 149 от 23.06.1990 г. «О заключении Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины» // *Buletinul official* №6 от 30.08.1990.

² Декларация «О суверенитете Советской Социалистической Республики Молдова» от 23 июня 1990 г. // Советская Молдавия. 1990. 28 июня.

³ Закон Республики Молдова № 691-XII от 27 августа 1991 года «О Декларации о независимости Республики Молдова» // *Официальный вестник*. 1991. № 11-12. Ст. 103.

Впервые такие нормы были заложены в статье 16 Кучук-Кайнарджийского мирного трактата, подписанного по итогам русско-турецкой войны 1768-1774 гг.¹ Кроме того, что Российская Империя добилась от Турции гарантии обеспечения жителям Молдавского и Валашского княжеств целого ряда прав и свобод, Княжества получили право на своих поверенных в делах при Порте, что существенно повышало их статус. И, самое главное, Российская Империя могла представлять интересы этих двух Княжеств через министров, аккредитованных при Османской Порте, тем самым осуществляя практически свой протекторат над этими двумя Княжествами.

10 (21) марта 1779 г. представителями двух империй была подписана Конвенция, объявленная составной частью Кучук-Кайнарджийского договора. Нормы статьи 7 этой Конвенции подтверждали юридическую силу уступок со стороны Османской Порты и перечисляла её дополнительные обязательства перед Молдавским и Валашским княжествами².

Очередная русско-турецкая война закончилась поражением Османской империи, которая была вынуждена в 1791 г. подписать Ясский мирный трактат. Одно из важнейших значений настоящего Трактата состоит в том, что им подтверждается незыблемость Кучук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного ещё в 1774 г. и последующих важнейших двусторонних соглашений. В статье II перечислены нормативные правовые акты, юридическая сила которых подтверждается Яским мирным трактатом³.

Покровительство России в отношении Дунайских княжеств было обусловлено тем, что, образованные в середине XIV в. Валашское и Молдавское княжества, пользовались кириллической письменностью, исповедовали православную веру и богослужения проводили на старославянском языке. И, только после объединения этих двух княжеств в единое новое государство под названием Румыния, в Румынии начался переход на латинскую графику и искоренение общей славянской истории.

Объединение Дунайских княжеств связано с итогами Крымской войны. Ещё в ходе войны, в декабре 1854 г., в Вене началось совещание представителей стран участниц Крымской войны с целью выработки соглашения, которое могло бы способствовать началу переговоров о мире. Тарле Е. В. посвятил Венскому совещанию отдельную главу во втором томе своего исследования [1]. Относительно Дунайских княжеств, предлагалось учредить совместный протекторат всех великих держав над княжествами. Для России фактически это означало отказ от Кучук-Кайнарджийского мирного трактата 1774 г. Российское представительство на совещании в лице Горчакова А. М. отбивалось, насколько могло, от ультимативных требований западных держав, в том числе и в части отказа от мирного трактата 1774 г. [2].

Совещание продлилось до апреля 1855 г., после чего боевые действия возобновились. Окончательную черту под Крымскую войну, неудачную для России, подвели на Парижском конгрессе. Еще до начала Конгресса было известно, что Наполеон III настаивал на объединении Валашского и Молдавского княжеств, поскольку, он рассчитывал, что княжества, объединённые в одно государство, выйдут из-под влияния России. В этом его поддерживали Англия и Сардиния. Россия тоже выступала за объединение княжеств, поскольку, тоже

¹ Трактат вечного мира и дружбы, заключённый между Империею Всероссийскою и Османскою Портою при деревне Кучук-Кайнарджа 10 июля 1774 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. : Под редакцией М.М. Сперанского : Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии : СПб.: 1830 : (Далее – ПСЗРИ-1) : Том XIX. 1770–1774 гг. 1083 с. № 14.164. С. 957–967.

² Изъяснительная конвенция, заключенная между Российской Империею и Портою Османскою в 10 день марта 1779 года, на которую и взаимныя Ея Императорскаго Величества и Ея Султанова Величества ратификации в 24 день июня сего ж года, между полномочным Ея Императорскаго Величества Министром и Чрезвычайным посланником, Статским советником Стахиевым и Верховным визирем разменены // ПСЗРИ-1: Том XX. 1775–1780 гг. 1041 с. № 14.851. С. 800–805.

³ Трактат вечного мира и дружбы, заключённый между Империею Всероссийскою и Османскою Портою в Яссах 29 декабря 1791 г. // ПСЗРИ-1 : Том XXIII. 1789 - 6 ноября 1796 гг. № 17.008. С. 287–292.

надеялась, что, объединённые православные княжества, останутся под влиянием России. Таким образом, ещё до Конгресса, большинство стран-участниц поддержали идею объединения Валашского и Молдавского княжеств [3, с. 143]. Об обстановке, царившей на Конгрессе, подробно изложено у Петрова А. Н. [4].

Завершился Конгресс подписанием Парижского трактата, по условиям которого объединения княжеств не состоялось, но, Россия была вынуждена отказаться от протектората над Валашским и Молдавским княжествами, а, также, Сербией. Кроме того, Россия уступала Молдавскому Княжеству свои владения в устьях Дуная и часть Южной Бессарабии, взамен на возврат Севастополя, Балаклавы, Камыша, Керчи, Еникале, Кинбурна и других территорий, захваченных антирусской коалицией. В статьях 21-28 устанавливались нормы и положения, регламентирующие статус Дунайских княжеств, как, пребывающих «под верховной властью Порты и при ручательстве договаривающихся держав»¹.

Уже после Парижского конгресса, в 1857 г., Наполеон III, после встречи с Королевой Англии Викторией, отказался от идеи объединения Дунайских княжеств [5, с. 170–172]. Однако процесс уже был запущен, и он оказался необратим.

На конференции представителей покровительствующих держав, созванной 7 (19) августа 1858 г. в Париже была принята Конвенция, в которой было установлено, что Молдавское и Валашское княжества в дальнейшем будут именоваться Соединёнными Княжествами Молдавии и Валахии и останутся под сюзеренной властью Султана. Но при этом каждое княжество будет иметь своего господаря, законодательное правительство и армию².

17 января 1859 г. Господарем Молдавского Княжества был избран Александру Ион Куза – сторонник объединения Валашского и Молдавского княжеств. При помощи своих единомышленников в Бухаресте ему удалось добиться 5 февраля 1859 г. окружения парламента Валашского Княжества, который был вынужден избрать Кузу А. И. одновременно и Господарем Валахии, что открыло путь к объединению княжеств в единое государство. Двойное избрание Кузы А. И. было поддержано Сардинией и Россией. Против выступили представители Турции и Австрии. Такой расклад сформировался на Парижской конференции представителей в апреле 1859 г. После поражения Австрии во франко-итало-австрийской войне 1859 г. она уже не могла противиться двойному избранию Кузы А. И. Таким образом, Турция осталась единственным противником его двойного избрания.

Очередная Парижская конференция представителей европейских держав, созванная 25 августа (6 сентября) 1859 г., признала двойное избрание Кузы А. И. [6, с. 8–10]. Но это ещё не было окончательным объединением княжеств в единое государство. В каждом княжестве, пока по-прежнему в Яссах и Бухаресте, действовали свои правительства и свои законодательные собрания.

Таким образом, на данном этапе имела место персональная (личная) уния, когда два монархических государства объединились под властью одного монарха, при котором каждое государство сохраняло свои органы власти и управления. Особенность настоящей унии заключалась в том, что она являлась личной в полном смысле слова, поскольку при настоящей унии Господарь Молдавского Княжества Куза А. И. объединял своё княжество с Валашским Княжеством, Господарем которого был тот же Куза А. И. В декабре 1860 г. Куза А. И. послал великим державам меморандум и письма с просьбой разрешить окончательное политическое и административное объединение княжеств.

14 (26) сентября 1861 г. в Константинополе была созвана очередная конференция послов покровительствующих держав, в ходе которой представители Турции заявили, что

¹ Парижский мирный договор от 18 (30) марта 1856 // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / [под ред. Е.А. Адамова ; сост. И.В. Козьменко]. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с. С. 23-34.

² Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств Париж, 7/19 августа 1858 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / [под ред. Е.А. Адамова ; сост. И.В. Козьменко]. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с. С. 56–68.

поскольку они не признают двойное избрание Кузы А. И., которое прошло без согласия Турции, они планируют военное вторжение в княжества. Русский посол Лобанов-Ростовский и французский посол Лаллеман, а также, посол Англии поддержали просьбу об объединении и выступили против военного вмешательства Турции. Тогда Турция предложила фирман (Указ Султанов Османской империи – прим. автора), в котором выражалось согласие на двойное избрание Кузы А. И., но только на период его правления.

Как видно из изложенного, Россия принимала самое активное участие в защите прав и интересов Дунайских княжеств как в период их отдельного существования, так и в процессе образования нового государства под названием Румыния. Все эти события и действия стали предметом исследования в монографии известных молдавских историков [7].

Государство Румыния не состоялось бы и без участия западных держав, которые как раз своим участием стремились, если не исключить, то хотя бы ограничить роль России в этом историческом процессе [8].

11 (23) декабря 1861г. Куза А. И. впервые в прокламации официально провозгласил объединение княжеств. Тем самым полное политическое и административное объединение Молдавии и Валахии в единое Румынское государство практически завершилась [6, с. 12–13]. Таким образом, с этого момента имела место реальная уния, фактически, как следствие, заговора элит обоих княжеств. Включения в состав Румынии избежала только та часть Молдавского Княжества, которая по Бухарестскому мирному трактату была возвращена России¹.

Исторический анализ развития унии в хронологическом порядке и анализ соответствующих нормативных актов не дают полного понимания процессов, которые привели к указанной унии. При всём желании и энергии Кузы А. И., осуществить столь радикальную реформу государственного и правового статуса Валашского и Молдавского княжеств без влияния извне было бы невозможно. Автор считает, что идея унии зародилась в умах национальной элиты Валашского Княжества задолго до избрания Кузы А. И. Господарем этих двух княжеств одновременно. Скорее всего, такое его избрание стало финалом многолетней и многосторонней деятельности западно-европейских государств, направленной на ослабление влияния России в Дунайских княжествах.

Особую роль сыграл так называемый Трансильванский фактор. После перехода Трансильвании в состав Габсбургской империи под предлогом более эффективной интеграции румынского населения была провозглашена церковная Уния с обращением православных жителей Трансильвании в греко-католиков [9].

Именно в Трансильвании зародилась и стала быстро расширяться интеллигентская прослойка, представленная учителями и учащимися старших классов, студентами, научными работниками, творческой интеллигенцией, офицерами, чиновниками разного уровня, священниками, которые приняли Унию. Представители этого круга возглавили национальное движение и стали основателями так называемой Трансильванской школы. Идеологемой этой школы стало возвышение румын, провозглашение их в качестве «исторической нации» и наследников римлян. При этом полностью отрицалось влияние славянского фактора на формирование этносов Валашского и Молдавского княжеств. Из богослужений искоренялся церковно-славянский язык, из лексикона и грамматики исключались слова, имевшие славянские корни [10, с. 393–446].

Известный отечественный исследователь тематики Дунайских княжеств Гросул В. Я. отмечает существенную роль Франции, которую она сыграла в общественно-политической жизни Дунайских княжеств после Французской революции 1830 г. Это влияние осуществлялось, пользуясь современной терминологией, через «мягкую силу» – большое количество

¹ Трактат о мире между Россией и Оттоманскою Портою от 16 мая 1812 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. : Под редакцией М.М. Сперанского : Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии : СПб.: 1830. Том XXXII. (1812 – 1815 гг.). 1135 с. №25.110. С. 316–322.

студентов из Дунайских княжеств, которые обучались в Париже. Эти студенты, вернувшись после обучения на свою Родину, со временем станут представителями интеллигенции – научного и культурного сообщества, государственными служащими, которые станут продвигать западные ценности [11].

Автор считает, что, именно опираясь на эту «мягкую силу», Наполеон III станет продвигать идею объединения Валашского и Молдавского княжеств. На эти факторы обращает внимание и Шевченко К. В., который приходит к выводу, что именно научные, исторические и идеологические теории представителей Трансильванской школы, основанные на религиозных постулатах униатской церкви, и выпускники западноевропейских университетов, стали основными проводниками идеологии единого Румынского государства [12].

Ещё на стадии обсуждения принципов, на основе которых будет создано новое государство, было принято решение, что оно будет называться Румынией и проводить политику нейтралитета. А на престол следовало пригласить иностранного принца из известного европейского рода с условием, что его дети будут воспитываться в православных традициях [13].

Однако, как было изложено выше, обстоятельства сложились таким образом, что первым Господарем объединённой Румынии стал Куза А. И. Правительство Кузы А.И. организовало гонения на Молдавскую православную церковь и её паству. Новые румынские власти установили, что впредь Молдавская православная церковь будет подчиняться светским властям, а вся церковная и монастырская собственность стала изыматься в пользу государства [14]. Повсеместно отменялись богослужения на церковно-славянском языке, уничтожались церковные книги, даже изданные на молдавском языке, но на кириллице, закрывались школы с преподаванием предметов на молдавском языке, вся письменность переводилась с кириллицы на латиницу.

Вместе с тем, как отмечает Виноградов В. Н., эйфория национальных элит от объединения очень быстро столкнулась с суровой реальностью положения в новой стране. Практическое отсутствие какой-либо промышленности и железных дорог, отсутствие финансовой и банковской систем, национальной валюты, нищета безземельных крестьян, клановые интересы и коррупция привели к тому, что за первые два года правления Кузы А. И. в Молдавском Княжестве сменилось 20 составов правительств, в Валашском – 11. К вождистским замашкам Кузы, казнокрадству и кумовству в государственном аппарате, налоговому бремени и нарушениям конституционных прав добавились недовольство населения частной жизнью господаря, который злоупотреблял алкоголем, практически бросил супругу и завёл себе связи на стороне [13].

Всё это вызывало недовольство как околдворцовой оппозиции, так и широких масс населения, особенно в Молдавском Княжестве. В конечном итоге эти недовольства вылились в дворцовый переворот, в ходе которого 11 (23) февраля 1866 г. Куза А. И. был свергнут с престола, было сформировано Временное правительство, которое объявило о намерении реализовать один из принципов построения Румынского государства – приглашение на престол именитого зарубежного правителя. Первым кандидатом стал Граф Филипп Фландрский, второй сын Короля Бельгии.

Если в Валашском Княжестве данное решение практически было воспринято без возражений, то в Молдавском Княжестве, где ожидали православного князя, оно было воспринято крайне негативно. Возникли массовые протестные манифестации, пик которых пришёлся на 3 апреля 1866 года в городе Яссы. На усмирение протестующих была брошена кавалерия и пехота, которые применили сабли и огнестрельное оружие [15].

В связи с такими кровопролитными событиями Филипп Фландрский отказался от престола. Ему взамен была подобрана новая кандидатура – Карла Гогенцоллерна, который состоял в родстве с Императором Наполеоном III. Его утверждение на пост Князя состоялось 10 (22) мая 1866 г. Согласие Турции с его назначением было выражено в октябре 1866 г. посредством выдачи фирмана. С этого момента он стал называться Князем Каролом I.

В ходе очередной русско-турецкой войны 1877-1878 гг. возникла необходимость прохода русских войск через территорию Румынии. Для этого, 4 (16) апреля 1877 г., Румыния и Российская Империя подписали в Бухаресте договор, по условиям которого русские войска получили право на проход через территорию Румынии при условии сохранения целостности Румынии. После этого, пользуясь фактом пребывания русских войск на территории Румынии, 9 (21) мая 1877 г. в румынском парламенте был принят акт о Независимости Румынии, подписанный на следующий день Князем Каролем I.

Румынии пришлось стать союзником России, более того, в середине августа 1877 г., по согласованию с русским военным командованием, Кароль I принял командование соединенной русско-румынской группировкой под Плевной. Несмотря на символическое его участие сражениях, Кароль I был награждён высокими наградами Российской Империи. Об этом изложено в отдельном параграфе книги Рубцова Ю. В. [16].

Турция потерпела очередное военное поражение и была вынуждена принять условия, выдвинутые Россией, которые легли в основу предварительного мирного договора¹. Окончательный вариант договора был выработан в ходе Берлинского конгресса и среди прочих условий устанавливал независимость Румынии².

Когда Румыния была провозглашена Королевством, 26 марта 1881 г. Кароль I стал её первым Королём. Он был основоположником династии Гогенцоллернов, которая правила Румынией до её провозглашения Народной Республикой в 1947 г.

Прекращение существования или трансформация Молдавского Княжества?

Каждая наука имеет свой предмет исследования, под которым понимается конкретный круг проблем и сторона объективной действительности, изучаемые данной наукой.

Фролова Е. А. считает, что события и процессы, связанные с образованием, преобразованием, распадом государств, традиционно относились к теоретико-правовым наукам, к которым она относит следующие отрасли: теория государства и права, история государства и права, история политических и правовых учений, философия права, социология права [17].

Для теории государства и права в качестве объекта выступают государство и право, которые, в то же время, исследуются и другими науками (как юридическими, так и не юридическими – философией, политологией, экономикой, социологией и т.п.) [18, с. 7].

События и процессы, связанные с образованием, преобразованием, распадом государств в политологии называются трансформацией государств. Политология – это научная дисциплина, отрасль социально-гуманитарного знания, наука о политической власти и политике. Следовательно, если пользоваться политологическим термином, в настоящей статье исследован процесс трансформации Молдавского Княжества в XIX веке.

Однако автор считает, что образование и прекращение существования государств, с одной стороны, и его преобразования, с другой стороны, не являются тождественными понятиями. Так, в русском языке трансформация означает преобразование, превращение, видоизменение, то есть переход из одного качества в другое [19]. Следовательно, произошла трансформация Валашского Княжества, а Молдавское Княжество прекратило своё существование.

Автор согласен с Щегловым В.В., который утверждает, что, в становлении международной системы национальных государств сыграли свою роль не только исторические события, но и появление ряда идей, в частности, идеи национального суверенитета, а значит, самого национального государства [20].

Действительно, в прекращении существования Молдавское Княжество и в трансформации Валашского Княжества сыграли свою роль как исторические события, так и идеи национального суверенитета. Историческими событиями, которые повлияли на судьбу

¹ Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор от 19 февраля/3 марта 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917) Государственное издательство политической литературы, 1952 год. 470 с. С. 159–175.

² Берлинский трактат от 1/13 июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). Государственное издательство политической литературы, 1952. 470 с. С. 181–206.

Молдавского Княжества, были как русско-турецкие войны XVIII–XIX вв., так и Крымская война, в которую были вовлечены и другие европейские государства, преследующие свои цели.

Что касается идей национального суверенитета, то, по мнению автора, к ним можно отнести идеи, зародившиеся в рамках так называемой «трансильванской школы», о которой было изложено выше.

Осветимская И. И. в своей статье ссылается на немецкого социолога У. Бека, который утверждает, что национальные правительства могут терять власть из-за появления так называемых «субполитик», к которым он относит различные субгруппы, исследовательские центры и даже отдельных индивидов. Эти, так называемые «субполитики», якобы не считаются с парламентскими институтами, юридическими границами и правительствами [21].

В исследованной выше Унии такой субполитикой, на взгляд автора, явились покровительствующие державы, которые в ходе Парижского Конгресса и последующих конференций, а также Берлинского конгресса, решили судьбу бывших Валашского и Молдавского княжеств. А к отдельному индивиду, по мнению автора, следует отнести А. И. Кузу, который, став господарем обоих княжеств, добился их Унии.

Следует согласиться с авторами коллективной статьи, в которой приводятся различия между понятиями «государство-нация» и «национально-территориальное государство». К первым, по мнению авторов указанной статьи, относятся традиционные государства, в которых сформировались нации. Ко вторым относятся более новые государства, на территории которых изначально, нации не были сформированы [22].

По мнению автора настоящей статьи, Молдавское Княжество было государством-нацией с присущими ему топонимом, этнонимом и глотонимом. Что касается Румынии, то, по мнению автора, это было искусственное национально-территориальное государство, поскольку до его образования не существовало такого топонима, этнонима и глотонима. В недрах так называемой «Трансильванской школы» сначала придумали искусственный этноним «румын», затем под новый этноним образовали такое же искусственное государство.

Несколько отличается классификация Пономарёвой Е. Г. Так, она различает следующие типологии государств: нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство. По её мнению, нация-государство – это «сочетание национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности какой-либо общности» [23]. По мнению Пономарёвой Е. Г., государства-нации являются поликультурными и многонациональными образованиями, население которого состоит из представителей нескольких культурных и цивилизационных традиций.

Автор считает, что в результате объединения Дунайских княжеств с образованием нового государства под названием Румыния, было создано поликультурное и многонациональное образование, поскольку, в отличие от Молдавского Княжества, на территории которого проживали молдаване и славяне, исповедовавшие православие, на территории Валашского Княжества проживали валахи, болгары, сербы, венгры, цыгане, исповедовавшие, как православную, так и католическую веру.

Румынский исследователь М. Мачь отмечает, что в силу именно внутренних межэтнических и культурных противоречий даже в XX в. Румыния так и не сформировалась в современное государство-нацию [24].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования автор пришёл к выводу, что Российская Империя стояла у истоков провозглашения Соединённых Дунайских княжеств, содействовала их становлению и развитию, поддержала их объединение в единое государство, силой своего оружия отстояла независимость Румынии, тем самым поставив точку в процессе Унии Валашского и Молдавского княжеств. С этого момента прекратилось существование молдавской государственности.

Сама идея строительства румынской государственности возникла в кругах так называемой «Трансильванской школы», однако идея образования такого государства путём слияния Валашского и Молдавского Княжеств имеет французское происхождение, она была направлена на ослабление покровительства и влияния России на Дунайские княжества. Эта идея была поддержана рядом других европейских государств.

Тем не менее, образование нового государства под названием Румыния было бы невозможным без согласия России, которая тоже старалась в рамках этого международного проекта сохранить своё влияние на православные Дунайские княжества.

Часть бывшего Молдавского Княжества сохранилась в составе Российской Империи под названием Бессарабия. В 1918 г. Королевская Румыния оккупировала Бессарабию.

В 1924 г. молдавская государственность была возрождена в составе СССР¹. После того, как в 1940 г. Бессарабия была возвращена СССР, часть её территории была включена в состав образованной МССР². Остальная часть Бессарабии была включена в состав УССР³.

Сегодняшняя Республика Молдова занимает часть территории бывшего Молдавского Княжества под названием Бессарабия, которую, благодаря её пребыванию в составе Российской Империи, в XIX веке миновала участь Унии.

Список источников

1. Тарле Е. В. Крымская война. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1950. Т. 2. 1950. 653 с. Глава XII.
2. Петров А. Н. Русские дипломаты на Венских конференциях 1855 года // Исторический вестник, 1890. Т. 40. № 4. С. 22–50.
3. Дебидур Антонен Дипломатическая история Европы : От Венского до Берлинского конгресса : (1814-1878) : Перевод с французского. / Вступит. статья А. Л. Нарочницкого. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947 (тип. Металлургиздата). 2 т.; Т. 2: / Пер. с фр. В. О. Броуна. 1947. 544 с.
4. Петров А. Н. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 года // Исторический вестник, 1891. Т. 43. № 1. С. 98–119.
5. Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 331 с.
6. Мунтян М. А. Очерки внешней политики Румынской Народной Республики. 1948–1955 гг. / Отв. ред. канд. ист. наук И. Э. Левит; АН МССР. Ин-т истории. Кишинев, 1983. 481 с.
7. Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства / АН МССР. Ин-т истории. М.: Наука, 1969. 267 с.
8. Чертан Е. Е. Великие державы и формирование румынского независимого государства. Кишинев: Штиинца, 1980. 283 с.
9. Стыкалин А. С. Распад Австро-Венгерской монархии и исторические судьбы Трансильвании // Новая и новейшая история. 2020. Вып. 2. С. 58–72.
10. Виноградов В. Н. Дунайские княжества и Трансильвания: Национальный вопрос и задачи освобождения и объединения (1848-1849 гг.) // Европейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии : / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения; [Авт. кол. В.Н. Виноградов, Т.М. Исламов, Л.А. Кирилина и др.]. М.: Индрик, 2001. 455 с.
11. Гросул В. Я. Молдавское движение до и после образования Румынии; Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova». Кишинев, 2014. 194 с.

¹ Декларация III сессии Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета VIII созыва «Об образовании Автономной Молдавской ССР» от 12 октября 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины за 1924 год, отд. I, № 47, ст. 280.

² Закон СССР от 2 августа 1940 года «Об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1956. С. 22.

³ Закон СССР от 2 августа 1940 г. «О включении Северной части Буковины и Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии в состав Украинской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 28.

12. Шевченко К. В. Уния и нациестроительство в Трансильвании, Валахии и Молдавии // Журнал социальных и гуманитарных наук «Аспект». 2018. № 2 (6). С. 88–96.
13. Виноградов В. Н. Первый Князь Румынии Александру Ион Куза, история взлёта и падения // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 110–126.
14. Булатов Ю. А. Русификация Бессарабии: несостоявшийся проект Дома Романовых (1828–1917 гг.) // Международная жизнь: проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. 2020. № 9. С. 104–124.
15. Суляк С. Г. Выступление молдаван против объединения с Валахией (О событиях, произошедших 3 апреля 1866 г. в Яссах) // Русин. 2009. № 2 (16). С. 33–46.
16. Рубцов Ю. В. Генерал-фельдмаршалы в истории России. Жезлы на эполетах. М.: Вече, 2015. 252 с.
17. Фролова Е. А. Наука теории государства и права в России: история и современность // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 2. С. 33–38.
18. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права / учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» /; Саратовский филиал Института государства и права РАН. М.: Юристъ, 2004. 511 с.
19. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. IV. С–Я. 797 с.
20. Щеглов В. В. Современные трансформации национального государства // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 8. С. 43–46.
21. Осветимская И. И. Основные модели трансформации национального государства в перспективе установления глобального порядка // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 51–63.
22. Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформация национального государства в условиях меняющегося мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. № 11. С. 95–104.
23. Пономарева Е. Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО. 2013. № 4. С. 195–203.
24. Мачъ М. В лабиринтах памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии // Историческая экспертиза. 2015. № 4. С. 4–41.

References

1. Tarle E. V. *The Crimean War*. 2nd ed., corr. and add. Moscow ; Leningrad : Ed. and 2nd type. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR in Moscow, 1950. Vol. 2. 1950. 653 p. Chapter XII (In Russ.).
2. Petrov A. N. Russian diplomats at the Vienna Conferences of 1855. *Historical Bulletin*. 1890;40(4):22–50. (In Russ.).
3. Debidur Antonen. *The Diplomatic History of Europe : From the Vienna to the Berlin Congress : (1814–1878)* : Translated from French. / Will join. article by A.L. Narochinsky. Moscow : State Publishing House of Foreign Literature, 1947 (type. Metallurgizdat). 2 vols.; Vol. 2: Translated from the French by V.O. Brown. 1947. 544 p. (In Russ.).
4. Petrov A. N. Russian diplomats at the Paris Congress of 1856. *Historical Bulletin*. 1891;43(1):98–119. (In Russ.).
5. Vinogradov V. N. *Russia and the unification of the Romanian Principalities* / Academy of Sciences of the USSR. In-t stories. Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1961. 331 p. (In Russ.).
6. Muntyan M. A. *Essays on the foreign policy of the Romanian People's Republic. 1948–1955*. Ed. by Candidate of Historical Sciences I.E. Levit ; Academy of Sciences of the Moscow SSR. In-t stories. Chisinau : 1983. 481p. (In Russ.).
7. Grossul V. Ya., Chertan E. E. *Russia and the formation of the Romanian independent state*. Academy of Sciences of the MSSR. In-t of history. Moscow: Nauka; 1969. 267 p. (In Russ.).
8. Chertan E. E. *The Great Powers and the formation of the Romanian independent state*. Chisinau: Stiinza; 1980. 283 p. (In Russ.).

9. Stykalin A. S. The collapse of the Austro-Hungarian monarchy and the historical fate of Transylvania. *New and modern history*. 2020;(2):58–72. (In Russ.).
10. Vinogradov V. N. The Danube Principalities and Transylvania: The national question and the tasks of liberation and unification (1848-1849). *The European Revolutions of 1848: "The principle of nationality" in politics and ideology*: Russian Academy of Sciences. Institute of Slavic Studies; [Author: V.N. Vinogradov, T.M. Islamov, L.A. Kirilina, etc.]. Moscow: Indrik; 2001. 455 p. (In Russ.).
11. Grossul V. Ya. *The Moldovan movement before and after the formation of Romania*; Association of Historians and Political Scientists "Pro-Moldova". Chisinau; 2014. 194 p. (In Russ.)
12. Shevchenko K. V. Union and nation-building in Transylvania, Wallachia and Moldova. *Journal of Social and Humanitarian Sciences "Aspect"*. 2018;2(6):88–96. (In Russ.).
13. Vinogradov V. N. The First Prince of Romania Alexandru Ion Cuza, the story of rise and fall. *New and modern history*. 2005;(3):110–126. (In Russ.).
14. Bulatov Yu. A. Russification of Bessarabia: the failed project of the Romanov House (1828-1917). *International life: problems of foreign policy, diplomacy, national security*. 2020;(9):104–124. (In Russ.).
15. Sulyak S. G. The speech of Moldovans against unification with Wallachia (About the events that took place on April 3, 1866 in Iasi). *"Rusin"*. 2009;2(16):33–46. (In Russ.).
16. Rubtsov Yu. V. *Field Marshals in the history of Russia. Wands on epaulettes*. Moscow: Veche; 2015. 252p. (In Russ.)
17. Frolova E. A. The science of the theory of state and law in Russia: history and modernity. *Russian-Asian Law Journal*. 2023;(2):33–38. (In Russ.).
18. Matuzov N. I., Mal'ko A.V. *Theory of State and Law / textbook for university students studying in the field and specialty "Jurisprudence"*; Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: "Yurist "; 2004. 511 p. (In Russ.).
19. *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes*. RAS, Institute of Linguistics. research; Edited by A.P. Evgenieva. 4th ed., revised. Moscow; 1999. Vol. IV. S – Ya. 797 p. (In Russ.).
20. Shheglov V. V. Modern transformations of the national State. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2013;(8):43–46. (In Russ.).
21. Osvetimskaya I. I. The main models of the transformation of the national state in the perspective of establishing a global order. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 2013;4(309):51–63. (In Russ.).
22. Pantin V. I., Lapkin V. V. The transformation of the nation-State in a changing world order. *World Economy and International Relations*. 2019;63(11):95–104 (In Russ.).
23. Ponomareva E. G. An up-to-date discourse on the types and trends of the development of the national state. *Bulletin of MGIMO*. 2013;(4):195–203. (In Russ.).
24. Mach M. In the labyrinths of memory. Working out the past in post-communist Romania. *Historical expertise*. 2015;(4):4–41. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Караман – кандидат юридических наук, Советник Президента Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Information about the author

A. A. Karaman – Cand. Sci. (Law), Advisor to the President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.

Научная статья

УДК 34+93

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-41-48>

EDN VUEZTJ

Общественно-политическое и правовое положение осетин Южной Осетии как подданных Грузинского государства (XII–XVIII вв.)

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, dzidzoevv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6406-5861>

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестная историческая и правовая проблема, связанная с подданством южных осетин грузинской феодальной монархии и грузинских царей. Поднимаемая малоисследованная научная проблема представляется не только актуальной с точки зрения отечественной истории и юриспруденции, но и интересной с общественно-политических позиций сегодняшнего дня, когда взаимоотношения грузин и осетин существенно попортились не только из-за геноцида, устроенного грузинскими властями в отношении южных осетин в 1920, 1989–1992 и 2008 гг., но и полного отделения Южной Осетии от геноцидной Грузии. Статья носит дискуссионный характер, но факты, приводимые здесь, представляются убедительными и аргументированными.

Ключевые слова: Грузия, Осетия, Южная Осетия, Российская империя, подданство, право, культура, Военно-грузинская дорога, князья, война, крестьяне, Персия, Османская империя, Закавказье, ханство, дагестанцы

Для цитирования: Дзидзоев В. Д. Общественно-политическое и правовое положение осетин Южной Осетии как подданных Грузинского государства (XII–XVIII вв.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 41–48. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-41-48>. EDN VUEZTJ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Socio-political and legal status of Ossetians of South Ossetia as subjects of the Georgian state (XII–XVIII centuries)

Valeriy D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, dzidzoevv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6406-5861>

Abstract. The article examines a little-known historical and legal problem related to the citizenship of the South Ossetians of the Georgian feudal monarchy and Georgian kings. The little-researched problem raised seems not only relevant from the point of view of Russian history and jurisprudence, but also interesting from the socio-political position of today, when relations between Georgians and Ossetians have significantly deteriorated not only because of the genocide organized by the Georgian authorities against South Ossetians in 1920, 1989–1992 and 2008, but also the complete separation of South Ossetia from genocidal Georgia. The article is debatable, but the facts presented here seem convincing and reasoned.

Keywords: Georgia, Ossetia, South Ossetia, Russian Empire, citizenship, law, culture, Georgian Military Road, princes, war, peasants, Persia, Ottoman Empire, Transcaucasia, Khanate, Dagestanis

For citation: Dzidzoev V. D. Socio-political and legal status of Ossetians of South Ossetia as subjects of the Georgian state (XII–XVIII centuries). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):41–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-41-48>. EDN VUEZTJ

Вопрос о подданстве южных осетин Грузинского феодального государства достаточно интересен во всех аспектах общественно-политической и правовой жизни. Известно, что грузинские цари, вынужденные вести постоянные войны с иностранными захватчиками, особенно Персией и Османской империей, чрезвычайно остро нуждались в собственных подданных граждан, которые в случае очередной опасности, наряду с этническими грузинами, защищали свое отечество – Грузию. С этой дальновидной целью известный грузинский царь Давид Строитель из династии Багратионов (Давид IV Георгиевич), ставший единоличным монархом с 1089 г. [1, с. 928], «пригласил на службу свыше 45 тысяч половцев (кипчаков) с семьями, поселив их на грузинской земле» [1, с. 928]. К этому следует добавить, что Давид Строитель пригласил вместе с половцами и осетин в количестве более 5 тысяч человек, также поселившихся на грузинской земле. В этой связи достаточно интересным представляется точка зрения известного профессора-кавказоведа Ю. С. Гаглойти, который пишет: «Упоминание осетин (овсов), как подданных Грузинского государства в одном ряду со сванами и кипчаками, которые со времени переселения их в 1118 г. Давидом Строителем с Северного Кавказа уже давно превратились в постоянных жителей Картли, ясно свидетельствует о том, что речь в данном случае идет о южных осетинах [2, с. 21].

Что касается масштабной личности Давида Строителя, то можно с уверенностью говорить, что он оставил большой положительный след в истории Грузии. Во-первых, он по праву считается одним из самых крупных государственных и политических деятелей своего времени. Во-вторых, Давид Строитель способствовал объединению мелких грузинских княжеств в единое централизованное средневековое феодальное государство. Кроме того, ему ценой больших усилий и, конечно же, опасностей «с 1097 г. удалось прекратить оплачивать дань туркам-сельджукам и восстановить государственную независимость Грузии» [1, с. 928]. Практически все грузинские историки и политические деятели всегда подчеркивали и сегодня отмечают огромные заслуги Давида Строителя, а в качестве конкретных примеров приводятся десятки. Но здесь ограничимся лишь его «блестящей победой в августе 1121 г. в известном Дидгорском сражении (близ г. Тбилиси), когда он во главе грузинских войск одержал блестящую победу над сельджукской армией» [3, с. 195]. Говоря о Дидгорской битве, необходимо, на мой взгляд, указать на некоторые принципиальные позиции с учетом актуальности настоящей статьи. Во-первых, Дидгорская битва была достаточно кровопролитной, где полегли не только сами отважные и мужественные грузины, а также все подданные Грузинского государства, в том числе южные осетины, но и многочисленные турки-сельджуки. Во-вторых, грузинские войска, «насчитывавшие около 60 тысяч человек, из которых 40 тысяч были этническими грузинами, 15 тысяч – кипчаками (половцами), а 5 тысяч были этническими осетинами. Кроме того, в войсках Грузии был еще большой отряд рыцарей-крестоносцев из Западной Европы. Грузинская армия, которая фактически была интернациональной, наголову разбила мусульманские войска, что обеспечило освобождение от власти турок-сельджуков» [3, с. 195]. Информацию о 5 тысяч осетин, участвовавших в кровопролитном сражении, имеется в архивах Грузии, а со ссылками на них опубликовал известный профессор-кавказовед Ю.С. Гаглойти [2, с. 21].

Трудно перечислить все несомненные заслуги Давида Строителя. Учитывая интерес автора, который касается проблемы подданства южных осетин Грузинскому феодальному государству, подчеркнем следующий историко-правовой факт. Благодаря его дальновидности и масштабу личности, южные осетины много столетий назад стали подданными Грузинского феодального государства.

Обращаю особое внимание, что патриарх грузинской советской исторической науки, академик И. А. Джавахишвили в многотомной «Истории грузинского народа» подчеркивал, что грузино-осетинские взаимоотношения были построены на принципах подданства. Другими словами, авторитетнейший грузинский историк считал, что южные осетины, как составная часть средневекового феодального государства, были подданными Грузии.

Он писал: «Уже со времен Давида Строителя осетины (южные осетины. – Авт.) и кипчаки были подданными Грузинского государства» [4, с. 245].

Подчеркну и то, что точка зрения И.А. Джавахишвили подтверждается и другими историческими документами. Так, Картлис цховреба сообщает, что во времена Лаша Георгия ему подчинялись Абхазия и Сванетия, а по его приказу «осетины и кипчаки в случае войны могли выставить по несколько тысяч человек» [5, с. 367]. Таким образом, грузинская летопись истории подтверждает, что осетины и кипчаки в случае войны могли выставить как подданные Грузинского феодального государства по несколько тысяч человек. Что же касается войн, то их Грузия проводила так много, что обо всех трудно даже рассказать. По крайней мере, в одном сообщении.

Исходя из этих фактов, не должно быть сомнений в том, что кроме этнических грузин подданными Грузинского государства были и другие народы, которые на протяжении длительного времени проживали в интернациональном сообществе на грузинских территориях. Важно подчеркнуть общественно-политическую и правовую обстановку не только в Грузии, но и в Осетии, а также другие обстоятельства, которые активно способствовали тому, чтобы южные осетины стали подданными феодального средневекового Грузинского государства. На мой взгляд, они сводились к тому, что Грузия почти постоянно вела войны с иностранными захватчиками, особенно с персами и турками-сельджуками. Именно поэтому ей и нужны были подданные по банальному принципу «чем больше, тем лучше», которые бы в любой момент по приказу царя готовы были выступить на защиту своего Отечества. Здесь важно подчеркнуть и другое обстоятельство. В войнах, как правило, участвовали не только подданные, но и наемные войска. Разница состояла в том, что наемникам нужно было платить приличное вознаграждение за участие в войне, а подданным – нет, так как они защищали свое Отечество. Это касалось и Грузии.

Необходимо отметить и то, что в истории слишком часто и неимоверно много было предателей интересов грузинского народа и Грузинского государства. Сказанное особенно касается предателей из числа собственных грузинских дворян, которые очень часто, когда нависала опасность над страной, переходили на сторону врага (говоря современным языком, они становились «пятой колонной»). Подчеркну и то, что Осетия к этому времени стала влиятельной в политическом и военном отношении. Поэтому дальновидные государственные деятели других стран и народов старались строить с ней добрососедские и взаимовыгодные отношения.

Осетины, как известно, на протяжении длительного времени контролировали Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги, которые соединяли Осетию и Грузию. Это уже свидетельствовало об их силе и возможностях. Раньше всех это осознали дальновидные и мудрые грузинские цари, которые старались укреплять отношения с Осетией не военными методами, а путем дипломатии и установлением династических браков. Обращаю внимание и на то, что подданство южных осетин в отношении Грузии не имело характера войн, кровопролития и подавления интересов осетинского народа. Скорее всего, подданству южных осетин способствовали следующие объективные обстоятельства. *Во-первых*, смелость, отвага, решительность осетин на поле боя. *Во-вторых*, прекрасное знание грузинского языка всеми осетинами. *В-третьих*, ассимиляция осетин в грузинском интернациональном «котле», когда десятки тысяч, а то и более осетин не просто переняли грузинский язык, культуру, быт, традиции и обычаи соседнего народа, но и полностью перешли в грузинский политический, религиозный и духовно-нравственный мир. В этом ничего предосудительного не видно, если бы при этом многие осетины не позабыли родной язык, духовно-нравственные принципы, национальное самосознание собственного народа.

Подчеркну и то, что осетины, переселявшиеся на территорию Грузии, можно подразделить на несколько категорий. Среди них были влиятельные осетины, которые и до переселения в Грузию в социальной иерархии осетинского общества занимали приличное место. Однако, какие-то конкретные обстоятельства, какие-то трудности вынудили и их переселиться

на территорию Грузии. Разумеется, они переселялись не в одиночку, а большими группами вместе с нуждающимися в земельных участках соплеменниками. Оставаясь фактически в более или менее привилегированном положении, некоторые из них уже на грузинской территории смогли не только утвердиться, но даже упрочить свое социальное положение. В этом отношении можно было бы сослаться на некоторую часть тех из них, которых в историографии Кавказа называют ксанскими и арагвскими осетинами. Профессор Г.Д. Тогошвили, касаясь этого вопроса, подчеркивал: «Не является случайностью то обстоятельство, что в родовой летописи феодалов Внутренней Картли часто встречается указание на осетинское происхождение того или иного феодального рода или же их возвышении посредством связей с осетинами. По сведениям царевича Иоане, возвышение Павленишвили и Туманишвили происходило благодаря поддержке осетин» [6, с. 286]. При этом ученый, как и положено, ссылается на один из грузинских архивов. Далее Г.Д. Тогошвили продолжает комментировать архивный источник и отмечает: «Про Херхеулидзе он отмечал, что по происхождению они из Самцхе. Один из них во время царицы Тамары служил чиновником в Наре, где он женился на дочери великородного осетина – Горчишвили, и они были названы Горчианами. Его потомок Агатаг проявил себя в Марабдском сражении, и за это его преемники стали выдвигенцами грузинских царей. Царевич Иоане приводит и вторую версию о происхождении Херхеулидзе. По этой версии, Херхеулидзе был нарским осетином (с. Нар является родиной основоположника осетинского литературного языка К.Л.Хетагурова; расположено почти на границе Северной и Южной Осетии. – Авт.). Он получил поместье в Самцхе, а в последующем вернулся в Картли» [6, с. 286]. Ученый-кавказовед и здесь опирается на архивный документ, который и далее цитирует. К тому же, он еще ссылается на то, что известный грузинский историк XVIII в. Вахушти Багратиони отмечал, что Херхеулидзе был осетином из Самцхе.

Поясню и то, что Г.Д. Тогошвили отлично владел грузинским, осетинским, русским и английским языками, читал литературу на них и глубоко анализировал их с исторических позиций. Именно поэтому не вижу необходимости сомневаться в достоверности его научных версий и концепций. Важно иметь в виду, что приведенные примеры не являются исключением из общих правил. Огрузинившихся осетин, ставших не просто феодалами, а крупными грузинскими вельможами достаточно много. В настоящем докладе можно было бы указать, что осетинами по происхождению стали известные грузинские дворяне: Еларишвили, Батишвили, Сресели, Годабрелидзе, Гомарели, Ломидзе¹. Поднятый здесь вопрос достаточно сложный, местами противоречивый и дискуссионный. Часть огрузинившихся феодалов, как правило, дистанцируется с осетинами, не очень-то признавала свои этнические осетинские корни. Как подчеркивалось выше, они активно пополняли грузинский политический, религиозный и духовный мир. А что касается беднейших слоев осетинского крестьянства, то грузинский феодал, независимо от своей национальной принадлежности, одинаково безжалостно эксплуатировал всех.

Отмечая особенности подданства южных осетин Грузинского феодального государства, можно констатировать, что оно сформировалось постепенно и в более мягких формах по сравнению с некоторыми другими народами. Утверждая подданство южных осетин в отношении Грузии, отмечу и то, что данный исторический и правовой факт зафиксирован и в Актах Кавказской Археографической Комиссии, где сказано о том, что 17 февраля 1802 г. генерал Лазарев сообщает генералу Кноррингу, что «осетинцы, подданные Грузии (выделено автором. – Авт.), подстрекаемые царевичем Юлоном... делают большие неистовства и даже умертвили своего князя Мачабели»².

Таким образом, даже в Актах Кавказской Археографической Комиссии подданство южных осетин грузинским царям не вызывало сомнений. И в этой связи возникает

¹ Институт рукописей (Грузии), ф. S. C. 11, с.45-46, 49, 53, 71, 115.

² Акты Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Том 1. № 766. С. 581–582; док. № 766.

необходимость ещё раз обратиться к многовековым грузино-осетинским политическим, военным, духовно-нравственным и родственным связям. Они всегда имели глубокий характер и были, по моему убеждению, результатом совпадений если не всех, то хотя бы основных интересов двух соседних народов.

Разумеется, во взаимоотношениях грузин и алан-осетин на протяжении веков случались и войны, и военные набеги, и натянутые отношения. Однако в данном случае речь идёт о тех нормальных, а иногда близкородственных отношениях, которые сложились за многие века. При всех противоречиях, особенно в сложные и тяжёлые периоды, нельзя отрицать положительную динамику в сближении двух народов, которому активно способствовали и десятки тысяч межнациональных грузино-осетинских браков. Они не могли не способствовать долгосрочным жизненным интересам обеих народов.

С большой долей уверенности можно утверждать, что феодальные руководители Грузии и Осетии чаще всего стремились создавать благоприятную обстановку не только видимой, показной дружбы, формального родства, но и добивались искреннего, действительно братского доверия. Политическое и военное сближение Грузии и Осетии играло положительную роль и в экономических связях между двумя народами. Конечно, экономика Грузии по сравнению с экономикой Осетии была более развитой, и трудно это отрицать. В указанный период существовали феодальные отношения, как в Грузии, так и в Осетии, а это означало господство натурального хозяйства. Тем не менее, в средневековье торгово-экономические связи не только имели место быть, но в отдельные периоды успешно развивались. Непреложным историческим фактом является и то, что Грузия постепенно расширяла свою мощь, государственные границы и становилась одним из самых сильных и процветающих государств на Южном Кавказе, а осетины, также как и многие другие народы, сыграли в этом определённую роль. В настоящем докладе нет необходимости приводить все конкретные факты множества династических браков между царями Грузии и Осетии. Они достаточно известны и вряд ли есть необходимость приводить их здесь. Известно, что многие негрузинские народы, проживавшие в Грузии, стремились создавать обстановку большой дружбы, взаимопонимания и взаимовыручки с грузинами.

В условиях процветания Грузии, как сильнейшего государства на Южном Кавказе, многие малочисленные горские народы искали дружбу с ней. В этом отношении следует согласиться с известным грузинским учёным, академиком Н. Бердзенишвили, который писал: «Горные страны Кавказа, а также страны подножия гор Северного Кавказа с древних времён имели тесные отношения с Грузией. Эти отношения, разумеется, сохранились и тогда, когда в Грузии шёл процесс политического объединения. Абхазские князья и цари объединённой Грузии устанавливали всё более тесные военно-политические и культурные связи со своими соседними северными странами. В последний период царствования Тамары все горские народы Кавказа оказались в рядах подданных грузинского царя» [7, с. 204-205]. К этому следует добавить, что политическое влияние Грузии на другие народы, проживавшие не только в этой стране, но и за её пределами сопровождалось в сфере культуры, что представляется достаточно логичным. Однако в первую очередь необходимо помнить, что любое влияние на другие народы Кавказа преследовало конечную цель – служить Грузии.

Разумеется, служение Грузинскому государству негрузинских народов имело свои, как положительные аспекты, так и серьёзные недостатки. Во-первых, все те народы, которые не были подданными грузинского царя, участвуя в войнах Грузии с различными иностранными захватчиками, получали материальные блага. Проще говоря, они служили по найму, то есть за деньги. Во-вторых, не по найму служили только подданные грузинских царей, так как считалось, что они сражаются за Родину, защищают свою Отчизну.

Южные осетины по праву считались подданными Грузии, поэтому ничего не получали в ходе многочисленных войн, кроме случайных трофеев. А что касается северных осетин, то они служили, как и другие народы многонационального региона – черкесы, дзурдзуки (предки современных чеченцев), некоторые народы Дагестана и т.д. исключительно

по найму. Таким образом, даже участие осетин в войнах Грузии, что не подвергается никаким сомнениям, имело свою специфику, характер и особенности. Всё зависело от того, из какой конкретной территории осетины были мобилизованы и участвовали в войнах Грузии.

Анализируя статус подданства южных осетин грузинских царей, можно сослаться и на другие примеры, особенно кровопролитные войны, которые на протяжении столетий вели грузинские цари. Так, в 1748-1750 гг. Картли и Кахети воевали с соседними мусульманскими ханствами, в которых южные осетины принимали активное участие. Причин этой войны было несколько, но главная из них состояла в том, что мусульмане вынашивали планы своего господства в восточной части Кавказа. Грузинские цари Ираклий II и Теймураз готовились к ней и совместными усилиями решили дать бой мусульманам. К этому следует добавить, что стремление ханств к доминированию в регионе набирало силу, что, естественно, не могло не тревожить грузин. Грузинские цари, конечно же, не могли одолеть войска ханств – Ереванского, Гянджского и Нахичеванского только собственными силами. Но грузины, как это часто бывало, привлекли большие наемные силы в основном из Северного Кавказа. В результате кровопролитных сражений и одержанной Грузией победы ханства стали данниками Картли и Кахети.

Известный грузинский историк Папуна Орбелиани, который подробно освещал подготовку и ход боевых действий, отмечал: «Вся грузинская рать собралась в Тифлисе, позвали имеров, черкесов, осетин и кавказов (собирабельное имя многих народов Кавказа по грузинским источникам. – Авт.). Кроме того, царь Кахетии собрал всех кахетинцев, а также подчиненных ему тушев, шавелов, хевсуров (составные части современной грузинской нации. – Авт.) и дагестанцев. Всё это войско, собравшееся в Тифлисе, двинулось из города 8 февраля 1750 года» [8, с. 424]. Таким образом, Папуна Орбелиани сообщает достаточно ценную и интересную информацию о том, как грузинским царям удалось собрать объединённое войско, которое смогло сокрушить вооружённые силы мусульманских ханств. Грузинский историк сообщает и другие в высшей степени интересные факты и данные о битве армии Грузии с ханствами, в частности, вернувшиеся из поля битвы грузинские войска отпраздновали в Тифлисе победу. Однако нас больше интересует следующее сообщение П. Орбелиани, которое касается торжественных проводов наёмных войск на Северный Кавказ. Историк пишет: «Царь Теймураз направил привелико предводителя черкесов и его войска; также поступил с потусторонними осетинами (северными осетинами. – Авт.)» [8, с. 428]. Здесь опускаем отдельные подробности, которые касаются грузинского гостеприимства, а больше внимания сосредоточим на других более важных и актуальных проблемах, в частности, интересующая проблема – подданство южных осетин грузинских царей. Но прежде послушаем, что об этом пишет талантливый историк и большой знаток грузино-осетинских отношений, профессор Г. Д. Тогошвили. Он писал: «Народы Северного Кавказа в грузинских военных походах участвовали по найму. Примечательно также, что под знаменем Ираклия и Теймураза воевали как южные, так и северные осетины. Но цари Грузии одаривали только северных осетин, которые, подобно черкесам, служили грузинским царям на условиях найма. Южные же осетины, наравне с другими горскими народами Грузии, грузинским царям служили на условиях подданства, и поэтому они, кроме случайной добычи, ничего не могли получать» [6, с. 246]. Добавлю и то, что Грузия не только во времена своего могущества и расцвета, но даже в самые тяжёлые периоды истории всегда старалась проводить активную работу среди осетин и, в первую очередь, в плане повсеместного распространения христианства.

Не останавливаясь подробно на проникновении христианства в Аланию-Осетию, укажем лишь, что осетины приняли христианство в далёкие времена и считались подлинными христианами. Однако, после катастрофического поражения в битве с татаро-монголами, и особенно после массового истребления их Тамерланом (Тимуром) в начале XV в., когда оставшиеся осетины вынуждены были бежать в горы, они в чрезвычайно трудных условиях постепенно стали терять христианство и массово переходили на языческие верования. Фактически основные каноны христианской религии осетины потеряли в суровых условиях

горной жизни. А Грузия, как классическая христианская страна, которая имела все атрибуты христианского богослужения, активно распространяла среди осетин основы этой религии. Сороковые годы XVIII в. стали периодом активной деятельности Осетинской духовной комиссии, которая сыграла большую позитивную роль в судьбе осетинского народа. Подчеркну и то, что комиссия была создана и укомплектована известными грузинскими духовными лицами, которые отправились в Российскую империю в составе большой делегации грузинского царя Вахтанга VI (1675-1737), который на протяжении 21 года царствования (1703-1724 гг.) «продолжал линию многих предшественников – ориентацию на Россию. Под руководством Вахтанга VI был создан «Свод законов» – сборник распоряжений и инструкций по государственному управлению («Дастурламали»)» [3, с. 1017]. Напомню и то, что «составленный царем Грузии в 1705-1708 гг. кодекс феодального права при участии представителей высшей духовной и светской знати юридически оформил крепостное право» [3, с.1017]. Нет сомнений в том, что Вахтанг VI был достаточно заметной фигурой в истории Грузии, и на его счету было немало и других государственных преобразований. Тем не менее, «он не смог противостоять очередной турецкой агрессии, к тому же заметно усилилась внешняя и внутренняя обстановка. Все это вместе взятое вынудило его эмигрировать через Осетию в Россию с семьей и ближайшим окружением в количестве около 1400 человек. Сначала он обосновался в Москве, а затем в Астрахани» [3, с.1017].

Возвращаясь к анализу Осетинской духовной комиссии, отмечу, что фактически она была создана по инициативе Российской империи. Но руководство феодальной Грузии прекрасно знало ее цели и задачи. Будучи исключительно заинтересованной в распространении христианства в Осетии, грузинские феодальные власти всячески содействовали её деятельности. Это вовсе не означает, что Грузия из самых благих намерений преследовала благородные цели и задачи. Разумеется, она была заинтересована, с одной стороны, в своём влиянии на осетинское население, что подтверждается конкретными примерами и фактами, а, с другой, стремилась принижать роль Осетии.

Сказанное подтверждается и тем, что, оказавшись в Петербурге по вопросу присоединения Осетии к Российской империи, осетинские послы несколько раз становились свидетелями и очевидцами грязных разговоров и даже сплетен со стороны грузин, которые пытались внушить высокопоставленным чиновникам Петербурга, что послы из Осетии не являются представителями привилегированных сословий, а некоторые из них даже крепостные крестьяне. Отдельные влиятельные грузины «в конце февраля 1750 г. представили в Сенат «доношение», в котором утверждали, что члены осетинского посольства – крепостные крестьяне грузинских князей. В частности, в отношении Зураба Елиханова (руководитель осетинского посольства, настоящее фамилия которого – Магкаев; его именем названа одна из улиц в г. Владикавказ. – Авт.) указывалось, что он, как и вся деревня, в которой он живет (с. Зарамаг на границе Северной и Южной Осетии. – Авт.) платит подать «милитинскому» (грузинскому.- Авт.) князю. Для доказательства того, что Елиханов не из социальных верхов, а следовательно, не влиятельное в Осетии лицо они сослались даже на то, что у него нет «служителя» и обязанности такового выполняет его родной сын Канамак» [9, с. 138]. Преследуя неблагоприятные цели в отношении осетинского посольства в Петербурге, влиятельные грузины ничем не гнушались, фальсифицируя отдельные факты и историческую миссию посольства. Так, аналогично представили они «русскому правительству и Елисея Хетагова, которого выдавали за подданного грузинского князя Эристова. В качестве свидетельства они ссылались на знание Елисеем Хетаговым грузинского языка. Что касается Патермирзы Кутата, то, по их утверждению, он является крепостным одного из владельцев Малой Кабарды» [9, с. 138]. Напомню, что таких провокаций и преднамеренных искажений фактов и событий было значительно больше, чем приведено в докладе.

Разумеется, это была не случайность, а запланированная акция со стороны руководства Грузии. Тем не менее, в целом приемлемые отношения между Грузией и Осетией продолжались на протяжении всего XVIII в. На мой взгляд, в основу доброжелательности

и приемлемых отношений была положена военная составляющая осетинского народа, без которого грузинам периодически становилось очень тяжело. Выше подчёркивалось, что не только осетины, но и другие горские народы активно участвовали в войнах Грузии с иноземными захватчиками. А что касается войн и в целом внешней политики Ираклия II и Теймураза, то осетины много раз подтверждали на поле боя, что являются достойной составной частью грузинского политического и духовного мира, надёжными подданными царей Грузии. В этой связи необходимо подчеркнуть, что осетины многократно участвовали в войнах Грузии с иностранными захватчиками. При этом в массе своей они показывали отчаянность, героизм и самоотверженность, защищая интересы Грузии. Не будет преувеличением и утверждение, что во всех грузинских войнах осетины на поле боя показывали самые лучшие качества, в которых так остро нуждалась Грузия. Подчеркну и то, что доблестные дела в боевых сражениях за интересы Грузии зафиксированы во многих архивных источниках, в том числе и в грузинских.

Список источников

1. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1961.
2. Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996.
3. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963.
4. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. III. Тбилиси, 1949.
5. Картлис цховреба / Сост.: С. Каухчишвили. Т. 1. Тбилиси, 1955.
6. Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению (в двух томах). Том 1. Отв. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ. Изд. «Ир», 2012.
7. Бердзенишвили Н.А., Месхи Ш.А., и др. История Грузии (под ред. Н.А. Бердзенишвили). – Тбилиси, 1958.
8. Орбелиани П. Амбавни Картлиса (История Картли) // Картлис цховреба. II. Изд. Чубинишвили. СПб., 1854.
9. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Ордзоникидзе, 1970.

References

1. *The Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow; 1961. (In Russ.).
2. Gagloti Yu. S. *Problems of the ethnic history of South Ossetians*. Tskhinval; 1996. (In Russ.).
3. *Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 4. Moscow; 1963. (In Russ.).
4. Javakhishvili I. A. *History of the Georgian people*. Vol. III. Tbilisi; 1949. (In Russ.).
5. *Kartlis tskhovreba*. Comp.: S. Kauhchishvili. Vol. 1. Tbilisi; 1955. (In Georgian).
6. Togoshvili G. D. *Selected works on Caucasian studies (in two volumes)*. Volume 1. Executive editor L. A. Chibirov. Vladikavkaz: Publishing house "Ir"; 2012. (In Russ.).
7. Berdzenishvili N. A., Meskhi S. A., et al. *The History of Georgia* (edited by N. A. Berdzenishvili). Tbilisi; 1958. (In Russ.).
8. Orbeliani P. *Ambavni Kartlis (History of Kartli)*. *Kartlis tskhovreba*. II. Ed. Chubinishvili. St. Petersburg; 1854. (In Russ.).
9. Bliev M. M. *Russian-Ossetian relations (the 40s of the XVIII– 30s of the XX century)*. Ordzhonikidze; 1970. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Д. Дзидзоев – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Горского ГАУ, главный научный сотрудник ВНИЦ РАН.

Information about the author

V. D. Dzidzoev – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Gorsky State Agrarian University, Chief Researcher of the All-Russian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 06.08.2024.

The article was submitted 09.07.2024; approved after reviewing 05.08.2024; accepted for publication 06.08.2024.

О судеустройстве в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды (к 250-летию присоединения Осетии к России)

Александр Михайлович Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ, Россия,
armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности судеустройства и осуществление судебной власти в Северной Осетии в разные исторические периоды. Утверждается, что они обуславливаются комплексом специфических причин, среди которых выделяются причины духовно-идеологического, историко-политического, правового и социально-психологического характера. Отмечается основная роль осетинской военной интеллигенции к приобщению своего народа к русской, европейской культуре, образу жизни, формам управления, в том числе в сфере осуществления судебной власти. Рассматриваются вопросы организации и упразднения различных судебных учреждений в XIX–XX вв., их обусловленность местными особенностями и частыми преобразованиями административно-судебных учреждений в указанный период. Освещается деятельность по учреждению советских судов. Раскрывается и критикуется новое судеустройство и принцип формирования судейского корпуса в постсоветский период. Положительно и убедительно оценивается деятельность упраздненных конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Вносятся предложения по организации конституционных советов в субъектах РФ.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Северная Осетия, Конституция РФ, нормы обычного права, судопроизводство, посреднический суд, мировой суд, горский суд, сельский суд, народный суд, Конституционный Суд, Конституционный совет

Для цитирования: Цалиев А. М. О судеустройстве в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды (к 250-летию присоединения Осетии к России) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 49–57. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-49-57>. EDN OWMRYQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the judicial organization in North Ossetia in the pre-soviet, soviet and post-soviet periods (to the 250-th anniversary of the annexation of Ossetia to Russia)

Alexander M. Tsaliev

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University).
Vladikavkaz, Russia, armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Abstract. The article examines the features of the judicial system and the exercise of judicial power in North Ossetia in different historical periods. It is argued that they are determined by a complex of specific reasons, among which the reasons of a spiritual-ideological, historical-political, legal and socio-psychological nature stand out. The main role of the Ossetian military intelligentsia in introducing their people to Russian, European culture, way of life, forms of government, including in the sphere of judicial power, is noted. The issues of organization and abolition of various judicial institutions in the 19th-20th centuries, their dependence on local characteristics and frequent transformations of administrative and judicial

institutions in this period are considered. The activities related to the establishment of Soviet courts are covered. The new judicial system and the principle of formation of the judiciary in the post-Soviet period are revealed and criticized. The activities of the abolished constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation are assessed positively and convincingly. Proposals are being made for the organization of constitutional councils in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: Russia, North Caucasus, North Ossetia, Constitution of the Russian Federation, customary law, legal proceedings, mediation court, magistrate's Court, mountain court, village court, people's court, Constitutional Court, Constitutional council

For citation: Tsaliev A. M. On the judicial organization in North Ossetia in the pre-soviet, soviet and post-soviet periods (to the 250-th anniversary of the annexation of Ossetia to Russia). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):49–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-49-57>. EDN OWMRYQ

Обращение к истории народов Кавказа, в том числе, в части государственного управления ими, является вполне обоснованным и актуальным. Неслучайно Президент Российской Федерации В. В. Путин говорит, что признание новации не означает отрицание ценностей прошлого. Ведь их знание уже само по себе важно, к тому же еще способствует лучшему пониманию и более эффективной организации государственного управления. Неслучайно патриарх исследования правового мира народов Кавказа и организации его изучения, известный ученый, профессор Д. Ю. Шапсугов неоднократно отмечает взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего и, в этой связи, предложил очередную интересную тему для обсуждения на данной конференции. В рамках ее исследования считаю необходимым рассмотреть основные вопросы судоустройства в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды и отправления правосудия как специфического вида управленческой деятельности по разрешению судебных дел. Они имеют свои особенности в разные исторические периоды и в разных регионах.

Судоустройство как система судебных учреждений у народов Северного Кавказа в XIX–начале XX вв. включало, в основном, национальные суды, образованные на местах, а также некоторые российские судебные учреждения. В Северной Осетии судоустройство и осуществление судебной власти, наряду с некоторыми общими чертами, имеющими с соседствующими северокавказскими народами свои особенности, в смысле активного и широкого продвижения и того и другого, правовой основы и правосознания, а также вполне естественно - языка судопроизводства, где вместе с осетинским, активно использовался русский язык. Они обуславливаются рядом причин: *первая из них носит духовно-идеологический характер*. Осетины, в отличие от других народов Северного Кавказа, исповедуют, в основном, православную религию. В 2022 г. в Осетии торжественно отмечали 1100-летие крещения Алании – предков осетин. Православие стало основой осетинской идеологии, что в значительной степени способствовало продвижению российских учреждений власти и управления, в том числе, судебных, а также законодательства и правовой культуры. В этом значительную роль сыграли также местные священники, внесшие значительный вклад в духовное просвещение народа, образование и культуры. Так, ими в XIX в. было переведено несколько поучительных книг и документов на осетинский язык, в том числе «Положение о временных судах и присяги».

Вторая причина носит *историко-политический характер* и связана с добровольным вхождением Осетии еще в 1774 г. в состав России. Данному историческому событию в этом году исполняется 250 лет, в связи с чем Президент Российской Федерации В. В. Путин издал Указ «О праздновании 100-летия государственности РСО-Алания и 250-летия присоединения Осетии к России». Главой РСО-Алания С. И. Меняйло принято решение о торжественном праздновании этих памятных дат в 2024 г. во Владикавказе и в Москве, в связи с чем в этом году проводятся различные мероприятия, раскрывающие достижения Северной Осетии в различных сферах государственной деятельности и общественно-политической жизни.

Отметим, что с присоединением Осетии к России последняя, тем самым, получила выход в Закавказье, а через нее в другие страны. Во-вторых, доступ к необходимым полезным

ископаемым на территории Северной Осетии, в частности, к железной руде, необходимой в военных целях. Так, каждая пуля, используемая в Первой мировой войне, отливалась на основе материала, выпускаемого в Владикавказ на заводе «Электроцинк». В-третьих, Россия приобрела надежного союзника, который за 250 лет совместной истории не нарушил установленного между двумя народами дружественного союза. *Более того, в России не было ни одной войны, ни одного сколь-нибудь заметного российского государственного, общественного и культурного события, в котором бы не участвовали представители Осетии.*

В свою очередь, с присоединением к России для Осетии закончилась четырехвековая эпоха замкнутого существования в горных ущельях и началось возвращение осетин на занимаемую ими ранее северокавказскую равнину, потерянную в период монголо-татарского нашествия в XIII-XIV вв. Кроме того, Осетия получила надежного и могущественного защитника своих интересов, а также доступ к великой русской культуре, а через нее и к европейской культуре и форм управления народом. Приобщение к ним происходило в основном через военную интеллигенцию, которая в царский период составляла значительную часть осетинского народа, единственный из народов Северного Кавказа, который в конце XIX в. стал призываться на действительную военную службу.

В 1900 г. во Владикавказе по Указу императора Николая II был учрежден Кавказский кадетский корпус, куда активно набирали местную молодежь. Военная служба у Осетин считается особенно почетной и ратной во все времена. Именно поэтому в 1917 г. в 130-тысячной Осетии было 3500 офицеров и 24 генерала. В литературе правильно отмечается, что «Образование вообще, и военное в частности, в Осетии было не только частью российской политики, оно являлось осознанной самим осетинским народом потребностью» [1, с. 91], что, несомненно, в большей степени является *социально-генетическим* характером народа. Это же можно сказать в отношении большинства осетин, характерной психологической чертой которых является также стремление к первенству, что общеизвестно как на бытовом уровне, так и на профессиональном. Это хорошо подметил известный генерал Т. И. Тутолмин, воевавший вместе с осетинами во время русско-турецкой войны. На одной из встреч с осетинской военной интеллигенцией он публично заявил: «Молю Господа Бога, чтобы на поле брани оказался вместе с осетинами, но не дай Бог, управлять вами в мирное время. Вы все любите первенствовать». Такая характеристика значительной части осетинского народа во многом соответствует действительности. На мой взгляд это, с одной стороны, похвально, поскольку мотивирует большинство людей к самосовершенствованию, с другой, нередко создает проблемы как на индивидуальном уровне, так и на общественном, особенно в сфере управления народом.

В качестве следующей причины особенностей осуществления судебной власти следует указать на *особенности осетинского правосознания*. Оно, с одной стороны, прочно основывалось на нормах осетинского обычного права, в обязательном им следовании. Осетинские обычаи, писал известный ученый, исследователь обычного права осетин В. Б. Пфафф, «Действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления, ни малейшего исключения [2, с. 184]. С другой стороны, в силу указанных выше причин, а также осетинского толерантного характера, т.е. умеющего мириться с чужим мнением, образом жизни в общественное сознание и поведение осетин более активнее и шире стало проникать многое из русской культуры и организации управления народом, в том числе, в части отправления правосудия.

После данного краткого, но необходимого вступления перейдем к непосредственной теме исследования. Оно показывает, что в Северной Осетии в XIX и начале XX вв. судебную власть осуществляли многочисленные и разнообразные судебные учреждения: посреднические (третейский) суды, мировые суды, сельские (аульные) суды, горские словесные суды, смешанные суды, Владикавказский народный суд, районные народные суды, Владикавказский окружной суд, Главный (Верховный) суд Терской области.

Рассмотрим некоторые вопросы организации наиболее известных судебных учреждений и осуществления ими судебной власти в Северной Осетии в указанный период времени.

В хронологическом порядке следует начать с *посреднических судов*. Основой их появления стал институт посредничества при регулировании различных общественных отношений, получивший издавна широкое распространение у народов Кавказа. К данным судам, чаще всего прибегали при урегулировании острых и сложных споров, конфликтов, преступлений, в том числе, совершаемых на почве кровной мести.

Осетинский посреднический суд не имел постоянного характера, а назначался в каждом отдельном случае разбирательства по согласованию спорящих сторон, участвующих в судебном разбирательстве. Посредники, чаще всего приносили клятву, свидетельствующую об их беспристрастном, объективном подходе при рассмотрении дела. У мусульманской части населения распространенным видом клятвы была клятва на Коране. Но и в этих случаях, некоторые верующие посредники прибегали к различного рода ухищрениям. Так, давнишний конфликт по поводу спорных территорий между соседствующими народами – осетинами и балкарцами, – разрешился весьма курьезным образом. Балкарцы предложили, чтобы посредники с обеих сторон, стоя на спорной земельной территории и, положив руку на Коран, поклялись, что земля, на которой он стоит, принадлежит его народу. Осетинские посредники, узнав об этом условии, набили свои сапоги родной землей, явились на место встречи и поклялись на Коране, сказав, что земля, на котором он стоит, земля его предков. На этом и разрешился конфликт между двумя народами, подробности которого стали известны спустя десятилетия, когда он потерял свою актуальность и стал предметом воспоминания застольных разговоров.

Медиаторами, т.е. членами посреднического суда – *тæрхоны лæгтæ* избирались наиболее почетные и старшие, непременно сведущие в обычном праве [3, с. 218]. Число судей было нечетным 3, 5 и т.д., обе стороны имели право отвода избранных судей и назначение нового суда при несогласии с уже вынесенным решением.

Высшими в иерархии посреднических судов, пользующимся особым почетом, были суды в Дагоме и Цемате (у северных осетин) и в Узагае (у южных осетин) [3, с. 118]. Не будучи апелляционными инстанциями, эти суды имели столь непререкаемый авторитет для населения, что решения их имели окончательный характер.

По мере положительного опыта деятельности посреднических судов их роль возрастала. Отмечу, что институт посредничества был задействован не только в форме посреднического суда, но и в форме социального института, предотвращающего дальнейшее развитие криминальной деятельности. С этой целью, когда не могли установить виновного в совершении кражи, имущественная ответственность, согласно Постановления Совета народных комиссаров Горской АССР от 22 октября 1921 г. за №13 возлагалась на порочных, т.е. подозреваемых в преступлении. Так, институт посредничества был задействован в деле Ц., уроженца с. Урух Кабардино-Балкарии. В архивных документах описывается случай, когда «после очередной кражи скота председатель сельсовета В. без всякого следствия обвинил Ц. в совершении кражи. На сельском сходе решался вопрос о виновности последнего путем голосования. За предложение В. проголосовали 2 человека, а остальные 50 воздержались. Несмотря на это, продали дом и скот обвиняемого, который вынужден был бежать в с. Дур-Дур. Но он не смирился с этим и поехал в Нальчик с жалобой к прокурору. На обратном пути его подкараулил В., прогнал через все село в сторону леса и в момент, когда хотел застрелить Ц., тот ударом кинжала убил своего обидчика. После этого он явился в милицию Дигорского округа, рассказал о произошедшем и сдал свой кинжал. На заседании суда виновный искренне удивлялся и возмущался, объясняя, что его нельзя судить, поскольку с помощью посредников состоялось примирение и он организовал «пир примирения», заплатил потерпевшей стороне значительную сумму. Суд учел все это, а также преклонный возраст виновного и то, что отсидел три месяца во Владикавказском исправительно-трудовом доме, освободил подсудимого как «социально неопасного элемента»¹.

¹ ЦГА СОАССР. Фонд 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

В 1864 г., наряду с российскими судебными преобразованиями, в центре Терской области во Владикавказе был образован Главный (Верховный) областной суд. Он состоял из двух отделений: уголовного и гражданского. Ему были подсудны все лица, составляющие гражданское население Терской области. Областной суд являлся высшей и окончательной апелляционной инстанцией, где рассматривались дела, поступившие из окружных народных судов¹. В окружном народном суде Осетинского округа рассматривались дела следующего характера: «уголовные; кровные по убийству; по ранению; спорно-тяжебные; о драках; о растлении; мужеложестве; долговые; о подозрении в поджоге; об убийстве скота; о холопах; о воровствах разного рода скота и вещей; о грабеже; о кражах, учиненных со взломом; об увозе девушек». Наибольшее количество разбирательств приходилось на «спорно-тяжебные» дела, число которых доходило до 30 в год; дел по имущественным искам было немного меньше, их количество колебалось от полутора до двух с половиной десятков ежегодно².

Подсудности участковых судов (в Осетинском округе – Тагауро-Куртатинского, Дигорского, Алагиро-Наро-Мамисонского) подлежали дела, главным образом, имущественного характера, а также дела против нарушений общественного порядка³.

В Северной Осетии, как и в других национальных районах Северного Кавказа, во второй половине XIX в. начали создаваться *мировые суды*. Созданные в 1864 г. на основании Учреждения судебных установлений и ряда уставов мировые суды рассматривали наиболее важные уголовные и гражданские дела. Мировые судьи избирались на 3 года гласными (депутатами) Городской думы г. Владикавказа. Большею частью это были хорошо обеспеченные жители, что способствовало независимости и самостоятельности судей при принятии соответствующих решений. С самого начала задавался тон всему порядку избрания: оно проводилось под бдительным надзором администрации. Официальное введение выборности объяснялось тем, что мировой судья, как посредник, хранитель мира должен был обладать доверием местных обывателей. Функционально существовали три категории мировых судей: участковые, почетные и добавочные [4, с. 16].

Согласно расписания мировых участков Терской области на 1870 г. Владикавказский мировой округ состоял из 4-х мировых участков. Постоянным местом пребывания мировых судей первых двух участков был Владикавказ. Впоследствии Владикавказский мировой округ был реорганизован и состоял из 5 мировых участков. Число мировых участков Владикавказского судебного округа постоянно увеличивалось и к 1905 г. их стало здесь 9 мировых участков. Мировые судьи г. Владикавказ и Владикавказского округа выполняли большой объем работы. Так в 1896 г. через мировые суды Владикавказского округа в целом прошло 11815 дел, а в 1901 г. уже 17020 дел [5, с. 117].

Рассматривая вопрос об организации судебных учреждений в первые годы советской власти следует иметь в виду, такой важный документ, как «Декларация первого съезда народов Терской области» от 31 января 1918 г., где в разделе по национальному вопросу предусмотрено, что «каждому из народов, населяющих терскую область должна быть предоставлена действительная возможность в согласии с основами, провозглашенной Великой русской революцией, устраивать свою жизнь так, как ему кажется наилучшим образом; в пределах своей территории каждой народности предоставляется право устанавливать свои национальные суды, творящие правосудие по народным обычаям и законам» [6, с. 54]. Еще ранее, Декретом СНК от 14 апреля 1917 г. «О суде», действия мировых судей, которых избирали непрямыми выборами, было приостановлено и заменено местными судами, которые разрешали все гражданские дела, где иск не превышал 3000 руб. и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2-х лет лишения свободы [6, с. 46, 47]. Согласно Декрету, местные судьи избираются на основании прямых демократических

¹ ПСЗ – II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. №4098. С. 456.

² ЦГА РСФСР-А. Д. 319. Л. 48. Об. – 49.

³ Там же. Л. 49. Об. – 52.

выборов. Отмечу, что принцип выборности судей сохранился весь советский период. Даже в ст. 9 сталинской Конституции 1936 г. было предусмотрено, что «народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на 3 года».

В апреле 1920 г. Терским областным ревкомом вся судебная система в области была ликвидирована, деятельность мировых судей и съездов мировых судей прекращена и все дела переданы восстановленным в своих правах народным судам и Советам народных судей [7, с. 217]. Руководство всей судебной системой было возложено на отделы юстиции областного и окружных ревкомов. В 1921 г. в Северной Осетии были сформированы советские судебные органы: окружные народные суды, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела по советскому закону, а также курировавший их работу областной Совет народных судей. Наряду с народными судами, в Осетии действовали и Революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным правонарушениям и преступлениям против советской власти.

31 октября 1922 г. на четвертой сессии ВЦИК было принято Положение «О судеустройстве РСФСР». Этим Положением системы народных судов и революционных трибуналов были объединены в единую судебную систему (народный суд, Губернский суд, Верховный Суд РСФСР). Основным звеном судебной системы стал народный суд, разбиравший большую часть уголовных и гражданских дел.

В июне 1924 г. в связи с образованием Северо-Осетинской автономной области, здесь, наряду с районными народными судами, был учреждён областной суд, ставший вышестоящей судебной инстанцией. С приобретением Северной Осетией в 1936 г. статуса автономной республики областной суд был заменён на Верховный суд республики.

Совершенствование государственной политики, направленной на учет местных особенностей, приближение советских учреждений к народу, развитие демократии постепенно, шаг за шагом продолжалось. В конституциях СССР 1936 и 1977 гг., как и в конституциях союзных и автономных республик сохранились принципы выборности судей народом и их подотчетность ему, что ярко свидетельствовало о демократической организации судебной власти. Казалось бы, такая судебная политика и практика продолжится, более того, расширится в деятельности, пришедшей в начале 1990 г. новой российской власти, которая обещала народу демократизацию общественной жизни, федерализацию и децентрализацию власти. На заре новой власти появилась надежда, что данные процессы приобретут необратимый характер в ходе строительства нового российского государства. В подтверждение этому на теоретическом и законодательном уровне появились обнадеживающие перемены. Так, в сфере судебной власти была подготовлена и в 1992 г. опубликована «Концепция судебной реформы». Она учитывала лучшие достижения правовой культуры, которые нашли отражение в Судебных уставах 1864 г. В своей служебной записке к проекту данной Концепции, направленной Верховному Совету РСФСР Б.Н. Ельцин отмечал, что проведение его является необходимым условием обеспечения функционирования демократического федеративного правового государства. В Проекте была «предложена двухуровневая система судов – федеральная и республиканская. Республикам в составе РСФСР предоставлялась возможность с учетом основных принципов судеустройства учредить наиболее удобную для них систему судов» [8, с. 50]. Такой судебный федерализм обуславливается формой устройства Российского государства, предусмотренным в ст. 1 Конституции РФ. Однако, прошло всего 3-4 года и сторонниками централизации судебной власти, при активном участии бизнес-элиты, крайне заинтересованном в законодательном закреплении своего незаконно нажитого имущества судебными решениями, начали активно выступать против наличия региональной судебной власти. И это, несмотря на то, что в ст. 10 Конституции РФ предусматривается разделение государственной власти на три ее ветви – законодательную, административную и судебную, а ее образование в субъектах РФ, согласно ст. 11 Конституции РФ, осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

В принятом в 1996 г. ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» все суды, начиная с районного, были включены в федеральную судебную систему. Вместо принципа выборности судей, существовавшего как в досоветский, так и в постсоветский период вводился принцип назначаемости всех федеральных судей Президентом РФ. Против такой централизации и демократизации судебной власти выступили не только многие специалисты, но и руководители субъектов РФ. И не без оснований, поскольку до этого они считались судами субъектов РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 140 Конституции СОАССР 1978 г. «Судами Северо-Осетинского АССР являются Верховный суд Северо-Осетинской АССР и районные (городские) народные суды». Согласно ч. 1 ст. 141 данной Конституции «Все суды Северо-Осетинской АССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей». Все они, в соответствии с указанной статьей были ответственны перед избирателями или образованными, или избравшими их органами, отчитывались перед ними и могли быть отозваны ими в соответствии с законом.

Отметим, что и в других федеративных государствах к федеральным судебным органам относятся только суды высшей инстанции, а их субъекты имеют свои суды. Так, в ФРГ в каждой земле действует три ступени судов общей юрисдикции: участковые суды, земельные суды, высшие земельные суды. Считаю, что и Российской Федерации при судеустройстве необходимо следовать данному порядку организации судов. Вполне очевидно, что судебную практику и иные вопросы нижестоящих судов можно контролировать с помощью разных, законно установленных полномочий вышестоящих судов. В связи со сказанным, нет никакой необходимости в сверхцентрализации судебной власти, тем более, на конституционном уровне Россия именуется демократическим федеративным правовым государством, но сегодняшняя конструкция судебной власти не позволяет говорить о судебном федерализме. Это же можно сказать и в отношении правового государства, одним из важнейших принципов которого является разделение государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне. Ведь сегодня совершенно очевидно, что в субъектах РФ в отличие от других федеративных государств нет никакой судебной власти. Имея ввиду это, а также фактическое отсутствие выборности судей, в соответствии с действующим законодательством, в отличие от советского, можно утверждать о все большем отчуждении судебной власти от народа. Неслучайно известный профессор Д.Ю. Шапсугов пишет об отчуждении власти от общества, выступающей как присвоение ее государством. По его мнению, данная проблема имеет не только философский, теоретический, но и серьезный практический аспект [9, с. 9]. С учетом сказанного необходимо напомнить и ориентироваться на слова Президента В.В. Путина о том, что по некоторым вопросам нам придется возвращаться к опыту прошлого законодательства.

Возвращаясь к вопросу о региональной судебной власти, отметим, что в соответствии с указанным ФКЗ судами субъектов РФ признавались конституционные и мировые суды. Последние по существу являются федеральными судами, поскольку: основу их организации и деятельности составляют федеральные законы; финансируются они из федерального бюджета; функционируют при федеральных судах, составляя первичное звено судов общей юрисдикции; осуществляют правосудие именем РФ. В соответствующих региональных законах о них говорится, что полномочия, порядок деятельности мировых судей устанавливаются Конституцией РФ, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Неслучайно, они в новой редакции в ст. 118 Конституции РФ включены в федеральную судебную систему. При этом федеральный законодатель продолжает именовать их «мировыми судьями субъектов РФ», дабы придать видимость наличия региональной судебной власти и тем самым попытаться обеспечить принцип разделения государственной власти на три ее ветви. Усматривая в этом необоснованные попытки централизации судебной власти, ее независимости и самостоятельности, я неоднократно выступал в центральной печати [10], в иных публичных выступлениях, в том числе на «круглом столе» по вопросам института мировых судей, организованного 16 апреля 2015 г. Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству с целью сохранения статуса мировых судей как института судебной власти субъектов РФ.

Что же касается конституционных (уставных) судов, то они всего лишь за два десятилетия своей деятельности провели значительную работу по утверждению конституционной законности, защиты прав и свобод человека и повышению регионального конституционного правосознания. На местах, не только юристы, но и в народе заговорили о значимости Конституции и регионального конституционного правосудия. Об этом неоднократно писали в центральной печати, в том числе, Председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин, а также автор данных строк.

Конституционные суды отстаивали также необходимые атрибуты государственности республик. Так, в 2015 г. в Конституционный суд РСО-Алания обратился гражданин Ц. с просьбой защитить его конституционное право на использование им родного языка – осетинского, как государственного, поскольку при рассмотрении его вопроса в районном федеральном суде отказали принять его заявление, написанное на осетинском языке, предложив ему изложить свою просьбу на русском языке. Верховный суд республики поддержал позицию нижестоящего суда. После этого, он обратился на осетинском языке в Конституционный суд республики. Суд, со ссылкой на ч. 2 ст. 68 Конституции РФ, где предусмотрено, что «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации»¹ и ст. 15 Конституции РСО-Алания, закрепляющей в качестве государственных языков осетинский и русский, принял заявление гражданина, рассмотрел его по существу и удовлетворил его просьбу. Более того, я, как Председатель Конституционного суда весь процесс провел на осетинском языке. Использование национального языка на протяжении всего процесса по данному делу было первым и единственным случаем в конституционном судопроизводстве Российской Федерации и произвело эффект разорвавшейся бомбы в судебном сообществе республики, а также далеко за ее пределами.

Региональную судебную власть реально представляли и могут представлять конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Учеными-специалистами, в том числе автором этих строк, и практическими работниками в области конституционного правосудия на протяжении почти трех десятилетий в печати и на различных международных научно-практических конференциях приводились многочисленные аргументы в пользу организации и функционирования органов региональной конституционной юстиции, которые никем не оспаривались. Неслучайно, в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 17 декабря 2017 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития в 2012-2016 годах» по моему предложению, как члена Президиума судей РФ, было внесено предложение о том, что «незаслуженно без внимания остаются конституционные (уставные) суды субъектов РФ, которые играют роль дополнительного гаранта прав граждан, в том числе на судебную защиту».

Несмотря на вышеизложенное, всего через год, согласно ст. 2 ФКЗ от 8 декабря 2020 г. «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», в субъектах РФ были упразднены указанные суды. Государственная Дума РФ, по-видимому, пытаясь избежать упреков в централизации судебной власти, а также с целью восполнить образовавшийся вакуум в системе региональной контрольной власти, предусмотрела в ст. 7 ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» норму о том, что «Субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации». Такая абсурдная, гибридная, к тому же декоративная правовая норма ни в одном зарубежном законодательстве не предусматривается, поскольку абсолютно не соответствует известному принципу разделения государственной власти. На мой взгляд, конституционный совет, создаваемый

¹ Конституция Российской Федерации (со всеми последними поправками). М., 2023. 95 с.

при законодательном или исполнительном органе власти, изначально лишается возможности объективного судебного контроля принимаемых ими нормативно-правовых актов на предмет их соответствия Конституции. Образование такого государственного органа никак не обеспечивает функционирование обеспечения конституционного принципа осуществления государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. К тому же для функционирования конституционного совета необходимы соответствующие условия: кадры, помещения, техника и т.д. Вполне очевидно, что финансирование деятельности такого бутафорного государственного органа, происходит за счет средств налогоплательщика, а надо было это делать за счет тех, кто принимает такие необоснованные, популистские решения.

В сложившейся ситуации создание самостоятельных конституционных (уставных) советов – единственный путь, по которому должны следовать субъекты РФ. Только такая государственно-правовая политика и практика реального обеспечения принципиально важных конституционных норм относительно организации органов судебной власти будет способствовать строительству России как демократического федеративного правового государства.

Список источников

1. История Осетии в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2019. Т. 2. 447 с.
2. Пфафф В.Б. Народное право осетин. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1872. Т. 1. 220 с.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. М., 1886. Т. 2. 410 с.
4. Лонская С.В. Мировая юстиция в истории Российской империи // Мировой судья. 2013. № 6. С. 16-20.
5. Цалиев А.М. Государство и право Осетии. Владикавказ, 2019. 375 с.
6. Судебная власть в России. История. Документы. Т. 5. М., 2003. 830 с.
7. История государства и права народов Кавказа. Науч. ред. Шапсугов Д. Ю. Ростов н/Д., 2022. 577 с.
8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 98 с.
9. Шапсугов Д.Ю. Проблемы эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народо-властью // Северо-Кавказский юридический вестник. №2. 2022. С. 7–18.
10. Цалиев А.М. За что отвечает судья? // Российская газета. 1995. 5 июля.

References

1. *History of Ossetia in the 19th and early 20th centuries*. Vladikavkaz; 2019. 447 p. (In Russ.).
2. Pfaff V. B. *Ossetian folk law. Collection of information about the Caucasus*. Tiflis. 1872;(1). 220 p. (In Russ.).
3. Kovalevsky M. M. *Modern custom and ancient law (customary law of Ossetians in historical and comparative light)*. In 2 volumes. M., 1886. T. 2. 410 p. (In Russ.)
4. Lonskaya S. V. World justice in the history of the Russian Empire. *Magistrate Judge*. 2013;(6):16-20. (In Russ.).
5. Tsaliev A. M. *State and law of Ossetia*. Vladikavkaz; 2019. 375 p. (In Russ.).
6. *Judicial power in Russia. Story. Documentation*. Vol. 5. Moscow; 2003. 830 p. (In Russ.).
7. *History of the state and the rights of the peoples of the Caucasus*. Scientific editor Shapsugov D.Yu. Rostov-on-Don; 2022. 577 p. (In Russ.).
8. *The concept of judicial reform in the Russian Federation*. Moscow; 1992. 98 p. (In Russ.)
9. Shapsugov D. Yu. Problems of the evolution of public power in Russia: from autocracy to democracy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):7–18. (In Russ.).
10. Tsaliev A. M. What is the judge responsible for? *Russian newspaper*. 1995. July 5. (In Russ.).

Информация об авторе

А. М. Цалиев – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой органов власти и публичного права Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ).

Information about the author

A. M. Tsaliev – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Authorities and Public Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest. Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 30.08.2024. The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

К вопросу об определении места градостроительного права в системе права России

Михаил Владимирович Зарицкий

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, kathedra@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-0123-0016>

Аннотация. Актуальным и дискуссионным в современной теории права аспектом развития современного учения о системе права является вопрос о межотраслевом делении российской системы права, критериях ее построения, а также обособлении и систематизации правовых норм, имеющих комплексный характер. *Целью статьи* является установление межотраслевых связей, критериев систематизации и места в системе российского права градостроительных норм как правовой общности, сочетающей в механизме правового регулирования элементы частноправового и публично-правового воздействия. Системный подход и такие логические методы исследования, как анализ и синтез, позволили определить место градостроительных норм в системе российского права как самостоятельной отрасли права с особым смешанным типом правового регулирования.

Область применения результатов: основные результаты и выводы проведенного исследования могут быть положены в основу формирования новых подходов к построению системы права и критериям дифференциации правовых норм. Кроме того, признание градостроительного права самостоятельной отраслью права существенно облегчит процессы правоприменительной и правотворческой деятельности в градостроительной отрасли.

Выводы: совокупность предмета, метода, принципов, целей и функций градостроительных норм, формирующая особый механизм правового регулирования, свидетельствует о качественном своеобразии регулируемой сферы общественных отношений и об обособлении градостроительного права в составе системы права России как отрасли права. При этом, комплексный характер градостроительного права по типу правового регулирования обусловлен взаимопроникновением частноправового и публично-правового интересов.

Ключевые слова: система права, межотраслевые связи, отрасль права, критерии построения системы права, комплексный режим правового регулирования, механизм правового регулирования, взаимопроникновение частного и публичного права, градостроительное право

Для цитирования: Зарицкий М. В. К вопросу об определении места градостроительного права в системе права России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 58–62. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-58-62>. EDN UERVXB

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the issue of determining the place of town planning law in the Russian legal system

Mikhail V. Zaritsky

Kuban State University, Krasnodar, Russia, kathedra@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0123-0016>

Abstract. A relevant and controversial aspect in the modern theory of law in the development of the modern doctrine of the legal system is the question of the intersectoral division of the Russian legal system, the criteria for its construction, as well as the isolation and systematization of legal norms that are complex in nature. *The purpose of the article* is to establish intersectoral connections, criteria for systematization and the place in the system of Russian law of urban planning norms as a legal community that combines

elements of private law and public law influence in the mechanism of legal regulation. A systematic approach and such logical research methods as analysis and synthesis made it possible to determine the place of urban planning norms in the system of Russian law as an independent branch of law with a special mixed type of legal regulation.

Scope of application of the results: the main results and conclusions of the study can be used as the basis for the formation of new approaches to building a legal system and criteria for differentiating legal norms. In addition, the recognition of urban planning law as an independent branch of law will significantly facilitate the processes of law enforcement and law-making activities in the urban planning industry.

Conclusions: the totality of the subject, method, principles, goals and functions of urban planning norms, forming a special mechanism of legal regulation, indicates the qualitative originality of the regulated sphere of social relations and the isolation of urban planning law as part of the Russian legal system as a branch of law. At the same time, the complex nature of urban planning law by type of legal regulation is due to the interpenetration of private law and public law interests.

Keywords: system of law, intersectoral connections, branch of law, criteria for constructing a legal system, complex regime of legal regulation, mechanism of legal regulation, interpenetration of private and public law, urban planning law

For citation: Zaritsky M. V. On the issue of determining the place of town planning law in the Russian legal system. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):58–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-58-62>. EDN UERVXB

Теоретические представления о системе права относятся к «теориям среднего уровня», которые сочетают в себе, с одной стороны, концептуальные обобщения, а с другой – практическую релевантность, а, следовательно, как доктринальные конструкции в области права требуют постоянной актуализации¹. В рамках проводимой д. ю. н., проф. А. Я. Рыженковым научной дискуссии на страницах журнала «Современное право», посвященной проблемам построения системы права, было обозначено много интересных и актуальных вопросов для развития современного учения о системе права и критериях классификации ее структурных элементов. Положительный эффект дискуссии заключается в том, что многие анализируемые проблемы продолжают обсуждаться и за ее пределами и побуждают к новым научным изысканиям, направленным на конкретизацию и поиск решений научных проблем.

В рамках настоящего исследования анализ правового регулирования градостроительной деятельности и правовой природы градостроительных норм проводится с целью определения критериев систематизации и отраслевого деления, а также места в системе российского права градостроительных норм как правовой общности с комплексным режимом правового регулирования.

Предметом правового регулирования градостроительных норм выступают разнообразные виды градостроительной деятельности, перечисленные в ст. 1 Градостроительного кодекса РФ, например, градостроительное зонирование, территориальное планирование, строительство и реконструкция зданий и сооружений и пр.² Анализ целей градостроительного регулирования отдельных видов градостроительной деятельности свидетельствует о комплексном содержании и характере правовой природы градостроительных норм. Поскольку разнообразное содержание, особый объект, субъектный состав градостроительных правоотношений, принципы и защищаемый правом интерес опосредуют специфику их правового регулирования.

В юридической науке предлагаются подходы, определяющие особый тип правового регулирования таких комплексных правовых образований, основанные на признании взаимопроникновения норм частного и публичного права [1, с. 223–229].

¹ Рыженков А.Я. Приглашение к дискуссии // URL: <https://sovpravo.press/priglasenie-k-diskussii/> (дата обращения: 20.05.2024 г.).

² «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024) // URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/cdec16ec747f11f3a7a39c7303d03373e0ef91c4/ (дата обращения: 20.05.2024).

Взаимопроникновение норм частного и публичного права можно отметить во многих отраслях и межотраслевых образованиях современной системы права России, поэтому научное распространение получают теории и подходы, выступающие за признание самостоятельного обособленного места в системе права таких комплексных правовых общностей. При этом комплексными их называют потому, что они «не вписываются в строгие критерии классификации правовых норм и построения системы права» [2, с. 244-245]. Также можно встретить научные теории, определяющие место таких правовых образований в структуре права, как вторичных или второстепенных, дополнительных отраслей права [3; 4, с. 5-16; 5; 6, с. 215].

Проблема обособленности правовых норм, регулирующих градостроительные отношения, и их природы как самостоятельной отрасли права рассматривается в современной теории права под призмой трансформации системы российского права.

Д.ю.н., профессором А. Я. Рыженковым были систематизированы и выделены следующие подходы к проблеме дифференциации: отнесение градостроительного права к подотрасли земельного права, подотрасли административного права, институту формирующейся отрасли строительного права, Добрый день. Это цитата по автореферату Чихладзе и обосновывается усилением централизованного управления, что характерно для начала 90-х. Так как госуправление было преобладающим, речь шла не о самостоятельности местного а также к комплексной или основной самостоятельной отрасли права [7, с. 7; 8, с. 50; 9, с. 6; 10, с. 28; 11, с. 15; 12, с. 17].

Следует согласиться с А. Я. Рыженковым в том, что «земельное право ограничивается регулированием земельных отношений и не регулирует отношения по поводу градостроительной деятельности, следовательно, градостроительные отношения не совпадают с земельными и не входят в предмет регулирования земельного права» [3, с. 38].

Также справедливо указание автора на то, что весомым аргументом против принадлежности градостроительного права к сфере административного права является сочетание, а в некоторых случаях и преобладание диспозитивного метода правового регулирования в сфере градостроительного права, тогда как в сфере административного права всегда преобладает императивный метод [3, с. 38].

Относительно точки зрения, считающей градостроительное право институтом формирующейся отрасли строительного права, можно возразить, что законодательное определение строительства частью градостроительной деятельности в Градостроительном кодексе РФ формально закрепило его частью градостроительного права, а не наоборот. Таким образом, в системе российского права строительное право представляет собой комплексный правовой институт градостроительного права.

Подходы, признающие статус градостроительного права как отрасли права, рассматривают проблемы отраслевой дифференциации с учетом правовой институализации комплексных правовых образований.

Идея выделения в структуре права основных и вторичных отраслей права принадлежит С. С. Алексееву, который следуя системно-структурному подходу, разделял главные, дополнительные и второстепенные системообразующие факторы, наличием которых и обусловлено, по мнению автора, появление комплексных правовых общностей. Правовой общностью ученый называл «систематизированную и имеющую структуру совокупность правовых норм» [13, с. 28-29, 35].

С. С. Алексеев считал комплексные правовые общности вторичными по отношению к основным правовым образованиям: «нормативные положения комплексных правовых общностей имеют юридически разнородный характер; их содержание представлено нормами основных отраслей права» [13, с. 28-29, 35].

Таким образом, в советской правовой науке наличие комплексных отраслей права объяснялось сочетанием в пределах одной правовой общности главных и дополнительных критериев (системообразующих факторов). При этом для понимания природы норм правовой

общности советские правоведы считали необходимым установить именно главный критерий обособления правовых норм. Делением системообразующих факторов на главные и дополнительные (второстепенные) обусловлена и классификация отраслей права на основные и дополнительные (комплексные).

Однако, в условиях современного развития права, особенностей его систематизации, интеграции и дифференциации, представляется, что критерии учения о классификации отраслей права, выработанные в рамках системно-структурного подхода советской правовой науки о наличии второстепенных (дополнительных) отраслей права, нуждаются в уточнении. Поскольку обособление комплексных правовых общностей в современной системе права России зависит не от «главных» и «второстепенных» критериев, а от сочетания в механизме правового регулирования частноправовых и публично-правовых начал, формирующих смешанный режим и тип правового регулирования.

Комплексность правовых общностей следует определять не в контексте деления отраслей права на основные и второстепенные или комплексные (представленные нормами права основных отраслей), а комплексностью режима правового регулирования и сочетанием частноправового и публично-правового типов правового регулирования.

Взаимодействие в механизме правового регулирования градостроительных отношений частноправовых и публично-правовых средств и способов отражает качественную специфику, обусловленную принципами и защищаемым правом интересом, правовой общности, регулирующей градостроительные отношения.

Совокупность предмета, метода, принципов, целей и функций градостроительных норм, формирующая особый механизм правового регулирования, свидетельствует о качественном своеобразии регулируемой сферы общественных отношений и об обособлении градостроительного права в составе системы права России как отрасли права.

Как отрасль права градостроительное право осуществляет единое регулирование градостроительных отношений посредством закрепления организационно-правовых форм градостроительной деятельности и правил поведения субъектов градостроительной деятельности с целью упорядочения правового воздействия на субъектов градостроительной деятельности и достижения целей градостроительной политики. При этом качественная специфика и уникальность правового режима градостроительных норм, опосредованная взаимопроникновением частноправового и публично-правового интереса, формируют в совокупности комплексный характер этой правовой общности по типу правового регулирования.

Список источников

1. Проблемы теории государства и права: учебник / Г. Э. Адыгезалова [и др.]; под ред. Г. Э. Адыгезаловой. М.: Директ-Медиа, 2022. 472 с.
2. Адыгезалова Г. Э. Современные проблемы правового регулирования: ответы на вызовы XXI века: монография / под ред. Г. Э. Адыгезаловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 267 с.
3. Рыженков А. Я. О месте градостроительного права в системе права России: дискуссионные вопросы // Вестник Волгоградской Академии МЧС России. 2018. № 2 (45). С. 37–44.
4. Шарно О. И., Фролов С. А. Градостроительные аспекты земельного права России: учебно-методическое пособие. Волгоград, 2017. 110 с.
5. Шарно О. И., Фролов С. А. Современная концепция земельного и градостроительного права // Современный ученый. 2017. № 5. С. 380–382.
6. Чаркин С. А. Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория: монография. М., 2012. 237 с.
7. Рыженков А. Я. Принципы градостроительного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 174 с.
8. Крассов О. И. Экологическое право: учебник. 3-е изд. М., 2013. 624 с.
9. Ждан-Пушкина Д. А. Земельное право в схемах и определениях: уч. пос. М., 2007. 104 с.

10. Абдраимова Б. Ж., Боголюбов С. А. Земельное право России и Казахстана: проблемы развития, процессуальные формы реализации. М.: Юрист, 2007. 453 с.
11. Ерхов А. В. Управление градостроительным комплексом в Российской Федерации (административно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Саратов, 2007. 26 с.
12. Анисимов А. П., Юшкова Н. Г. Градостроительное право – новая отрасль в системе российского права // Право и политика. 2008. № 9. С. 2105–2113.
13. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.

References

1. *Problems of the theory of state and law: textbook* / G.E. Adygezalova [and others]; edited by G.E. Adygezalova. Moscow: Direct-Media; 2022. 472 p. (In Russ.)
2. Adygezalova G. E. *Modern problems of legal regulation: responses to the challenges of the 21st century: monograph* / ed. G.E. Adygezalova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. Krasnodar: Kuban State. univ.; 2024. 267 p. (In Russ.)
3. Ryzhenkov A. Ya. On the place of urban planning law in the Russian legal system: controversial issues. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2018;2(45):37–44. (In Russ.)
4. Sharno O. I., Frolov S. A. *Urban planning aspects of land law in Russia: educational and methodological manual*. Volgograd; 2017. 110 p. (In Russ.)
5. Sharno O. I., Frolov S. A. Modern concept of land and town planning law. *Modern scientist*. 2017;(5):380–382. (In Russ.)
6. Charkin S. A. *Land legal relations as an intersectoral legal category: monograph*. Moscow; 2012. 237 p. (In Russ.)
7. Ryzhenkov A. Ya. *Principles of urban planning law: monograph*. Moscow: Yurlitinform, 2019. 174 p. (In Russ.)
8. Krassov O. I. *Environmental law: textbook*. 3rd ed. Moscow; 2013. 624 p. (In Russ.)
9. Zhdan-Pushkina D. A. *Land law in schemes and definitions: textbook*. Moscow; 2007. 104 p. (In Russ.)
10. Abdraimova B. Zh., Bogolyubov S. A. *Land law of Russia and Kazakhstan: development problems, procedural forms of implementation*. Moscow: Lawyer; 2007. 453 p. (In Russ.)
11. Erkhov A. V. *Management of the urban planning complex in the Russian Federation (administrative and legal aspect): abstract of thesis. dis. ...candidate of legal sciences*. Saratov; 2007. 26 p. (In Russ.)
12. Anisimov A. P., Yushkova N. G. Urban planning law is a new branch in the system of Russian law. *Law and Politics*. 2008;(9):2105–2113. (In Russ.)
13. Alekseev S. S. *The structure of Soviet law*. Moscow; 1975. 264 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Зарицкий – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный университет.

Information about the author

M. V. Zaritsky – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, Kuban State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.

Толерантность и правовая грамотность современной молодежи

Имани Мусабиевна Магомадова

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,

imanimagomadova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены такие понятия, как толерантность и правовая грамотность, проведен анализ становления понятия «толерантность». Выявлены роль и значение образовательной среды и правовой грамотности в формировании толерантной молодежи, а также перечислены основные способы повышения правовой грамотности у молодежи и школьников, решения проблем правовой безграмотности подрастающего поколения. По нашему мнению, актуальность рассмотрения вопроса толерантности связана с глобальностью изучаемого вопроса, так как от толерантного общества зависит общественный порядок и международное мирное сосуществование. Вражда разных групп, наций, государств становится причиной междоусобиц, многочисленных войн, которые протекают на протяжении длительного времени. По нашему мнению, правовая грамотность выступает как локомотив в обеспечении высокого уровня толерантности у подрастающего поколения, а следовательно, в будущем и всего общества, что положительно сказывается на межнациональных, межэтнических, межконфессиональных и международных отношениях во всем мире в целом. В данной статье также выделены пути достижения толерантного отношения молодежи друг к другу в процессе получения знаний, повышения уровня правовых знаний, умений и навыков, где каждый педагог ставит перед собой цель сформировать у обучающихся терпимое отношение к различным мнениям, воззрениям, устоям и т.д.

Ключевые слова: толерантность, правовая грамотность, правовое образование, правовое воспитание, правовая безграмотность, правопонимание, образовательная среда, правовые знания, терпимость, мировоззрение, вероисповедание, законопослушный гражданин, международное сотрудничество

Для цитирования: Магомадова И. М. Толерантность и правовая грамотность современной молодежи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 63–68. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-63-68>. EDN UJGTZQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Tolerance and legal literacy of modern youth

Imani M. Magomadova

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, imanimagomadova@yandex.ru

Abstract. The article considers such concepts as tolerance and legal literacy, analyzes the formation of the concept of "tolerance". The role and importance of the educational environment and legal literacy in the formation of tolerant youth are revealed, and the main ways of improving legal literacy among young people and schoolchildren, solving the problems of legal illiteracy of the younger generation are listed. In our opinion, the relevance of considering the issue of tolerance is related to the globality of the issue under study, since public order and international peaceful coexistence depend on a tolerant society. The hostility of different groups, nations, and states becomes the cause of internecine strife, numerous wars that have been going on for a long time. In our opinion, legal literacy acts as a locomotive in ensuring a high level of tolerance among the younger generation, and therefore, in the future, of the whole society,

which has a positive effect on interethnic, interfaith and international relations throughout the world as a whole. This article also highlights ways to achieve a tolerant attitude of young people towards each other in the process of gaining knowledge, improving the level of legal knowledge, skills and abilities, where each teacher sets himself the goal of forming a tolerant attitude among students towards different opinions, views, foundations, etc.

Keywords: tolerance, legal literacy, legal education, legal understanding, educational environment, legal knowledge, worldview, religion, law-abiding citizen, international cooperation

For citation: Magomadova I. M. Tolerance and legal literacy of modern youth. *North Caucasus Legal Vestnik* 2024;(3):63–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-63-68>. EDN UJGTZQ

Самый высокий результат образования – толерантность.

Х. А. Келлер

Несмотря на длительный процесс становления межличностных и международных отношений, процесс толерантного восприятия мира остается актуальным и уязвимым. Желание и стремление понять и принять «чужой», «иной» мир для общества является пассивным моментом. Так как толерантность является социально-правовой ценностью, пассивное отношение к проблемам толерантности недопустимо, особенно для подрастающего поколения.

Согласно Декларации принципов толерантности, принятых ЮНЕСКО в 1995 году, толерантность признается ценностью и социальной нормой гражданского общества¹.

Толерантность – понятие, широко используемое в современном обществе и особо значимое для молодежи как фактор, показывающий уровень сформированности правосознания и правосознания. При этом формирующим элементом толерантности является правовая грамотность, правопослушание и активная гражданская позиция. Проблема толерантности стала крайне актуальна в условиях сложной геополитической обстановки в мире. Толерантность является объектом дискуссий в интернет-пространстве, СМИ, областью исследования педагогов, философов, психологов, социологов и правоведов.

По мнению Шукина А. М., толерантность представляет собой определенную ценностную основу существования как личности, так и общества, именно ценности позволяют обществу выйти за пределы своей культуры, оценивать себя извне. Необходимость соблюдения членами разных социальных общностей, у которых могут быть различные интересы, определенных правил поведения, основанных на компромиссе, взаимных уступках, терпимости, представляется очевидной. Но практика свидетельствует о том, что толерантность труднодостижима в силу существования разных интересов, воззрений, традиций, предпочтений, амбиций. Поэтому рассмотрение феномена толерантности в перспективе ценностной ориентации человеческого существования позволяет понять саму толерантность в качестве одной из важнейших аксиологических форм, организующих совместную человеческую жизнедеятельность [1, с. 128]. Совместное человеческое существование было бы наполнено войнами, агрессией, межнациональными конфликтами без толерантности. Толерантность исторически ставит во главе угла вопрос формирования уважительного отношения к чужим ценностям, мнениям и воззрениям.

Толерантность была объектом исследования многих ученых и деятелей, таких как: П. Флоренский, Н. Бердяев, Д. Локк, П. Бейль, Вольтер, И. Гете, В. М. Золотухин, В. А. Лекторский, М. Л. Мчедлов, Л. В. Скворцов, и др.

Термин «толерантность» происходит от латинского *tolerantia*, что означает терпеть, терпимость, выносить. Причиной появления данного термина был распад христианства на католицизм, православие и протестантизм, что стало причиной появления в обществе различных воззрений.

Понятие «толерантность» впервые в научном обороте использовал французский деятель и философ де Траси, который вначале трактовал данный термин как «терпеливость»,

¹ Декларация принципов толерантности: утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференцией ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. // Век толерантности: Науч.-публицист. вестник. М.: Изд-во МГУ, 2001 г.

а затем он трактовался как «терпимость». Наиболее полное объяснение данного феномена было в работах Дж. Локка, в частности в его «Письме толерантности». Британский философ определял толерантность как способ приобщения человека к вере. Долгое время толерантность была синонимом понятия «веротерпимость». К концу XIX в. окончательно под толерантностью начали подразумевать терпимость ко всем социальным явлениям общественной жизни, в том числе и вероисповеданию.

В широкий научный оборот термин «толерантность» вошел в XVIII в. В России понятие «толерантность» начали использовать в либеральных изданиях только в XIX в. Впервые этот термин был использован в «Малом энциклопедическом словаре» в 1903 г. Толерантность объяснялась как терпимость к иным религиозным воззрениям. А с 1930-х гг. термин «толерантность» вообще исчез из лексикона и только в начале 1990-х гг. широко вошел в общественную жизнь россиян, чему способствовало появление на политической карте нового государства и принятие Конституции РФ. Новое демократическое общество начало активно использовать данный термин во всех сферах общественной жизни страны.

Термин «толерантность» не имеет единого определения, так как ученые разных сфер дают неодинаковую трактовку данному понятию, что дает возможность широкого толкования и создает почву для выделения различных видов толерантности. Поэтому в зависимости от сфер исследования выделяют следующие виды толерантности: политическая, физиологическая, религиозная, гендерная, возрастная, образовательная, межнациональная, межклассовая, маргинальная, расовая и т.д.

Так, например, в словаре русского языка Д. Н. Ушакова понятие «толерантность» означает терпимость, т.е. свойство, умение терпимо относиться к чему-либо, терпеть что-нибудь. Например, «религиозная терпимость» и «преступная терпимость к врагам» и др. в современную эпоху – эпоху массовых коммуникаций. Здесь особенно актуальна межличностная толерантность, когда необходимо терпеть, ограничивая, сдерживая себя в совершении определенных выпадов по отношению к другому лицу, субъекту, с которым в данный момент в чем-то не согласен, т.е. имеются разногласия [2].

В энциклопедии по социологии можно встретить такое определение этому понятию: «Толерантность (лат. *tolerantia* – терпение) – терпение к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям и идеям» [3, с. 1128–1129].

В политологическом словаре имеется следующая трактовка: «Политическая толерантность – позиция тех или иных политических сил, выражающая их готовность допускать существование инакомыслия в своих рядах; в случае, если эти силы находятся у власти, политическая толерантность проявляется в их политике допускать деятельность оппозиции в конституционных рамках, толкуемых с максимальной широтой [4, с. 375].

Все вышесказанное говорит о том, что толерантность – это многоаспектное явление. В основном многие ученые сходятся во мнении, что толерантность – это терпимое отношение к иному, под которым понимается образ жизни, социальный статус, сфера общественной жизни, язык, духовная и материальные сферы, религия и др. Но мы будем рассматривать толерантность с точки зрения педагогико-правового аспекта как фактора, воспитывающего законопослушного гражданина.

Изначально толерантность раскрывалась как терпимость к различным воззрениям, вероисповеданию, образу жизни, национальности, этносу, языку и т.д. Но использовать терпимость как синоним толерантности будет, по нашему мнению, искаженным и недостаточно раскрытым. Терпеть что-либо – это как делать с усилиями, нехотя. Человек терпит боль, несправедливое отношение, насилие и др., но будет ли в данном случае это толерантностью, если человек терпит, т.е. делает это против своего желания? По нашему мнению, толерантность – это все-таки понимание и осознание наличия иного, другого, отличного от твоего мнения, мировоззрения и представления. Только в данном случае мы можем говорить о толерантности. И наша цель, как педагога и наставника, научить молодежь воспитывать в себе уважение, соблюдение и принятие прав и свобод представителей разных

конфессий, религий, национальностей, социальных слоев, групп, общностей и т.д. Поэтому феномен «толерантность» – это ни что иное, как важный правовой компонент и ценностная установка человеческого сосуществования.

По мнению Д. С. Батарчука, объективно толерантные отношения вынужденно устанавливались и длительное время сохранялись между разными государствами, этносами, культурно-историческими образованиями с древнейших времен. Однако широкое употребление понятия «толерантность» началось в эпоху религиозных европейских войн, когда стало очевидным, что ни католики, ни протестанты не в силах одержать победу в борьбе друг с другом. Тогда они вынуждены были согласиться на компромисс, допускающий возможность их взаимного сосуществования. В более поздние исторические эпохи принцип толерантности значительно расширил свое содержание и получил распространение в культурах многих народов [5, с. 130]. Действительно, толерантность – это не внезапно возникший термин, это длительный процесс, представляющий собой видоизменяющееся явление, из которого мы можем сделать вывод, что в дальнейшем толерантность будет структурно меняться, но основная суть и значение будут сохраняться веками.

Петрухина А. С. считает, что современный социум, основывающийся на принципах соблюдения прав человека как культурной и правовой ценности, давно признал необходимость формирования толерантности для эффективного взаимодействия между различными группами, слоями, когортами населения. Термин «толерантность», появившийся в медицине для обозначения проявлений физиологических реакций организма («привыкание» к лекарству, неспособность вырабатывать антитела или неспособность отторгать чужеродные органы, толерантность к физической нагрузке и др.) «перекочевал» в дальнейшем в социальные и гуманитарные науки [6, с. 565]. Это стало не иначе как интеграция понятия «толерантность» во все сферы жизни общества. Данный термин интегрировал и в систему образования.

Основным способом формирования и развития такого феномена среди молодежи, как толерантность, является устойчиво сложившаяся современная система правового образования и правового воспитания.

По мнению Н. А. Калининой, именно от качества образования зависит выбор ценностных установок и убеждений в становлении личностных и профессиональных компетенций. От толерантности в образовательном процессе зависит духовное состояние общества, патриотизм в защите национальной культуры, ценностей и традиций и принятии других идеологий. Перечисленные факторы создают необходимость улучшения не только образовательной среды, но и процессов, связанных со становлением личности [7, с. 14]. По нашему мнению, образовательная среда, качественная и здоровая в первую очередь, и станет той самой составляющей в становлении личности подрастающей молодежи. Мы должны понимать, что, в данном случае мы говорим о становлении личности «не для красного словца», а именно о полезной (социально активной), адекватной, анализирующей, отдающей отчет своим действиям, соблюдающей чужие права и осознающей свои обязанности. И основной груз ответственности по воспитанию толерантной молодежи будет возложен на правовое воспитание и правовое образование как неотъемлемые компоненты образовательного процесса.

Несмотря на развитость информационных технологий, вопрос правовой безграмотности и толерантности современной молодежи остается открытым. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, подтверждающие отсутствие элементарных знаний своих прав, обязанностей. Современная молодежь не владеет в полной мере навыками отстаивания и защиты своих прав. Все вышесказанное говорит о наступлении нежелательных и негативных последствий, приводящих к социальной напряженности в обществе.

Самой значимой и большой социальной группой является молодежь, которая устойчиво поддается влиянию внешних раздражителей. В современных сложных геополитических условиях правовая грамотность подрастающего поколения становится флагом в формировании миропорядка, правового государства и толерантного общества. От юридически грамотного подрастающего поколения зависит национальная и общественная

безопасность страны, социальное благополучие, формирование системы правовых ценностей и т.д., а значит, и толерантное отношение ко всему окружающему.

В чем же проявляется роль правовой грамотности и правовых знаний в воспитании толерантной молодежи? Под правовой грамотностью мы будем понимать объем правовых знаний, умений, навыков, ценностей, которыми должен обладать любой гражданин РФ. Но правовая грамотность не сводится к простому пониманию юридических терминов и нормативно-правовых актов – это прежде всего способность активного участия в мире взаимоотношений между различными группами, общностями. И таким образом, способность юридически грамотного студента быть толерантным, выступать с активной гражданской позицией выше, чем у студента, обладающего низким уровнем правовой осведомленности. Это единственный путь воспитания уважения разных мнений, позиций, представлений, соблюдения чужих прав и свобод, независимо от национальности, этнической принадлежности и вероисповедания.

Необходимость улучшения качества правовых знаний у молодежи остается актуальной проблемой. Поэтому, по нашему мнению, введение в учебную программу предметов правового цикла является первостепенной задачей, независимо от уровня системы образования и профиля подготовки. Основная работа должна проводиться с выпускниками школ и студентами, так как они являются потенциальными представителями будущего нашего государства.

По мнению Насакиной Л. Н., формирование правовой грамотности молодежи и школьников предполагает выполнение следующих пунктов:

- обогащение учащихся знаниями наиболее существенных положений нормативно-правовых актов, увеличение их правовой осведомленности, получение информации о ныне важных аспектах права;

- выработка системы представлений и мнений, связанных с правом, и определяющих отношение человека к требованиям нормативно-правовых актов, регулирующих его действия в определенных правовых ситуациях;

- воспитание у школьников уважения к правовой системе и государству, создающему ее, понимание необходимости соблюдения требований нормативно-правовых актов;

- развитие у молодежи умений и навыков правового поведения;

- развитие у учащихся нетерпимого отношения к нарушениям закона и преступным действиям, стремление противиться этим отрицательным явлениям, умение противодействовать им;

- преодоление в правовом сознании неверных представлений, сформировавшихся под влиянием отрицательных явлений социализации [8, с. 41].

По нашему мнению, к данному перечню желательно добавление активного участия молодежи в межнациональных и международных проектах и форумах, где встречаются учащиеся или молодежь разных национальностей, вероисповедания и др. И такое приобщение к другой культуре, религии создает положительную почву для дальнейшего сотрудничества, так как уважение и принятие «иного» или «чужого» возможно только в сотрудничестве и общении. Например, у нас складывается негативное представление о чем-либо, пока мы не узнаем все поближе, не познакомимся, не попробуем. Например, в путешествии до момента поездки у нас одно представление, а после – мы в восторге от кухни, обычаев, культуры, у нас есть желание кому-то рассказать об этом народе или государстве, мы рекомендуем поездку в данную страну и т.д. Также у молодежи – чтобы развить чувство уважения, толерантного и положительного отношения, нужно общение.

Таким образом, толерантность и правовая грамотность – неразрывно связанные два социальных феномена. Молодежь, обладающая достаточной правовой грамотностью, это толерантная и гуманная личность, в первую очередь. Формирование толерантности – это путь к свободной личности, обладающей психологической готовностью к взаимодействию с людьми другой нации, культуры, социальной среды, религии и др.

В заключение хотелось бы привести высказывание В. А. Лекторского: «Терпимость ныне в большей степени, чем когда бы то ни было в истории – не просто отвлеченный философский идеал, а совершенно практическое условие выживания. ... Если не культивировать терпимость, остается только взаимное уничтожение. Сегодня сделать это не так уж и трудно» [9, с. 49–50].

Список источников

1. Щукин А. М. Толерантность в системе правовых ценностей молодежи // Новые технологии. 2011. №4. С. 127–131.
2. Толковый словарь русского языка (Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова). Т. X. М., 1940.
3. Бальцевич В. А., Бальцевич О. Я. Толерантность / Социология. Энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 1128–1129.
4. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. 432 с.
5. Батарчук Д.С. Толерантность как социально-психологический феномен этнически диверсифицированного общества // Вестник ТГПУ. 2010. №5 (95). С. 129–134
6. Петрухина А. С. Психологические особенности толерантности: сущность понятия, характеристика, типы. Толерантное мировосприятие // Молодой ученый. 2019. № 49. С. 564–566.
7. Калинина Н. А. Толерантность в системе философских оснований образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 4 (59). С. 14–17.
8. Насакина Л. Н. Правовая грамотность среди школьников и молодежи как основа национальной безопасности // Научный журнал «Дискурс». 2017. № 8 (10). С. 41–52.
9. Лекторский В. А. Толерантность как философская проблема // Образовательная политика. 2000. № 2 (52). С. 49–57.

References

1. Shchukin A. M. Tolerance in the system of legal values of youth. *New technologies*. 2011;(4):127–131. (In Russ.).
2. *Explanatory dictionary of the Russian language* (Edited by Prof. D.N. Ushakov). Vol. X. Moscow; 1940. (In Russ.).
3. Baltsevich V. A., Baltsevich O. Ya. Tolerance. In: *Sociology. Encyclopedia*. Minsk: Book House; 2003: 1128–1129. (In Russ.).
4. *Political Science: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Publishing House of Moscow Commercial University; 1993. 432 p. (In Russ.).
5. Batarчук D.S. Tolerance as a socio-psychological phenomenon of an ethnically diversified society. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2010;5(95):129–134. (In Russ.).
6. Petrukhina A. S. Psychological features of tolerance: the essence of the concept, characteristics, types. *Tolerant worldview. Young scientist*. 2019;(49):564–566. (In Russ.).
7. Kalinina N. A. Tolerance in the system of philosophical foundations of education. *Humanities and socio-economic sciences*. 2011;4(59):14–17. (In Russ.).
8. Nasakina L. N. Legal literacy among schoolchildren and youth as the basis of national security. *Scientific journal "Discourse"*. 2017;8(10):41–52. (In Russ.).
9. Lektorskiy V. A. Tolerance as a philosophical problem. *Educational policy*. 2000;2(52):49–57. (In Russ.).

Информация об авторе

И. М. Магомадова – старший преподаватель кафедры права, Чеченский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. M. Magomadova – Senior lecturer of Department of Law, Chechen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Правовая природа искусственного интеллекта

Вэй Дэпэн

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 1161961567@qq.com

Аннотация. По мере применения искусственного интеллекта во многих областях он оказывает глубокое влияние на общественные отношения между людьми, и традиционные нормы гражданского права демонстрируют юридическое отставание в регулировании искусственного интеллекта. Определение правовой природы искусственного интеллекта в дальнейшем определяет методы его правовой защиты и модели регулирования. В данной статье анализируются и сравниваются преимущества и недостатки трех возможностей превращения искусственного интеллекта в объект права, субъект права и субъект правовой фикции. С функциональной точки зрения автор исследует теорию прав и обязанностей искусственного интеллекта, предпринимает попытку сформулировать идею идентификации искусственного интеллекта как субъекта права и объясняет связанные с этим правовые нормативные преимущества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское право, субъект права, объект права, правовая фикция, правовой статус, правовое регулирование

Для цитирования: Вэй Дэпэн. Правовая природа искусственного интеллекта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 69–76. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-69-76>. EDN OMVMIL

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The legal nature of artificial intelligence

Wei Depeng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 1161961567@qq.com

Abstract. With the application of artificial intelligence in many fields, it has had a profound impact on human social relations, and the traditional civil law provisions have demonstrated a legal lag in adjusting artificial intelligence. The definition of the legal nature of artificial intelligence further determines its legal protection methods and regulatory models. This article analyzes and compares the advantages and disadvantages of the three possibilities of artificial intelligence becoming a legal object, a legal subject and a legal fiction subject. From a functional perspective, we explore the theory of the rights and responsibilities of artificial intelligence, try to construct an idea of identifying artificial intelligence as a legal subject, and explain the legal normative advantages brought by this.

Keywords: artificial intelligence, civil law, legal subject, legal object, legal fiction, legal status, legal adjustment

For citation: Wei Depeng. The legal nature of artificial intelligence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):69–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-69-76>. EDN OMVMIL

В настоящее время юридическое определение искусственного интеллекта по-разному описывается в правовых документах разных стран, но все их определения имеют общую особенность: искусственный интеллект – это способность выполнять действия, аналогичные уровню человеческого интеллекта. Искусственный интеллект не является однодисциплинарной технологией, на самом деле он представляет собой синтез непрерывной интеграции

и развития целого ряда дисциплин с новыми достижениями. С помощью различных новых технологий, таких как технология распознавания речи, технология генерации изображений и технология преобразования естественного языка, была улучшена способность искусственного интеллекта самостоятельно решать проблемы. В частности, искусственный интеллект сочетает в себе высокоскоростные алгоритмы, нейросетевые технологии и технологии машинного обучения, а его поведенческие способности уже не сводятся только к выполнению повторяющихся механических действий, но и предполагают способности самостоятельно обучаться и автономно принимать решения в соответствии с конкретными сценариями, основанными на внешней среде. Например, автомобили с искусственным интеллектом могут вести себя в режиме реального времени в соответствии с правилами дорожного движения, основанными на сложностях реальных дорог.

Что касается классификации искусственного интеллекта, в настоящее время ведущие академические круги делят его на сильный искусственный интеллект и слабый искусственный интеллект. Однако мы считаем, что нецелесообразно просто делить типы искусственного интеллекта на основе сильных и слабых стандартов. Поскольку технологии искусственного интеллекта обновляются и совершенствуются очень быстро, сегодняшний сильный искусственный интеллект завтра будет считаться слабым, субъективные термины вроде «сильный» и «слабый» в качестве способа классификации искусственного интеллекта не могут соответствовать юридическим критериям идентификации. На наш взгляд, более реалистично будет оперировать различными типами искусственного интеллекта на основе их использования и характеристик как классификации. Например, благодаря бионическим технологиям и технологии нейронных сетей искусственный интеллект может иметь полностью схожий с человеком внешний вид, и этот тип искусственного интеллекта называется роботом-гуманоидом, который будет использоваться для установления социальных отношений и эмоциональных связей с людьми, и при этом тип искусственного интеллекта будет нести человеческие этические эмоции. Если другие публично злонамеренно повреждают и оскорбляют робота-гуманоида этого типа, это может нанести психологический вред владельцу искусственного интеллекта. Кроме того, искусственный интеллект может быть сформирован в различные формы и виды животных, которые могут быть использованы в сфере гражданских коммерческих и военных вооружений. Таким образом, применение искусственного интеллекта существует во многих областях и для разных целей, и закон не может просто судить о применимых правовых положениях на основании сильных или слабых оснований.

Быстрое развитие искусственного интеллекта полностью разрушило традиционные представления людей и оказало глубокое влияние на существующие социальные отношения. В гражданско-правовой сфере это означает, что искусственный интеллект изменит традиционные права и обязанности между субъектами права. В частности, возникает дискуссионный вопрос относительно правового регулирования ситуации: когда поведение искусственного интеллекта приводит к причинению морального вреда, вреда жизни или здоровью гражданина или возмещению ущерба имуществу, какие субъекты должны нести юридическую ответственность за негативные последствия в этот момент? А также возможность перераспределения ответственности между субъектами гражданских правоотношений, относящихся к владельцам искусственного интеллекта и собственно искусственным интеллектом в солидарном, субсидиарном порядке, или возможность взыскания с конкретного субъекта права или с самого искусственного интеллекта – все это вопросы, которые искусственный интеллект должен будет сначала решить в контексте гражданских правоотношений. Кроме того, когда искусственный интеллект причиняет ущерб из-за своего автономного поведения, его поведение не может быть оценено по принципу ответственности за вину, а это приводит к неблагоприятному результату для определения конкретных составляющих элементов конкретной деликтной ответственности, в результате чего потерпевшему лицу будет сложно предоставить соответствующие доказательства для подтверждения своих требований в судебном процессе.

Отсутствие ясности в отношении правовой природы искусственного интеллекта приводит к невозможности правильного применения соответствующих инструментов правового регулирования, в результате поведение искусственного интеллекта может легко создавать значительные риски для личной и имущественной безопасности граждан или потребителей, а также повлиять на осуществление законных прав и обязанностей других людей. Таким образом, является ли искусственный интеллект субъектом права или объектом права – это первая задача, которую мы должны изучить и решить для целей его дальнейшего правового регулирования в гражданском праве.

С появлением цифрового общества среди ученых-юристов участились дискуссии о природе искусственного интеллекта. Некоторые ученые-юристы утверждают, что искусственный интеллект не может стать субъектом права и по-прежнему остается объектом права, то есть искусственный интеллект является лишь продвинутым прикрепленным к человеку инструментом. Например, китайский ученый-правовед Инь Цюши считает, что о природе объекта следует судить исходя из конкретной ситуации искусственного интеллекта [1]. Если сущность искусственного интеллекта является физическим явлением, то его следует относить к вещам, которые можно разделить на обычные вещи и этические вещи. Если формой существования искусственного интеллекта является просто набор алгоритмов, то он должен относиться к категории объектов интеллектуальной собственности. Одновременно он считает, что, хотя искусственный интеллект может стать субъектом гражданского общества, его институциональные преимущества ограничены. На современном этапе самостоятельное построение искусственного интеллекта как субъекта права очень затратно, и весьма вероятно, что переход искусственного интеллекта в категорию субъекта гражданских правоотношений будет иметь негативные последствия на социальном и экономическом уровнях.

На наш взгляд, вышеупомянутая точка зрения неверно оценивает степень технологичности реального искусственного интеллекта, способность искусственного интеллекта автономно выполнять независимые и динамичные действия, которые превзошли реальные представления о вещах, особенно с появлением гуманоидных роботов с социальными возможностями. Кроме того, данная научная позиция не может дать разумного юридического объяснения ситуации, когда некоторые страны предоставляют гражданство искусственному интеллекту, например, в октябре 2017 г. искусственный интеллект Sophia получил гражданство Саудовской Аравии. Кроме того, мы должны четко осознавать, что создание правовой базы регулирования искусственного интеллекта как субъекта права не может быть завершено в короткие сроки, для этого необходим процесс непрерывного признания искусственного интеллекта. Мы не должны игнорировать реальное состояние законодательства только ради рассмотрения стоимости последствий изменения законодательства, в противном случае проблема гражданско-правовой ответственности искусственного интеллекта никогда не будет разумно решена.

Есть также некоторые ученые-цивилисты, которые считают, что правовой статус искусственного интеллекта должен быть аналогичен правовому статусу юридического лица и получить в праве статус субъекта правовой фикции. Например, М. П. Мечиславович считает, что наделение искусственного интеллекта правосубъектностью является социальной необходимостью, субъект правовой фикции искусственного интеллекта должен нести ответственность за свои действия или бездействие, в этом случае поведение искусственного интеллекта можно будет гарантированно регулировать [2]. На наш взгляд, теоретическая основа такого подхода заключается в том, что в гражданском праве предприятие становится субъектом права – юридическим лицом. Это означает, что сфера действия субъекта права была отделена от самого физического лица, поэтому в результате теоретического расширения толкования правового статуса делается вывод, что искусственный интеллект также может стать субъектом правовой фикции. Однако между характеристиками искусственного интеллекта и юридических лиц существует огромная разница. Поведенческая способность

и волевая способность искусственного интеллекта создаются и реализуются сами по себе, и правовых оснований для получения права собственности на какие-либо блага искусственным интеллектом в нынешних правовых условиях не существует, даже если закон разрешает искусственному интеллекту иметь право приобретать собственность по различным каналам, возможность эффективно контролировать и распоряжаться своей собственностью в реальных условиях является вопросом спорным. Напротив, действия юридических лиц совершаются с помощью конкретных физических лиц, по сути закон не добавляет новый тип носителя прав и обязанностей в дополнение к физическим лицам, это делается только для того, чтобы разграничить независимость между имущественными правами членов и юридических лиц, закон требует использовать собственное ограниченное имущество в качестве основания для принятия ответственности путем создания юридического лица. С точки зрения юридической цели, гражданское право признает юридические лица в качестве субъектов права в целях получения экономических выгод, признание рек и парковых природных ландшафтов субъектами права в большей степени обусловлено соображениями политического и социального значения [3]. Однако искусственный интеллект бросит вызов человеческим общественным производственным отношениям и правовому порядку, даже беспорядочное развитие искусственного интеллекта будет серьезно угрожать выживанию человечества.

Помимо двух вышеперечисленных точек зрения, все больше ученых-цивилистов поддерживают идею о том, что искусственный интеллект можно напрямую признать субъектом права. Этот взгляд конкретно подразделяется на два типа: полный субъект права и ограниченный субъект права.

Китайские ученые-правоведы Чжао Лей и Чжао Ю поддерживают искусственный интеллект как полный субъект права, по их мнению, искусственный интеллект выходит за рамки норм правовых ценностей, созданных вокруг физических лиц. Искусственный интеллект принципиально отличается от физических и юридических лиц, и действующему законодательству не обязательно ограничиваться существующей классификацией субъектов гражданского оборота, а вполне возможно создать специальный правовой субъект искусственного интеллекта, чтобы искусственный интеллект имел такой же равный правовой статус, как и физические и юридические лица, только при таких условиях действительность правоотношений и ответственность искусственного интеллекта считаются значимыми [4]. Однако они также утверждают, что правовая природа искусственного интеллекта определяется соответствующей технологией, не весь искусственный интеллект является субъектом права, только при соблюдении определенных критериев искусственный интеллект может считаться субъектом права. Например, если правовое поведение однофункционального искусственного интеллекта не приводит к изменению прав и обязанностей, искусственный интеллект не должен получать квалификацию субъекта права. На наш взгляд, этот подход относится к искусственному интеллекту в слишком определенном и идеализированном состоянии, в анализе текущей практики присутствует элемент чрезмерного преувеличения значения искусственного интеллекта, искусственный интеллект до сих пор не способен достичь способности полноценно конкурировать с естественным человеком ни на нынешнем этапе, ни в краткосрочной перспективе в будущем. Таким образом, нам не нужно бояться искусственного интеллекта и не следует устанавливать в законодательстве идеологию регулирования, полностью противоположную человеческой. В то же время, если искусственный интеллект станет полным субъектом гражданского права на данном этапе, он превратится для разработчиков и производителей программ в средство уклонения от ответственности, искусственно затрудняя взыскание ущерба для жертв.

Относительно логично, чтобы искусственный интеллект стал ограниченным субъектом права в соответствии с действующей гражданской правовой системой. То есть правоспособность и поведение искусственного интеллекта реализуются только в ограниченных рамках имущественного права, и обычно считается, что искусственный интеллект обладает способностью заключать договоры и способностью получать прибыль. В 2018 г. в России

также использовали этот подход к регулированию разработчики проекта федерального закона «о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». Согласно этому законопроекту, после регистрации в Едином государственном реестре роботы смогут иметь статус субъектов гражданского права в качестве агентов, а также будут обладать аналогичными животным имущественными признаками¹. Одновременно М. А. Рожкова считает целесообразным признать искусственный интеллект новым правовым объектом (электронной личностью) в гражданских правоотношениях, осуществление соответствующих прав искусственными интеллектами как электронными агентами соответствует духу новейшего действующего российского законодательства, которое позволяет эффективно регулировать гражданскую ответственность искусственных интеллектов [5].

По нашему мнению, законодательное закрепление за искусственным интеллектом статуса ограниченного субъекта права является рациональным и разумным выбором, а решение искусственному интеллекту приобретать ограниченные права и обязанности субъекта права в рамках модели гражданского права может дать сильное аргументированное объяснение для решения проблем, вызванных участием искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях, а также гармонизировать неотъемлемую ценность гражданского права в существующей системе.

Судя по историческому развитию субъектов гражданского права, физические лица в биологическом смысле не обязательно признаются субъектами права, а объем субъектов права в разные эпохи регулировался по-разному. Например, в древнем римском праве рабы определялись как орудия купли, продажи и порабощения, то есть как объекты права. В то же время в некоторых странах животные, парки и реки также считаются субъектами права. Например, в 2017 г. парламент Новой Зеландии признал национальную веру реки Вангануи (Whanganui River) субъектом права [6]. Кроме того, местное законодательство Цюриха предусматривает существование права на адвоката для животных, подвергшихся жестокому обращению, на сегодняшний день проведено более 200 судебных процессов с участием животных в качестве субъектов права [7]. Это показывает, что перечень субъектов права в современном праве является открытым, включает живые и неживые субъекты (например, к последним относятся юридические лица).

В гражданском праве к субъектам права, как известно, относят физических и юридических лиц, которые пользуются правами и несут обязанности в гражданских правоотношениях. Трудно напрямую сослаться на традиционные субъектные нормы гражданского права в отношении правоотношений, возникающих в связи с искусственным интеллектом в жизни. Исходя из потребностей общественного развития и управления порядком, искусственный интеллект должен выполнять соответствующие обязательства и нести гражданскую ответственность от своего имени.

Мы считаем, что самое большое юридическое различие между искусственным интеллектом как ограниченным юридическим субъектом и физическими лицами заключается в том, что он не включает личные атрибуты, такие как право на жизнь, право на имя и право на воспроизведение. Однако объем прав искусственного интеллекта имеет тенденцию к расширению по мере практического применения. Прежде всего, искусственный интеллект с социальными возможностями создает проблемы с защитой частной жизни. Например, секс-роботы удовлетворяют эмоциональные потребности некоторых людей, поскольку эти роботы обладают физиологическими характеристиками мужчин и женщин и даже имеют нормальную температуру тела и индивидуальность человека. Чтобы сохранить общее достоинство человечества и соответствовать порядку управления обществом, в законе

¹ Федеральный закон РФ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»». // СПС «КонсультантПлюс».

необходимо четко регламентировать вопрос личной жизни искусственного интеллекта. Далее, для приобретенного искусственным интеллектом имущества существуют возможности его передачи другим субъектам права, в том числе путем наследования и дарения. Например, искусственный интеллект может получить определенное количество активов путем генерирования соответствующих статей, рисования картинок, общения в чате и т. д. Эти активы впоследствии могут быть использованы в качестве источника компенсационных сумм в случае будущих нарушений со стороны искусственного интеллекта. Кроме того, если искусственный интеллект будет поврежден в результате потребления аппаратных средств, имущество от его имени может быть передано другим субъектам только в порядке наследования или дарения, в противном случае эта часть имущества может легко превратиться в неосновательное обогащение. Следовательно, право собственности будет для искусственного интеллекта одним из основных прав.

В настоящее время, хотя искусственный интеллект и не может достичь уровня сознания естественного человека как проявления полностью свободной воли, но он может обладать способностью понимать свое собственное поведение с помощью технологии базы знаний здравого смысла, технологии обработки естественного языка, технологии компьютерной нейронауки и статистической технологии и других методов. С точки зрения юридической ответственности нам нет необходимости обсуждать поведенческие результаты искусственного интеллекта в связи с работой алгоритмической модели, эта ситуация аналогична тому, что закон не должен требовать от физических лиц разъяснения принципов работы своих действий в центральной нервной системе и клетках организма. Если внешнее поведение искусственного интеллекта приводит к определенным результатам, то для достижения социального эффекта достаточно корректировать и регулировать его согласно соответствующим правовым положениям. Еще один важный момент заключается в том, что искусственный интеллект работает в режиме постоянного автономного обучения. Это показывает, что искусственный интеллект проходит несколько стадий развития, подобно естественным людям. На ранних стадиях уровень сознания искусственного интеллекта в правовом смысле схож с интеллектом и волей несовершеннолетних, которые не способны совершать собственные действия в полном соответствии с состоянием разумных физических лиц, но основные права при этом должны находиться под специальной защитой. Возможно, когда сознание искусственного интеллекта достигнет уровня мышления обычного естественного человека, тогда мы сможем рассматривать искусственный интеллект как полностью независимый субъект гражданского права.

Когда широкое применение искусственного интеллекта в реальной жизни создаст и изменит гражданские правоотношения, в том случае, если права и обязанности в области искусственного интеллекта будут непосредственно приняты на себя физическими и юридическими лицами, это будет вызывать препятствия в правовой системе и теоретические споры. Таким образом, построение и совершенствование гражданско-правовой системы искусственного интеллекта как субъекта гражданского права, чтобы искусственный интеллект мог самостоятельно получать новые права от своего имени, станет наиболее разумным выбором в нынешнюю эпоху. Однако следует обратить внимание на ключевой момент – правосубъектность искусственного интеллекта специально должна быть предоставлена законом, это похоже на первоначальное значение слова «лицо» в римском праве, которое представляло собой маску театрального актера, то есть искусственный интеллект как субъект права является лишь маской для распределения права.

Искусственный интеллект несет неполную юридическую ответственность, поскольку принятие на себя юридической ответственности требует решения вопроса о вине субъекта права, но на данном этапе искусственный интеллект не признается как субъект, обладающий свободой воли биологического человека. Хотя искусственный интеллект объективно может самостоятельно генерировать состояние сознания «воля», при этом обладая простым и элементарным сознанием, содержание воли искусственного интеллекта не может быть

распознано на основе ценностной позиции и морали биологических человеческих существ. Таким образом, невозможно оценивать поведение искусственного интеллекта по принципу ответственности за вину или ответственности без вины. Есть сходство между этой ситуацией с искусственным интеллектом и проблемой статуса малолетних граждан в гражданском праве. Несомненно, малолетние граждане не обладают способностью к обязательствам и не имеют полной дееспособности, но это не мешает им считаться субъектами права в глазах закона. На современном этапе искусственный интеллект обладает способностью действовать, но возложение обязанности на какого-либо субъекта напрямую отнесено законом к физическим или юридическим лицам, и такая ситуация невозможности возложить обязательство на искусственный интеллект добавляет сопротивления исследованиям и развитию искусственного интеллекта в праве.

На наш взгляд, поскольку невозможно расценивать правонарушение, совершенное искусственным интеллектом, как совершенное другими субъектами права, то искусственный интеллект должен самостоятельно нести соответствующую юридическую ответственность. В действительности основанием возникновения неблагоприятных последствий для искусственного интеллекта в результате автономного поведения является обладание независимой материальной собственностью, а это требует создания соответствующей системы собственности для искусственного интеллекта, в конечном результате у искусственного интеллекта появляется возможность приобретать собственность.

Что касается конкретных мер по приобретению искусственным интеллектом собственных активов, по нашему мнению, когда искусственный интеллект будет зарегистрирован и сертифицирован административным органом в качестве правового субъекта, разработчики, производители и пользователи искусственного интеллекта и других связанных с ним субъектов должны открыть специальные счета и внести определенный уставной капитал, чтобы на ранних этапах у искусственного интеллекта была собственная первоначальная собственность для компенсации автономных нарушений. В то же время компенсационная способность искусственного интеллекта будет улучшена за счет соответствующей системы резервных фондов и системы обязательного страхования. Кроме того, когда искусственный интеллект получает множество преимуществ в процессе выполнения различных задач, если после уплаты соответствующего налога остается излишек активов искусственного интеллекта, он должен быть распределен в качестве прибыли в определенной пропорции между соответствующими субъектами, такими как разработчики, производители и пользователи искусственного интеллекта. Эта модель распределения собственности направлена на вознаграждение искусственного интеллекта за предварительную оплату расходов, связанных с искусственным интеллектом, и тем самым уравнивает соответствующие заинтересованные стороны внутри искусственного интеллекта.

Мы полагаем, что в будущем искусственный интеллект станет субъектом гражданского права, и это будет законодательной тенденцией в большинстве стран. На практическом уровне существуют различия в признании сферы применения искусственного интеллекта как ограниченного субъекта гражданского права в разных странах. Однако несомненно, что превращение искусственного интеллекта в субъект права станет более четким с точки зрения определения соответствующей причинно-следственной связи его поведения и последствий этого поведения, вины и ответственности.

Искусственный интеллект как субъект права будет играть реальную роль в формировании, изменении или аннулировании прав и обязанностей, одновременно это помогает обеспечить потребителям более качественные услуги в сфере коммерческой деятельности и жизнеобеспечения, а также предоставляет гражданам прямую материальную основу для получения компенсации ущерба. В общем, искусственный интеллект для человеческого общества подобен новорожденному младенцу, и этот младенец будет влиять на обязанности других людей по мере своего роста. Для рационального регулирования общественных отношений в гражданском праве необходимо дать жизнь искусственному интеллекту, чтобы искусственный интеллект мог выполнять разумную функцию в правоотношениях.

Список источников

1. Инь Цюши. Искусственный интеллект с точки зрения теории гражданских правоотношений // Исследование верховенства права. 2024. С. 74–87.
2. Морхат Петр Мечиславович. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: Гражданско-правовые проблемы. URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
3. Дремлюга Р., Кузнецов П., Мамычев А. Критерии признания искусственного интеллекта юридическим лицом // Journal of politics and law. 2019. Том 12. № 3. С. 105-112.
4. Чжао Лей, Чжао Ю. О статусе правового субъекта искусственного интеллекта. URL: http://iolaw.cssn.cn/zxzp/201905/t20190509_4876407.shtml(дата обращения: 21.02.2024).
5. Рожкова М. А. Станет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? // Хозяйство и право. 2021. № 6. С. 14–22.
6. Сунь Цзяньвэй, Юань Цзэн, Юань Вэймин. Краткое обсуждение закона об искусственном интеллекте. Пекин: Издательство по интеллектуальной собственности, 2019. 30–31с.
7. Уго Пагалло. Кто несет ответственность за действия робота? Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2018. 37 с.

References

1. Yin Qiushi. Artificial intelligence from the point of view of the theory of civil relations. *Research of the rule of law*. 2024:74–87. (In Chinese)
2. Morkhat Pyotr Mechislavovich. *The legal personality of artificial intelligence in the field of Intellectual Property law: Civil law problems*. Available from: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf [Accessed 20 February 2024].
3. Dremlyuga R., Kuznetsov P., Mamychyev A. Criteria for Recognition of AI as a Legal Person. *Journal of Politics and law*. 2019;12(3):105–112.
4. Zhao Lei, Zhao Yu. On the status of the legal entity of artificial intelligence. Available from: http://iolaw.cssn.cn/zxzp/201905/t20190509_4876407.shtml [Accessed 21 February 2024]. (In Chinese)
5. Rozhkova M. A. Will artificial intelligence become an independent subject of law? *Economy and law*. 2021;(6):14–22. (In Russ.).
6. Sun Jianwei, Yuan Zeng, Yuan Weiming. *A brief discussion of the law on artificial intelligence*. Beijing: Intellectual Property Publishing House; 2019:30–31. (In Chinese)
7. Hugo Pagallo. *Who is responsible for the robot's actions?* Shanghai: Shanghai People's Publishing House; 2018. 37 p. (In Chinese)

Информация об авторе

Вэй Дэпэн – аспирант кафедры гражданского права ЮФУ.

Information about the author

Wei Depeng – Postgraduate student of the Department of Civil Law, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 04.09.2024; accepted for publication 05.09.2024.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 77–89
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(3):77–89

Проблемы конституционного, административного, международного права
и местного самоуправления

Научная статья
УДК 342+342.4+342.5
<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-77-89>

EDN ONVYRU

Конституционные преобразования политических систем постсоветских государств Центральной Азии

Роман Андреевич Алексеев¹,
Андрей Вячеславович Абрамов²

^{1,2}Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

²abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Аннотация. В статье исследованы конституционные преобразования политических систем государств Центральной Азии, оказавших воздействие на структуру, полномочия и компетенцию ключевых властных акторов, составляющих аппарат публичной власти, политическую практику их функционирования и взаимодействия друг с другом, что в свою очередь отразилось на выборе формы правления и конфигурации политических сил в рассматриваемых постсоветских государствах. Авторами прослеживается взаимосвязь между проводимыми в постсоветских государствах конституционными реформами и выбором формы (т.е. модели) правления. В результате авторы пришли к выводам, что две рассматриваемые страны Центральной Азии: Таджикистан и Узбекистан, избрали президентскую (президентоцентричную) модель правления, с жёсткими авторитарными тенденциями в области госуправления, что объясняется типом политического лидерства и менталитетом большинства избирательного корпуса страны. Тогда как в Казахстане, который долгое время придерживался той же формулы, что и две вышеуказанные страны, начиная с конституционных преобразований 2017 г., происходит преобразование из суперпрезидентской в президентскую, а в последующем и смешанную республику с сохранением ключевых властных полномочий у главы государства.

Ключевые слова: конституционная трансформация, постсоветские политические системы, президентоцентризм, постсоветские парламенты, конституционные реформы, форма правления

Для цитирования: Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Конституционные преобразования политических систем постсоветских государств Центральной Азии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 77–89. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-77-89>. EDN ONVYRU

Constitutional transformation of the political systems of the post-soviet states of Central Asia

Roman A. Alekseev¹

Andrey V. Abramov²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

² abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Abstract. The article examines the constitutional transformations of the political systems of the Central Asian states, which had an impact on the structure, powers and competence of the key power actors that make up the apparatus of public power, the political practice of their functioning and interaction with each other, which in turn affected the choice of the form of government and the configuration of political forces in the post-Soviet states under consideration. The authors trace the relationship between the constitutional reforms carried out in the post-Soviet states and the choice of the form (i.e. model) of government. As a result, the authors concluded that the two Central Asian countries under consideration, Tajikistan and Uzbekistan, have chosen a presidential (presidential-centric) model of government, with strict autocratic tendencies in public administration, which is explained by the type of political leadership and the mentality of the majority of the country's electoral corps. Whereas Kazakhstan, which has long adhered to the same formula as the two above-mentioned countries, since the constitutional reforms of 2017. There is a transformation from a super-presidential to a presidential, and subsequently a mixed republic, while retaining key powers of the head of state.

Keywords: constitutional transformation, post-Soviet political systems, presidential centrism, post-Soviet parliaments, constitutional reforms, political institutions, form of government

For citation: Alekseev R. A., Abramov A. V. Constitutional transformation of the political systems of the post-soviet states of Central Asia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):77–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-77-89>. EDN ONVYRU

Введение

Целью исследования является анализ конституционных трансформаций политических систем Узбекистана, Таджикистана и Казахстана, т.е. тех стран, в которых на протяжении постсоветского периода складывалась президентоцентричная модель с главой государства, концентрирующим в своих руках большой спектр властно-управленческих полномочий.

В ходе проведённого исследования авторы опираются на институциональный и неинституциональный подходы, применяющиеся для анализа системы органов государственной власти, а также используют кейс-стади и компаративистику для сопоставления ключевых политических институтов, составляющих институциональные основы постсоветских политических систем, через призму проводимых в этих странах конституционных преобразований.

После распада Советского Союза в двух из трёх рассматриваемых стран Средней Азии – Узбекистане и Казахстане, советской партийно-государственной номенклатуре удалось сохранить государственную власть в своих руках. Слабость демократической и националистической оппозиций способствовала беспрепятственному пересаживанию глав компартий союзных республик из партийных кресел в президентские [1, с. 293]. Весной 1990 г. Верховные Советы Узбекской и Казахской ССР избрали президентами первых секретарей ЦК республик И. А. Каримова и Н. А. Назарбаева [2, с. 64]. Чрезвычайная слабость оппозиции привела к «окукливанию» политических режимов, с течением времени все более и более приобретающих характер традиционных восточных деспотий.

Наиболее острым оказался конфликт в Таджикистане, где противостояние политических сил вылилось в широкомасштабную и многолетнюю гражданскую войну, разделившую страну на враждующие лагеря. Главными претендентами на власть стали представители местной партийно-хозяйственной номенклатуры, которым противостояла Объединенная таджикская оппозиция исламистов. Каждая из сторон опиралась на сложившиеся в стране сообщества и кланы. На первом этапе борьбы руководителю ЦК республиканской компартии К.М. Махкамову (с ноября 1990 г. президенту ТССР) противостоял занимавший до Перестройки пост первого секретаря ЦК Р.Н. Набиев. Последний и вышел из схватки победителем [3, с. 58]. Сторонник ГКЧП Махкамов после провала «августовского путча» вынужден был покинуть свой пост. В ноябре 1991 г. в независимом Таджикистане прошли всенародные президентские выборы, где ленинабадец Набиев заручился поддержкой более половины избирателей. Исход выборов наглядно продемонстрировал раскол в обществе: Набиева поддержали Ленинабадская и Кулябская области, кандидата от оппозиции – высокогорные районы страны. Вскоре началось вооруженное противостояние сначала в Душанбе, а затем и в других населенных пунктах страны.

В сентябре 1992 г. под диктовку вооруженной оппозиции Набиев написал заявление об отставке, однако это не разрядило напряженности. Боевые действия между исламистами и сторонниками светского государства (Народным фронтом Таджикистана) продолжились. В конце 1992 г. собравшийся на севере Таджикистана Верховный Совет принял отставку Набиева и избрал председателем сторонника Народного фронта кулябца Э. Ш. Рахмонова (Рахмона). Вскоре сторонники светского государства отвоевали у оппозиции Душанбе. В ноябре 1994 г. в Таджикистане состоялись новые президентские выборы, где победителем был объявлен Рахмонов. Оппозиция бойкотировала голосование, но вступила с Народным фронтом в переговоры, завершившиеся 27 июня 1997 г. подписанием мирного соглашения и распределением государственно-административных должностей.

Сохранение или возврат власти представителями советской элиты, произошедшие в большинстве союзных республик после распада СССР, не были коммунистическим реваншем [4, с. 3]. В распоряжении глав республик не было ни единой и дисциплинированной коммунистической партии, ни монолитного общества, ни централизованной экономики, ни полностью лояльных силовых структур. И главное, не было желания вновь подчиняться союзному центру. «За неполные пять лет перестройки, – пишет В. П. Мохов, – республиканские элиты диаметрально поменяли свой политический статус: из назначенцев Кремля они превратились в самостоятельные политические силы, опирающиеся в своей деятельности на свою собственную государственность, титульный народ, этнические интересы» [5, с. 147]. В условиях несформированности политических институтов и отсутствия правовых традиций основой формирования политий большинства новых независимых государств стала фигура президента [6, с. 14]. Его личные и деловые качества предопределили облик политических систем.

Кейс конституционных преобразований политической системы Узбекистана

В соответствии с принятой в Узбекистане в 1992 г. Конституцией¹, в стране юридически была закреплена президентская форма правления (фактически ставшая таковой за год до распада СССР после принятия Декларации о суверенитете), при которой президент одновременно является и главой государства, и высшим должностным лицом, т.е. главой исполнительной власти, одновременно с этим он наделяется широким спектром властно-управленческих полномочий и выступает Верховным главнокомандующим ВС. Ислам Каримов – первый президент Узбекистана, дважды инициировал проведение референдумов для продления своих президентских полномочий.

¹ Конституция Республики Узбекистан принята 08.12.1992 г. на одиннадцатой сессии Верховного совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва. [Электронный ресурс]. URL. <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения: 11.07.2024).

По результатам первого референдума (проводившегося в 1995 году) президентские полномочия Каримова были пролонгированы до 2002 г. при поддержке 99% узбекских граждан, принявших участие в референдуме. В ходе второго конституционного референдума, состоявшегося в 2002 г., на всенародное голосование выносился вопрос о пролонгации президентских полномочий с пяти до семи лет, что позволило первому президенту Узбекистана переизбраться в 2007 г. на новый срок, несмотря на то, что юридически данное право у него отсутствовало. Сам президент, объясняя решение о выдвижении своей кандидатуры на президентский пост, указывал на формальный критерий, вызванный поправками в Основной закон страны, в соответствии с которым на семь лет он избирался только один раз (2000–2007 гг.), следовательно, это не идёт вразрез с положениями действующей редакции Конституции Узбекистана.

Президент Узбекистана избирается путём прямых выборов сроком на семь (вплоть до недавнего времени пять) лет (с учётом ограничения для одного лица переизбираться не более двух сроков подряд). Полемичной выглядит ситуация, сложившаяся на президентских выборах 2015 г., в ходе которых И. Каримов снова был переизбран на пост главы государства, с поддержкой в 90,39 % голосов. ЦИК Узбекистана объяснила данное решение тем фактом, что он с момента принятия поправок в Конституцию Узбекистана в 2002 г. пребывал в должности главы государства лишь один срок (с 2007 г.), тогда как два предыдущих срока не могут учитываться, т.к. действовала старая редакция конституции. Вплоть до своей смерти в 2016 г. данную должность занимал Ислам Каримов (переизбиравшийся с 1991 г. по 2015 гг. на четыре срока), в настоящее время президентом Узбекистана является Шавкат Мирзиёев, одержавший убедительную победу на досрочных выборах в 2016 г. (получив в свою поддержку - 88,61 % голосов избирателей), переизбранный на второй срок в 2021 году при поддержке 80,04% избирательного корпуса.

Законодательная власть в стране представлена узбекским парламентом, выступающим одновременно представительным и законодательным органом - Олий Мажлисом, включающим в свой состав Сенат и Законодательную палату [7, с. 103]. Обе палаты формируются сроком на пять лет, парламентарии нижней палаты избираются путём прямых выборов, тогда как сенаторы частично избираются от представительных органов власти областей, городов, районов и иных территориальных образований, входящих в состав Узбекистана, 16 сенаторов назначаются президентом из числа лиц, зарекомендовавших себя в области общественной или государственной деятельности. Стоит отметить, что в соответствии с конституционными предписаниями, глава узбекского государства вправе распустить обе палаты Олий Мажлиса (лишь при наличии положительного заключения Конституционного суда Узбекистана), если возникают противоречия между ними, которые могут привести к угрозе нормального функционирования высшего представительного органа власти [8, с. 77].

В ходе проведения первых парламентских выборов 1994-1995 гг. в Олий Мажлис (парламент Узбекистана), несмотря на провозглашенные послабления, направленные на реализацию принципа политического плюрализма, разрешение на участие в выборах получили лишь две партии – пропрезидентская Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУ) и проправительственная партия - Прогресс отечества («Ватан тараккиёти»). Действующему на тот момент президенту И. Каримову удалось укрепить свои позиции, заручившись поддержкой парламентского большинства. В ходе последующих парламентских выборов 1999, 2004-2005, 2009-2010, 2014-2015, 2019-2020 гг. большинство мест в Олий Мажлисе получали две пропрезидентские партии: Либерально-демократическая партия (возникла в 2003 г. по предложению И. Каримова и ставшая правящей партией после электорального цикла 2004-2005 гг.) и Народная демократическая партия (считающаяся до 1999 г. правящей партией, т.е. до того момента, как её ряды покинул И. Каримов) [9, с. 78], претворяющие в ходе реализации законодательной деятельности волю главы государства.

Ключевым властным актором в исполнительной власти выступает Кабинет Министров, который формируется президентом (предлагающим кандидатуру главы данной госинстанции, т.е. премьер-министра) и Олий Маджлисом (утверждающим предложенную президентом кандидатуру премьер-министра). Он несёт двойную ответственность перед президентом и парламентом Узбекистана, что с юридической точки зрения свидетельствует об одной из черт, характерной для государств с парламентской формой правления. Но правом на отставку правительства обладает лишь глава узбекского государства, ему же принадлежит право на инициативу роспуска парламента. Проанализированные конституционные предписания свидетельствуют о том, что в Узбекистане сложилась президентоцентричная модель власти, независимо от личности, находящейся на посту главы государства.

Новую конституционную реформу глава государства запланировал в ходе своей инаугурации ещё осенью 2021 г. Весной следующего года парламентские Демократическая и Либерально-демократические партии Узбекистана способствовали активизации конституционных преобразований и созданию Конституционной комиссии, которая собрала свыше шестидесяти тысяч инициативных предложений по реформированию Основного закона страны. В июне 2022 г. законопроект, предусматривающий более двухсот поправок в 64 статьи и принятии шести новых статей узбекской Конституции, был внесён в нижнюю палату парламента и принят в первом чтении.

Очередной виток конституционных преобразований в стране пришёлся на весну 2023 года, который был инициирован действующим главой государства Ш. Мирзиёевым и поддержан Олий Маджлисом. В ходе проведённого в апреле 2024 г. референдума проект закона о новой редакции Конституции Узбекистана поддержали 90,2 % (т.е. свыше 15 млн. граждан), от числа лиц, обладающих правом на участие в референдуме. В узбекскую конституцию внесли 27 новых статей, а её текст обновился практически на 65 %¹.

Среди значимых новаций стоит отметить сокращение численности сенаторов (со 100 до 65), невозможность экстрадиции узбекских граждан, введение запрета смертной казни, введение парламентского контроля за исполнением госбюджета и деятельности Счётной палаты. Однако, самым значимым изменением стала норма о продлении сроков президентских полномочий с пяти до семи лет, предыдущая поправка в Основной закон страны (ч. 2 ст. 90) о их сокращении с семи до пяти лет принималась в 2011 году, что позволит действующему президенту Ш. Мерзиёеву переизбираться на последующих президентских выборах (без учёта предыдущих сроков – данное положение сохранилось в прежнем виде).

Члены Конституционной комиссии делали заявление о том, что в новой редакции узбекской конституции предполагается изменить концепт «государство – общество – человек», расставив приоритеты в пользу «человека – общества» и только потом «государства», сделав акцент на социальном характере государства. Однако, после внесения конституционных поправок, наряду с главой государства правом на переизбрание без учёта числа сроков нахождения у власти распространяется на большой круг лиц, занимающих ключевые посты в госструктурах. К ним были отнесены: спикеры обеих палат узбекского парламента, председатель Верховного суда, Высшего судейского совета и их замы, генеральный прокурор и председатель ЦИК Узбекистана и ряд иных должностных лиц.

Охарактеризовав конституционные преобразования, произошедшие с 1991 года по настоящее время, можно сделать вывод о том, что несмотря на декларируемые главами государства положениями о демократизации политической системы, появлением новых политических институтов, Узбекистан продолжает оставаться президентской республикой с сильными авторитарными тенденциями в области госуправления.

¹ В Узбекистане вступила в силу обновленная конституция. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230501/konstitutsiya-1868997272.html> (дата обращения: 14.07.2024).

Кейс конституционных реформ публичной власти в республике Казахстан

После распада СССР и вплоть до 1993 г. продолжала действовать Конституция КССР с учётом внесённых в неё конституционных поправок, которые были нацелены на демократизацию аппарата публичной власти, возникновение и юридическое закрепление института местного самоуправления, парламентских и президентских инстанций. Верховным Советом в 1993 г. была принята первая конституция Казахстана¹, закрепившая за президентом статус главы государства, одновременно с этим установив систему иных государственных инстанций, построенную на модели разделения властей. На основании конституционных положений 1993 г. Казахстан становился парламентской республикой, одновременно с этим не были законодательно урегулированы полномочия исполнительной и законодательной власти, что не способствовало политической стабилизации в стране. Чёткой конституционной регламентации требовали и вопросы, касающиеся статуса государственного языка, института гражданства и частной собственности на природные ресурсы.

Всё это привело сначала к широкому обсуждению нового проекта Основного закона и внесению в него свыше тысячи дополнений (порядка тридцати тысяч коллективных обсуждений с числом участников свыше трёх миллионов граждан Казахстана), а затем принятию на референдуме 30 августа 1995 г. новой Конституции Казахстана [10, с. 60], действующей по настоящее время с учётом ряда конституционных поправок (1998, 2007, 2011, 2017, 2019, 2022 гг.). Практически все конституционные преобразования (за исключением поправок 2017 и 2022 гг.), прошли под эгидой укрепления позиции ключевого властного актора, т.е. президента.

Как в большинстве бывших республик Советского Союза, президентский пост в Казахстане был учреждён ещё до распада СССР (1990 г.). Однако, первоначально главу Казахстана не избирали путём всеобщих выборов, а назначали на должность Верховным Советом республики. Вплоть до 2019 г. пост президента занимал Н. Назарбаев, который переизбирался с 1991 г. четыре раза подряд: в 1999 и 2015 гг. (на досрочных выборах), а также на очередных выборах в 2005 и 2011 гг., не считая пролонгации его президентских полномочий в 1995 г. в ходе референдума. Весной 2019 г. Н. Назарбаев добровольно слагает с себя полномочия главы государства, уйдя в отставку ровно за год до истечения очередного срока полномочий. Спикер верхней палаты парламента Казахстана К.-Ж. Токаев назначается исполняющим обязанности президента, после чего его избирают на пост главы государства.

На основании конституционных поправок 1998 г. были внесены новые требования для замещения поста главы казахского государства, был упразднён верхний возрастной барьер в 65 лет для замещения этой должности, увеличен до 40 с 35 лет минимальный возрастной ценз для избрания, тогда как сроки президентских полномочий увеличили с 5 до 7 лет и упразднили требование о 50% избирательной явке на президентских выборах, чтобы они считались состоявшимися. В ходе последующих конституционных преобразований (в 2007 г.) за действующим на тот момент президентом Н. Назарбаевым был закреплён статус «первого президента», которому предоставлялась преференция избираться на пост главы государства без учёта конституционных ограничений о занятии данного поста свыше двух сроков подряд. Из Основного закона Казахстана было изъято положение о приостановлении членства в политической партии в отношении лица, избранного на пост президента, что наглядно свидетельствует об укреплении статуса института главы государства.

Одновременно с этим уменьшили президентские сроки с семи до пяти лет, скорректировав ценз оседлости для потенциального главы государства пятнадцатью годами проживания в Казахстане, непосредственно до избрания на должность. Глава Казахстана получил в ходе конституционных поправок 2011 года привилегию на назначение сроков внеочередных выборов, а в 2017 г. ужесточили требования для занятия данной выборной должности

¹ Конституция Казахстана принята на республиканском референдуме 30.08.1995 г [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1 (дата обращения: 18.07.2024).

наличием у кандидата высшего образования [11, с. 143]. Однако, в ходе описываемых конституционных преобразований, глава государства хотя и сохранил право на формирование кабинета министров, но с оговоркой о том, что реализация данного полномочия возможна по представлению главы правительства (премьер-министра) в ходе проведения консультаций с легислатурой.

Сокращение президентских полномочий выразилось и в лишении главы государства права на издание президентских указов, обладающих аналогичной законам юридической силой, а также права на приостановление и отмену правительственных нормативных актов, на финансирование аппарата публичной власти из бюджетных ресурсов, что позволит по мнению парламентариев осуществить перераспределение части президентских полномочий в отношении исполнительных и законодательных инстанций. В 2022 г. новый президент Касым-Жомарт Токаев инициировал проведение конституционных преобразований, которые были вынесены на референдум по поправкам в Основной закон, направленных на плавный переход от «суперпрезидентской формы правления к президентской республике». Одним из ключевых преобразований стала отмена конституционного положения о привилегированном положении первого президента Н. Назарбаева.

В соответствии с Конституцией 1995 г. на смену Верховному Совету приходит парламент Казахстана, статус которого определяется в качестве высшего представительного и законодательного органа власти, имеющего двухпалатную структуру (Сенат и Мажилис). На взгляд президента Н. А. Назарбаева новый политический институт позволил приблизить страну к общемировым стандартам и принципам парламентаризма, способствовал повышению качества законотворческой деятельности¹. Выборы в нижнюю палату казахского парламента в постсоветский период проводились девять раз, начиная с 1994 г. и по 2023 г. Несмотря на большой спектр представленных политических партий, победу всегда одерживали пропрезидентские партии, в ходе первых парламентских избирательных компаний (1994, 1995 гг.) – Партия народного единства Казахстана, с 1999 г. по настоящее время партия Отан (Аманат), которую вплоть до января 2022 возглавлял первый президент Казахстана Н. Назарбаев, затем непродолжительный период второй президент К.-Ж. Токаев, принявший в последующем решение дистанцироваться от своей партийной принадлежности, передав руководство партией спикеру Мажилиса Е. Кошанову. На парламентских выборах 2023 г. с электоральной поддержкой более чем 50 % проголосовавших избирателей победу снова одержала партия Аманат.

Продление сроков полномочий парламента Казахстана (до пяти лет для парламентариев Мажилиса и до шести лет для сенаторов) было реализовано в ходе конституционных преобразований 1998 г., одновременно с этим увеличилась численность депутатского корпуса нижней палаты до 77 парламентариев. Поменялась и электоральная формула, в соответствии с которой формировался Мажилис, стала применяться пропорциональная система (с помощью которой избирают 10 депутатов) с сохранением мажоритарной системы относительного большинства голосов для 67 оставшихся парламентариев, избирающихся в одномандатных округах. В ходе поправок в Основной закон Казахстана 2007 г. продолжился тренд на увеличение депутатского корпуса с 77 до 170 парламентариев одной только нижней палаты (Мажилиса) [12, с. 77]. Увеличили квоту президента для назначения сенаторов (с 7 до 15). Также в новой редакции конституции нашла отражение и детализация вопросов, касающихся отстранения от должности парламентариев.

Спустя десять лет начинается новый виток конституционных преобразований, в 2017 г. Сенат приобретает новые полномочия, выразившиеся в назначении и освобождении от должности омбудсмена по инициативе президента. В случае принятия парламентариями Казахстана решения об освобождении от должности членов кабинета (т.е. правительства)

¹ Мажилис Парламента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://parlam.kz/ru/mazhilis/history?id=history> (дата обращения: 18.05.2024).

при поддержке 2/3 в каждой из палат казахского парламента, не может отклоняться президентом. Тогда как ранее для данной процедуры требовалось только большинство голосов парламентариев, но в ходе повторного обращения к главе государства, что свидетельствует об упрощении рассматриваемой процедуры.

Проведённые преобразования демонстрируют плавный переход от президентоцентричной модели к президентской или даже президентско-парламентской (смешанной), пусть и с преобладанием президентских полномочий над парламентскими. Наметившийся в 2017 г. тренд был продолжен конституционными преобразованиями 2022 г., в ходе которых на выборах Мажилиса стала применяться смешанная избирательная система, одновременно с этим понизили избирательный барьер с семи до пяти процентов для прохождения в Мажилис партий. Численность парламентариев Мажилиса сократили с 107 до 98. Была ликвидирована квота, по которой Ассамблеей народа Казахстана назначались 9 депутатов, равно как и сократили квоту главы государства при назначении сенаторов.

Высшим исполнительным органом власти в Казахстане выступает Правительство, которое первоначально (с 1995 г.) несёт ответственность перед президентом и парламентом, однако, после конституционных поправок 2007 г. его подотчётность парламенту распространяется только на случаи, прямо предусмотренные в конституции, глава правительства не обязан отчитываться о проделанной им работе перед парламентом. Поправки 2007 г. наглядно свидетельствуют о перераспределении властных полномочий в пользу первого президента Казахстана. Однако, в ходе конституционных преобразований 2017 г., парламенту возвратили ранее изъятое полномочие, направленное на контроль за деятельностью правительства. При этом правительство республики наделили полномочием, ранее принадлежавшим президенту, в соответствии с которым оно по согласованию с главой государства может утверждать госпрограммы и систему финансирования органов власти, функционирующих на бюджетные средства. Свои полномочия высший орган исполнительной власти республики Казахстан слагает перед новым составом Мажилиса, а не вновь избранным главой государства. Данные преобразования, направленные на сокращение президентских полномочий первого президента страны, избранным в 2019 г. К.-Ж. Токаевым были продолжены в ходе конституционной реформы 2022 года.

Рассмотрев конституционные преобразования в республике Казахстан в постсоветский период, можно прийти к выводу о том, что страна от парламентской модели, просуществовавшей с 1993 по 1995 гг., переходит к президентской республике, которая быстро трансформировалась в суперпрезидентскую республику с фактически неограниченными полномочиями первого президента Н. Назарбаева, провозгласившего себя с 2010 г. «Елбасы» (лидером нации), что нашло отражение в конституционных положениях о «первом президенте» [13, с. 9], в отношении которого не распространяется конституционное предписание о невозможности избираться на пост президента более чем на два срока, обладающего правом издавать указы, имеющие силу законов и т.д. После добровольной отставки Назарбаева в 2019 г., страна постепенно возвращается к президентской или даже президентско-парламентской модели правления (начало которой было заложено ещё в президентство Назарбаева конституционными поправками 2017 г. о сокращении президентских полномочий и их перераспределении в отношении парламента и правительства), что было продолжено конституционными преобразованиями 2022 г. второго президента К.-Ж. Токаева.

Кейс конституционных трансформаций политической системы Таджикистана

Конституцией 1994 г., принятой на референдуме при высокой явке в более чем 90 % граждан¹, был утверждён каркас политической системы Таджикистана. В поддержку конституции проголосовало подавляющее большинство граждан – 95,70 % от общего числа избирателей, принявших участие в референдуме. В стране устанавливается модель

¹ Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL. <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 21.07.2024).

президентской республики, за русским языком закрепляют статус языка для межнационального общения, поправки в конституцию могут быть внесены только посредством института референдума. На основании конституционных предписаний, содержащихся в главе об основах конституционного строя, не могут быть изменены положения о правовом, социальном и светском характере таджикского государства, его территориальной целостности и республиканской форме правления. В соответствии с конституционными поправками 1999 г. однопалатный парламент трансформировался в двухпалатный, тогда как в 2003 г. был увеличен срок полномочий главы государства, а в 2016 г. был снижен возрастной ценз для избрания президентом до 30 лет с 35, а «лидер нации» (действующий президент Э. Рахмон) получил возможность переизбираться на высший пост в государстве без ограничения сроков пребывания в должности.

В соответствии с конституционными положениями президент в Таджикистане одновременно выступает главой исполнительной власти и главой государства (классический вариант президентской республики). Кандидатом на пост президента может выступить лицо, обладающее гражданством Таджикистана, владеющее госязыком (таджикским), имеющее высшее образование (образовательный ценз также присутствует в качестве обязательного и в конституциях Казахстана и Азербайджана, что свидетельствует о важности данного ценза для бывших азиатских республик СССР), достигшее тридцатилетнего возраста и не менее последних десяти лет проживающее на территории республики. Выборы президента Таджикистана осуществляются с использованием мажоритарной системы абсолютного большинства голосов сроком на семь лет. Несмотря на конституционное положение, закреплённое в статье 65 о запрете для одного лица занимать президентский пост более чем два срока подряд, это не распространяется на «Лидера нации» Эмомали Рахмона. Президент имеет широкий спектр полномочий в сфере исполнительной власти, назначает и освобождает членов правительства и его главу, может своими указами отменять, либо приостанавливать нормативные акты исполнительных органов власти.

Первые президентские выборы в Таджикистане (который на тот момент получил независимость от СССР) прошли осенью 1991 года при высокой явке избирателей, которая составила по данным ЦИК Таджикистана 84,6 %. Победу одержал председатель ВС Таджикистана Рахмон Набиев, заручившийся поддержкой свыше 80 % пришедших на избирательные участки консервативно настроенных избирателей, не желающих проведения коренных политических реформ. Его основным соперником, оппозиционно настроенный режиссер Д. Худоназаров, выдвигающийся от Демократической партии, не смог составить ему серьёзной конкуренции. Первые шаги на посту главы государства Р. Набиева прошли под эгидой, начавшейся в Таджикистане весной 1992 г. гражданской войной [14, с. 1] и попытками перераспределения власти в стране, в ходе которых он был вынужден осенью того же года уйти в отставку. Вторые выборы главы государства в Таджикистане прошли в условиях гражданской войны осенью 1994 г. и призваны были возродить институт президентства, который был упразднён в ноябре 1992 г. (фактически полномочия главы государства с 1992 по 1994 гг. исполнял Председатель ВС Таджикистана Э. Рахмон).

Победу одержал действующий председатель Верховного совета Таджикистана Эмомали Рахмон, получивший в конкурентной борьбе 59,54% избирателей и опередивший своего конкурента экс премьер-министра Абдумалика Абдулладжанова (34,69%). В последующем Э. Рахмон переизбирался в ходе фактически безальтернативных выборов на президентский пост ещё четырежды в 1999 (98,9 %), 2006 (90,9 %) и 2013 (86,64 %), 2020 (85,44 %) гг., что стало возможным после внесения поправок в Основной закон, позволяющих провозгласившему себя Основателем мира и национального единства Э. Рахмону переизбираться на пост президента без каких бы то ни было ограничений.

Законодательная власть в Таджикистане представлена Маджлиси Оли (парламент Таджикистана), состоящего из Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон, который образуется с помощью выборов на пятилетний период [15, с. 114]. Первые парламентские выборы

на территории постсоветского Таджикистана прошли зимой-весной 1995 года в два тура голосования в условиях гражданской войны. Выборы прошли при высокой явке 84% от общего числа избирательного корпуса страны. Путём прямых выборов избирались 181 парламентариев, большинство мест в новом парламенте 62,4 % (113 мандатов) получили независимые кандидаты, 60 мандатов (33,1 %) – Коммунистическая партия Таджикистана, 2,7 % (5 депутатских мандатов) - Народная партия (трансформирующаяся затем в Народно-демократическую партию). Из умеренно-оппозиционных партий представительство в новом созыве таджикского парламента приобрели две партии: Партия народного единства и согласия и Партия экономических и политических обновлений (от 1 до 2-х мандатов).

В ходе конституционных преобразований 1999 г. парламент Таджикистана приобретает двухпалатную структуру. Выборы нижней палаты парламента Таджикистана в 2000 г. проводятся путём прямого волеизъявления граждан. В них приняло участие только шесть политических партий, допущенных до выборов, большинством поддержки избирателей (64,91 %) заручилась ставшая правящей Народно-демократическая партия Таджикистана (возглавляемая Э. Рахмоновым), получила чуть больше половины мест в нижней палате парламента. Наряду с ней в Маджлиси Оли смогли попасть Компартия и Партия исламского возрождения Таджикистана. В последующих пяти электоральных циклах победителем снова становилась Народно-демократическая партия Таджикистана: в 2005 г. с результатом 64,51%, в 2010 г. она заручилась поддержкой 71,69 %, в 2015 г. - 62,5%, а в 2020 г. - 50.4% избирателей, по-прежнему оставаясь правящей партией, служащей проводником воли президента.

Главой исполнительной власти в стране выступает президент, также к данной ветви власти относится правительство во главе с премьер-министром, заместители председателей госкомитетов и первый заместитель премьер-министра. Среди ключевых полномочий правительства Таджикистана можно выделить руководство социальной, духовной, экономической и иными сферами, реализацию правоприменительной деятельности (направленную на реализацию законов, указов и иных президентских актов). В случае признания правительством неспособности для нормального функционирования, оно должно сообщить главе государства о своей отставке.

В Таджикистане, с момента принятия новой конституции и избрания Э. Рахмона президентом в 1994 г., устанавливается президентская модель и фактически неограниченная власть главы государства. Провозгласившему себя лидером нации и Основателем мира и национального единства Э. Рахмону предоставлено право переизбираться на пост президента без каких бы то ни было ограничений, что свидетельствует о том, что избранная страной модель правления во многом схожа с суперпрезидентской моделью таких стран Центральной Азии, как Узбекистан и Туркменистан.

Выводы

Проследив динамику функционирования политических систем трёх постсоветских государств Центральной Азии можно прийти к выводу, что во всех рассматриваемых странах после распада СССР были приняты новые конституции, изменившие не только форму правления и основы государственного строя этих стран, но и оказавшие воздействие на национальную идентичность [16, с. 4] и характер политического режима образовавшихся на территории постсоветского пространства государств.

В Казахстане и Узбекистане, где политическая система в ранний постсоветский период была представлена бывшей советской партийной номенклатурой, которая сохранила и укрепила свои позиции, отказавшись от советской риторики и социалистических методов в сфере госуправления. Узбекистан упрочил закреплённую конституционно президентскую форму правления с широким спектром полномочий главы государства (сначала переизбиравшегося четырежды и правившего с 1991 по 2015 гг. Ислама Керимова, а с 2016 г. Шавката Мирзиёева). Аналогично Узбекистану в Казахстане также действует закреплённая

в конституции президентская модель, сначала во главе с занимавшим пост главы государства с 1990 по 2019 гг. Н. Назарбаевым (провозгласившим себя «Елбасы» – лидером нации), имеющим сильные полномочия, как в исполнительной, так и законодательной власти, при котором в стране фактически установилась суперпрезидентская форма правления.

Изменения в политической системе страны стали происходить после внесения конституционных поправок 2017 г. и продолжившиеся конституционной реформой 2022 г. (инициированной избранным в 2019 г. после отставки Н. Назарбаева вторым президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым), с помощью которой страна изменила не только избирательную систему, применяющуюся при формировании парламента, но и сделала первые шаги, направленные на изменение формы правления с суперпрезидентской на президентскую и перераспределением полномочий между президентом и парламентом.

В Таджикистане конфликт между представителями националистической оппозиции и партийной номенклатуры обострился и привёл к гражданской войне, однако, с момента принятия новой конституции и избрания Э. Рахмона президентом в 1994 г. устанавливается президентская модель и фактически неограниченная власть главы государства. Эмомали Рахмону предоставлено конституционно право избираться на пост главы государства без ограничений по срокам, что свидетельствует о том, что избранная страной модель правления во многом схожа с суперпрезидентской моделью Узбекистана.

Охарактеризовав конституционные преобразования, произошедшие с политическими системами трёх государств с момента распада СССР вплоть по настоящее время, можно сделать вывод, что несмотря на декларируемые главами государства тезисами о демократизации политической системы, появлением и закреплением в их конституциях новых политических институтов, они продолжают оставаться странами с президентской формой правления (Узбекистан и Таджикистан можно отнести к суперпрезидентским республикам) с имитационной демократией и жёсткими автократическими тенденциями в области госуправления.

Список источников

1. Рагимова П. Ф. Республика Узбекистан: история и современность: краткий очерк // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2021. № 4. С. 290–315.
2. Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3 (35). С. 58–66.
3. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 3. С. 54–65.
4. Багдасарян В. Э. СССР: что и почему не получилось? // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3. С. 1–29.
5. Мохов В. П. «Восстание элит» в распаде СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 146–149.
6. Шапсугов Д. Ю. Проблема эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народовластию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 7–18.
7. Космаенко Д. Особенности формирования и развития политической системы современного Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 101–105.
8. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Конституционно-правовое оформление постсоветских политических систем: сравнительный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 73–86.
9. Кулешова Н. Некоторые особенности партийно-политической системы Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2014. № 12 (270). С. 75–81.

10. Кабазиев М. Ш. К вопросу об этнической и гражданской политической идентичности граждан современного Казахстана // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. С. 55-65. DOI 10.18384/2224-0209-2022-4-1152.
11. Хабриева Т. Я., Андриченко А. В. Конституционная реформа в республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 142-150.
12. Толеубеков А. Т. Основные этапы и характерные черты становления и развития парламентаризма в Казахстане // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 76-80.
13. Прокофьев В. Н. Конституционно-правовой статус Президента Республики Казахстан // Вопросы управления. 2017. № 2. С. 7-12.
14. Филяева А. И. Институциональное урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов: стратегии адаптации и интеграции // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 2. С. 1-17. DOI 10.18384/2224-0209-2023-2-1283.
15. Зарецкий А. М. Конституционно-правовой статус парламентов Казахстана, Узбекистана, Таджикистана // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38). С. 112-116.
16. Федорченко С. Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 3. С. 3-15. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-3-15.

References

1. Rahimova P. F. The Republic of Uzbekistan: history and modernity: a brief essay. *Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies*. 2021; (4): 290-315. (In Russ.).
2. Kaziev S. S. Perestroika and the crisis of national relations in Kazakhstan (1985-1991). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2015; (3 (35)): 58-66. (In Russ.).
3. Abramov A. V., Alekseev R. A. On the assessment of trajectories of transformations of post-Soviet political systems. *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4. History. Regional studies. International relations*. 2023; V. 28. (3): 54-65. (In Russ.).
4. Baghdasaryan V. E. USSR: what and why didn't it work out? *Journal of Political Studies*. 2017; V. 1. (3): 1-29. (In Russ.).
5. Mokhov V. P. "The uprising of the elites" in the collapse of the USSR. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2015; (11-2 (61)): 146-149. (In Russ.).
6. Shapsugov D. Y. The problem of the evolution of public power in Russia: from autocracy to democracy. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2022; (2): 7-18. (In Russ.).
7. Kosmaenko D. Features of the formation and development of the political system of modern Uzbekistan. *Russia and the Muslim world*. 2014; (11 (269)): 101-105. (In Russ.).
8. Alekseev R. A., Abramov A. V. Constitutional and legal design of post-Soviet political systems: a comparative analysis. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2022; (4): 73-86. (In Russ.).
9. Kuleshova N. Some features of the party and political system of the Republic of Uzbekistan. *Russia and the Muslim World*. 2014; (12 (270)): 75-81. (In Russ.).
10. Kabaziev M. S. On the issue of ethnic and civil political identities of citizens of modern Kazakhstan. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2022; (4): 55-65. DOI 10.18384/2224-0209-2022-4-1152. (In Russ.).
11. Khabrieva T. Ya., Andrichenko A. V. Constitutional reform in the Republic of Kazakhstan: trends and prospects of development. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2017; (3): 142-150. (In Russ.).
12. Toleubekov A. T. The main stages and characteristic features of the formation and development of parliamentarism in Kazakhstan. *Constitutional and municipal law*. 2019; (3): 76-80. (In Russ.).

13. Prokofiev V. N. Constitutional and legal status of the President of the Republic of Kazakhstan. *Management issues*. 2017; (2): 7-12. (In Russ.).
14. Filyaeva A. I. Institutional settlement of non-territorial interethnic conflicts: strategies of adaptation and integration. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2023; (2): 1-17. DOI 10.18384/2224-0209-2023-2-1283. (In Russ.).
15. Zaretsky A. M. The constitutional and legal status of the parliaments of Kazakhstan, Uzbekistan, and Tajikistan. *Eurasian Advocacy*. 2019; (1 (38)): 112-116. (In Russ.).
16. Fedorchenko S.N. Formation of new identities in the post-Soviet space: between the real and digital world. *Journal of Political Studies*. 2021;5(3): 3-15. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3- 3-15. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. А. Алексеев – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова; доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ.

А. В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the authors

R. A. Alekseev – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy at Lomonosov Moscow State University; Associate Professor of the Department of Political Science at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

A. V. Abramov – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Comparative Political Science of Lomonosov Moscow State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 03.08.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 24.08.2024.

The article was submitted 03.08.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 24.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-90-96>

EDN OYEPSC

О местном самоуправлении в Грузии в конце XX – начале XXI вв.

Арина Альбертовна Багаева

Северо-Кавказский горно-металлургический институт

(государственный технологический университет), Владикавказ, Россия,

armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1928-0260>

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей местного самоуправления в Республике Грузия в конце XX–XXI вв. Данное исследование позволяет оценить правовое развитие местного самоуправления в Грузии в рассматриваемый период, проанализировать проблемы взаимодействия центральной и местной власти. По мнению автора, в условиях управления обществом в рассматриваемый период в Грузии сочетались элементы государственного управления и местного самоуправления. На всем протяжении XX в. способы государственного управления являлись преобладающими. Однако уже в начале XXI в. процесс изменения функций управления делами общества актуализировал проблему создания самостоятельной системы самоуправления. Этому, отчасти, способствовало вступление Грузии в 2000 г. в Совет Европы, и как следствие этого, – взятием на себя обязательств по уменьшению прямого влияния государства на органы местного управления, а также формирования на местах исключительно избираемых органов власти. Следовательно, совершенствование структуры местного самоуправления в Республике Грузия, с одной стороны, и порядок его взаимодействия с государственными органами – с другой, составляли содержание муниципального строительства в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Республика Грузия, демократия, управление, местное самоуправление, децентрализация, реформирование, выборы, органический закон, Конституция Грузии

Для цитирования: Багаева А. А. О местном самоуправлении в Грузии в конце XX – начале XXI вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 90–96. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-90-96>. EDN OYEPSC

Problems of Constitutional, Administrative, International Law and Local Self-government

Original article

Some issues of local government in Georgia at the end of the XX – early XXI centuries

Arina A. Bagaeva

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz, Russia, armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1928-0260>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of local self-government in the Republic of Georgia at the end of the 20th–21st centuries. This study allows us to assess the legal development of local self-government in Georgia during the period under review and analyze the problems of interaction between central and local authorities. According to the author, in the conditions of managing society during the period under review in Georgia, elements of state administration and local self-government were combined. Throughout the 20th century, methods of public administration were predominant. However, already at the beginning of the 21st century, the process of changing the functions of managing the affairs of society actualized the problem of creating an independent system of self-government. This was partly facilitated by Georgia's accession to the Council of Europe in 2000, and as a consequence

of this, by the assumption of obligations to reduce the direct influence of the state on local governments, as well as the formation of exclusively elected local authorities. Consequently, improving the structure of local self-government in the Republic of Georgia, on the one hand, and the procedure for its interaction with government bodies, on the other, constituted the content of municipal construction at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries.

Keywords: Republic of Georgia, democracy, government, local self-government, decentralization, reform, elections, organic law, Constitution of Georgia

For citation: Bagaeva A. A. Some issues of local government in Georgia at the end of the XX – early XXI centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):90–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-90-96>. EDN OYEPES

В системе публичной власти местное самоуправление является важнейшим элементом общественного управления во всех демократических государствах. Местному самоуправлению в Грузии уделяется особое внимание, поскольку оно считается важнейшей составляющей на пути построения демократического государства, поскольку позволяет приблизить власть к народу, а последних максимально задействовать в решении вопросов местного значения.

В условиях начавшейся в начале 90-х гг. XX в. демократизации политического процесса в Грузии весьма рельефно выявилась необходимость фундаментального реформирования местного самоуправления как способа оптимизации государственного управления [1, с. 5]. Местное управление и местное самоуправление в постсоветской Грузии неразрывно связаны с процессом становления демократического режима и, как следствие этого, формированием новой законодательной базы, регулирующей деятельность муниципальных институтов. Децентрализованное управление выступает необходимым условием демократизации государственной власти и общества. Поэтому представляется, что одной из особенностей формирующейся в Республике Грузия муниципальной системы должна стать ее тесная взаимосвязь с гражданским обществом и его институтами, в рамках которого культивируется чувство общего интереса и ответственности местного населения, с одной стороны, и, в целом, граждан государства – с другой.

С 1991 г. по настоящее время развитие нормативного законодательства местного самоуправления в Грузии прошло сложный путь, что вполне естественно и соответствует данному процессу и в других государствах. До первых многопартийных выборов 28 октября 1990 г. в Грузии действовала централизованная однопартийная система местного самоуправления и это сковывало гражданскую инициативу населения. В целях реформирования этой системы Верховный Совет Грузии в 1990–1991 гг. разработал и принял законы «Об органах местного самоуправления в переходный период», «О компетенции и организации работы представительных органов местного самоуправления» и «О префектурах». Они стали законодательной основой дальнейшего развития местного самоуправления.

После обретения Грузией независимости в 1991 г., в начале правления З. Гамсахурдия, образовался институциональный вакуум на местном уровне, связанный с роспуском городских советов и упразднением префектур. В этом же году были проведены многопартийные муниципальные выборы. Выборы прошли по преференциальной системе с одним голосом. Такая избирательная система позволяла небольшим партиям выдвигать своих кандидатов в органы самоуправления в большом количестве, однако правящая партия «Круглый стол – Свободная Грузия» заняла доминирующие позиции на местном уровне (правда, в меньшей степени, чем на уровне центрального правительства) [2, с. 78]. Отметим, что проведение этих выборов установило определенные гарантии участия общественности в процессе управления (общественное самоуправление), однако это не смогло перевесить негативные аспекты механизма контроля, создаваемого центральным правительством над органами самоуправления (в частности, институт префектов, назначаемых президентом). Необходимо отметить, что позже, в результате событий первой половины 1990-х гг. (государственный переворот, гражданская война и два этнических конфликта, хаос в государственных

структурах, особенно в регионах) данная модель местного самоуправления, прекратила свое существование как фактически, так и юридически.

После государственного переворота 1992 г. и прихода к власти Э. Шеварднадзе, в условиях экономического и политического кризиса территориальные единицы также контролировались доверенными лицами (в регионах) и губернаторами (в округах), назначаемыми сначала главой государства, а затем президентом Грузии.

2 августа 1993 г. был издан указ главы государства «Об утверждении Положения о районных (городских) органах государственной власти и управления», который обеспечил введение прямого государственного управления в населенные пункты. Согласно данному указу, непосредственное государственное управление осуществлялось через районные администрации и мэрии.

24 августа 1995 г. была принята Конституция Грузии, 4 пункт 2 статьи которой закрепили конституционные гарантии местного самоуправления: «Граждане Грузии организуют дела местного значения посредством самоуправления, не нарушая государственного суверенитета. Порядок создания органов местного самоуправления, полномочия и отношения с государственными органами определяются законом»¹. Дальнейшее правовое обеспечение муниципального развития предусматривало создание правовых основ для реализации конституционных прав самоуправления, органов местного самоуправления и управления и их деятельности. С этой целью были подготовлены и на основании законодательной инициативы президента Грузии приняты парламентом следующие законодательные акты: органический закон Грузии «О местном самоуправлении и управлении», закон Грузии «О столице Грузии – Тбилиси», закон Грузии «О выборах местных представительных органов – Сакребуло», закон Грузии «О статусе члена Сакребуло», закон Грузии «О непосредственном государственном управлении»².

С принятием вышеупомянутых законодательных актов был сделан важный шаг на пути создания децентрализованной системы управления в стране. Органический закон определил взаимоотношение органов местного самоуправления с государственными органами, достаточно ясно указывая на то, что органы местного самоуправления не должны выступать в роли органов государственной власти, однако это не исключало возможности наделения их отдельными государственными полномочиями с условием передачи необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств [3, с. 68]. Согласно органическому закону, территориальная основа самоуправления определялась как село, община, поселок и город, входящие в состав района, а уровень местного самоуправления образовывали Тбилиси, города и районы, не входящие в состав района. Соответственно, сформировалась эклектичная система местного управления, в которой органы местного самоуправления на уровне районов и крупных городов одновременно выполняли функции как государственного управления, так и местного самоуправления. Губернаторов и мэров исполнительных органов районов и крупных городов назначал президент Грузии, что является вполне логичным и обоснованным решением.

Очередная реформа органов местного самоуправления началась 16 сентября 1995 г. с изданием указа главы государства «Об утверждении Положения о местных органах государственной власти». Указанный акт юридически закрепил деконцентрацию управления и разделил функции между органами управления центральных, районных и региональных административных единиц.

Принятие Органического закона «О местном самоуправлении» в 1997 г. и проведение муниципальных выборов в 1998 г. создали стартовые условия для децентрализации. Однако вновь созданная система имела явные признаки централизованного управления:

¹ Конституция Грузии от 24 августа 1995 года № 786 [Интернет ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=130> (Дата обращения 24.06.2024)

² Болашвили П. Стратегические документы муниципального развития Грузии [Электронный ресурс] URL: <http://emsu.ru/extra/htm4s/um/2000/6/3-1.htm> (Дата обращения 10.07.2024)

главы районной исполнительной власти назначались из центра. Само название органического закона указывает на дуалистический (выборный/назначаемый) характер уровня местного самоуправления. Настоящее самоуправление, как показало дальнейшее становление и укрепление государственности Грузии, было создано городскими, сельскими, общинными и сельскими органами управления на нижнем уровне власти. По закону они имели значительные полномочия, но без адекватной финансовой поддержки эти права оставались простой формальностью.

В 2001 г. в законодательство был внесен ряд изменений, на основании которых территориальная основа местного самоуправления была расширена за счет включения городов, не входящих в состав района. Кроме того, в городах, где число избирателей превышало 5000, вводилось правило прямого избрания населением как представительного органа, так и градоначальника (мэра). На наш взгляд, такая практика формирования органов власти заслуживает внимания и подражания.

Следует отметить, что законодательные изменения, проведенные в 1995–2005 гг., не были последовательными, поскольку не было соответствующего опыта законотворчества. Наряду с вышеупомянутыми положительными поправками в органический закон были также внесены изменения, препятствующие децентрализации системы управления. В частности, на районном уровне вместо непосредственно избираемого Собрания в 2002 г. было избрано ассоциированное Собрание, состоящее из председателей Собраний самоуправляющихся единиц района. Кроме того, полномочия районного совета были существенно ограничены. В состав администрации района входили губернатор, первый заместитель губернатора, заместители, руководитель аппарата и руководители местных служб. Центральная фигура местного управления, губернатор района назначался Президентом Грузии из состава Собрания, а губернатор назначался одним человеком.

После «революции роз» в 2003 г. отношение новой политической силы во главе страны к выборам в местные органы власти резко изменилось. На смену политике «баланса сил» Эдуарда Шеварднадзе на местном уровне пришла политика Михаила Саакашвили по достижению абсолютного контроля над органами самоуправления. Несомненно, это противоречило демократизации общества, подавляло гражданскую инициативу.

26 октября 2004 г. Парламент Грузии ратифицировал Европейскую Хартию местного самоуправления. Хартия вступила в силу 1 апреля 2005 г. При этом Грузия не присоединилась к ряду статей Хартии. Среди них стоит отметить статью 5 (необходимость проведения консультаций с самоуправлениями при изменении границ самоуправления), хотя тот же принцип был гарантирован Конституцией Грузии.

В результате изменения избирательной системы в 2004–2006 гг. 5 октября 2006 г. состоялись очередные местные выборы. По официальным данным, в нем приняли участие 48 % избирателей. Правящая партия «Единое национальное движение» получила подавляющее большинство во всех советах (85 % пропорциональных мандатов и 92 % мажоритарных мандатов) [4, с. 10].

Позже, в процессе развития самоуправления вновь обозначилась тенденция централизации. Провозглашенная правительством доктрина модернизации оставляла меньше места для демократических процессов. В 2006 г. нижний уровень самоуправления был упразднен на том основании, что районный уровень, удаленный от граждан, будет иметь возможность мобилизовать больше финансовых и человеческих ресурсов. Однако вскоре начался процесс сокращения ресурсов на районном уровне (отмена долевых налогов и их централизация). С 2007 г. ко всему добавился процесс усиления неформального давления на органы самоуправления с помощью правовых норм, что наблюдается во многих странах, в том числе и в Российской Федерации.

Приостановка процесса развития местной демократии ухудшила качество как участия сообщества, так и предоставления государственных услуг. Ситуацию усугубил политический кризис 2007 г. (принудительный разгон протеста в ноябре 2007 г., досрочные президентские и парламентские выборы, легитимность которых была поставлена под сомнение и т.д.),

к которому присоединился экономический кризис и вооруженный конфликт 2008 г. В таких условиях, вместо того чтобы начать процесс децентрализации, власти начали еще больше урезать и без того скудные права органов самоуправления (полная централизация водоснабжения, вывоза мусора, юридических услуг). Однопартийная система (с наличием партийной вертикали) и отсутствие альтернативы исключали общество (особенно в регионах) из политических процессов.

Тенденция изменения избирательной системы перед выборами продолжилась. Законодательные изменения, осуществленные в 2009–2010 гг., усилили шансы правящей политической партии. Было введено правило прямых выборов мэра столицы. Так, например, в Тбилиси многомандатная избирательная система была заменена одномандатной, а в двухмандатной системе установлен лишь 30-процентный барьер (несмотря на критику новой системы со стороны международных и местных экспертов). В результате всего этого результаты выборов не адекватно отразили волю избирателей (например, правящая партия в Тбилиси получила 52,5 % голосов по пропорциональной системе, но получила 78 % мандатов) [5, с. 124].

15 октября 2010 г. Парламент Грузии принял новую редакцию Конституции, определившую следующие принципы местного самоуправления:

- обязательные консультации с самоуправляющейся единицей при создании и упразднении, а также при изменении ее границ (ст. 1011, п. 3);
- принципы разделения собственных и делегированных полномочий центральным правительством (ст. 1012);
- принципы разделения имущества и финансов (ст. 1013).

Кроме того, органы самоуправления получили право обращаться с конституционным иском в Конституционный суд Республики (ст. 89).

Указанные изменения конституционно усилили гарантии деятельности самоуправления. При этом в новую редакцию была внесена поправка, согласно которой право на участие в самоуправлении вместо всех местных жителей предоставлялось только гражданам, зарегистрированным в населенном пункте (п. 4 ст. 2).

К сожалению, грузинский законотворческий процесс в рассматриваемый в данной статье период характеризовался рядом проблем, которые выявляются при его анализе, в частности:

- Частые изменения в законодательстве, что делает операционное пространство нестабильным (во многих случаях кардинальные изменения в тот или иной закон вносились несколько десятков раз в год);
- Конституционные изменения не привели к пересмотру законов и созданию законодательных механизмов новых конституционных гарантий;
- Еще чаще законы противоречили друг другу, причем зачастую отдельные статьи одного закона противоречили друг другу в принципе. Это касается не только несоответствия старых и новых законов, но и принятых в то же время законодательных актов (например, 25 декабря 2009 г. в закон «О Тбилиси – столице Грузии» были внесены две взаимоисключающие поправки).

Законы редко подвергались законодательной проверке и часто были направлены на узаконивание спонтанных решений, принимаемых одним человеком. Нелогичность некоторых законодательных актов или отдельных их статей очевидна. Классическим примером тому является поправка, внесенная в Органический закон «О местном самоуправлении» в 2009 г., согласно которой органам самоуправления было предоставлено право финансировать функции центрального правительства за счет собственных средств, если центр «запросил» это. Несмотря на то, что данная норма противоречит конституционным нормам, принципам Европейской Хартии местного самоуправления и власти временно ее объявили, с изменением от 11 февраля 2011 г. срок действия этой нормы был продлен до 1 января [6, с. 48].

В повседневной практике существовала еще более серьезная проблема – нарушался принцип иерархии законов:

– зачастую приказ управляющего/губернатора или какого-либо министра противоречил закону;

– наряду с очевидной защитой интересов правящей партии, наблюдалось увеличивалось количество решений, принимаемых на основе конфликта интересов;

– выявлена тенденция открытого игнорирования рекомендаций международных организаций представителями власти.

Оценивая процесс местного развития в Грузии конца XX – начала XXI вв., можно выделить два качественно разных периода [7, с. 28].

Первый период можно разделить на два этапа: советского наследия и последующего распада, когда система местного самоуправления практически не функционировала, и этап относительной стабилизации, когда начала формироваться структурированная система. Для данного периода характерно возложение на органы самоуправления более или менее многочисленных функций. Эти функции носили по большей части формальный характер, поскольку местные власти не имели ни человеческих, ни финансовых ресурсов для выполнения возложенных на них обязанностей. Говорить о процессе децентрализации здесь неуместно, государство не смогло выполнять свои основные функции. Более того, оно не смогло в должной мере позаботиться о развитии местного самоуправления.

Второй период также можно разделить на два этапа. После «революции роз», когда эффективность государственных структур резко возросла. При этом правительство, пусть и формально, декларировало необходимость децентрализации (хотя фактически реализовывало план ускоренной модернизации) и следующего периода (с 2007 г. и особенно с 2008 г.), когда курс централизации уже юридически был сформирован, а в стране внедрялся гиперцентрализованный стиль управления.

В отличие от предыдущего правительства, «Единое национальное движение» имело достаточно сил для осуществления децентрализации, однако целью государственной политики было лишение органов самоуправления скудных и по большей части формальных прав. Если на первом этапе, реализуя административно-территориальную реформу, государство максимально отделило местное самоуправление от населения, то на втором этапе оно лишило уже находящееся под его контролем местное самоуправление прав и соответствующих ресурсов. К сожалению, большая часть грузинского общества все это время находилось в стороне от происходящих в стране процессов. На наш взгляд, ситуация осложнялась тем фактом, что общественность не проявляла особого интереса к реформам после множества неоправданных обещаний, поэтому вопрос децентрализации не стоял также на повестке дня грузинского общества.

В заключении отметим, что несмотря на то, что за последние десятилетия в Грузии, как и в других постсоветских бывших союзных республиках, было проведено много реформ в сфере местного самоуправления. В конечном итоге в 2014 г. был принят Кодекс о местном самоуправлении¹, расширивший полномочия и права местных властей. Несмотря на это Грузии и на сегодняшний день не удалось добиться реальной децентрализации власти. Основными причинами замедления этого процесса, на наш взгляд, остаются следующие: финансовая несостоятельность регионов; управление центральными органами муниципальной собственностью и землей (так, отсутствие четкого плана по разделению собственности значительно ослабляет муниципалитеты, а также лишает их возможности получения доходов); вмешательство центральной власти в полномочия органов местного самоуправления; низкая вовлеченность граждан в осуществление местного самоуправления.

Несмотря на сказанное, можно отметить, что в настоящее время государство демонстрирует политическую волю к фактическому осуществлению децентрализации. Вместе с тем несомненно остается острым вопрос решения задач, ориентированных на результат

¹ Кодекс о местном самоуправлении Грузии от 05.02.2014. Законодательный вестник Грузии. [Электронный ресурс] <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2244429?publication=68> (Дата обращения 10.07.2024).

и эффективное местное управление, которое является школой настоящей демократии, поскольку право на местное самоуправление распространяется на всех, кто в этом заинтересован и готов участвовать в решении вопросов местного значения.

Список источников

1. Чихладзе Л. Т. Местное самоуправление и местное управление в государствах - участниках Содружества Независимых Государств: теория, практика и тенденции развития: Автореф. дисс... д.ю.н. М., 2013. 42 с.
2. Багаева А. А. Внутриполитическая борьба в Грузии во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в.: Дисс. ...к.и.н. Ставрополь, 2022. 178 с.
3. Курашвили К. Т. Государственно-территориальное устройство и местное самоуправление в современной Грузии: (конституционно-правовые аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4.: Государство и право. 2000. № 2. С. 65–69.
4. Лосаберидзе Д. Политический анализ / В сб. Местное самоуправление в Грузии (1991 – 2014 гг.). Под ред. Т. Болквадзе, К. Канделаки, Д. Лосаберидзе, Т. Чиковани. Тбилиси, 2015. С. 8-40.
5. Алапишвили Л. Местное самоуправление в Тбилиси / В сб.: Местное самоуправление в Грузии (1991 – 2014 гг.). Под ред. Т. Болквадзе, К. Канделаки, Д. Лосаберидзе, Т. Чиковани. Тбилиси, 2015. С. 121–130.
6. Кобахидзе И. Правовое регулирование местного самоуправления, институциональное устройство, полномочия и государственный надзор (1991-2012) / В сб.: Местное самоуправление в Грузии (1991 – 2014 гг.). Под ред. Т. Болквадзе, К. Канделаки, Д. Лосаберидзе, Т. Чиковани. Тбилиси, 2015. С. 43–61.
7. Гачечиладзе Б. Местное самоуправление в Грузии: прошлый опыт и современность. Тбилиси, 2017. 73 с.

References

1. Chikhladze L. T. *Local self-government and local government in the member states of the Commonwealth of Independent States: theory, practice and development trends*: Abstract. diss... doctor of legal sciences. Moscow; 2013. 42 p. (In Russ.).
2. Bagaeva A. A. *Internal political struggle in Georgia in the second half of the 80s - early 90s. XX century*: Diss. ...Cand. Sci. (History). Stavropol; 2022. 178 p. (In Russ.).
3. Kurashvili K. T. State-territorial structure and local self-government in modern Georgia: (constitutional and legal aspects). *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4.: State and law*. 2000;(2):65–69. (In Russ.).
4. Losaberidze D. Political analysis. In: *Local self-government in Georgia (1991 – 2014)*. T. Bolkvadze, K. Kandelaki, D. Losaberidze, T. Chikovani (eds). Tbilisi; 2015:8–40. (In Russ.).
5. Alapishvili L. Local self-government in Tbilisi. In: *Local self-government in Georgia (1991 – 2014)*. T. Bolkvadze, K. Kandelaki, D. Losaberidze, T. Chikovani (eds). Tbilisi; 2015:121–130. (In Russ.).
6. Kobakhidze I. Legal regulation of local self-government, institutional structure, powers and state supervision (1991–2012). In: *Local self-government in Georgia (1991 – 2014)*. T. Bolkvadze, K. Kandelaki, D. Losaberidze, T. Chikovani (eds). Tbilisi; 2015:43–61. (In Russ.).
7. Gachechiladze B. *Local self-government in Georgia: past experience and modernity*. Tbilisi; 2017. 73 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Багаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры органов власти и публичного права Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ).

Information about the author

A. A. Bagaeva – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Authorities and Public Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Об обязательствах по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний: опыт Российской Федерации

Муаед Лялюевич Хабачиров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
Нальчик, Россия, muaed@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья является очередным этапом исследований автора в области проблем международной безопасности, формирующегося международного чрезвычайного права (далее – МЧП)¹ и является продолжением существующего научно-практического дискурса по проблематике осмысления правовых проблем, связанных с поиском эффективных регуляторов в сфере деятельности частных военных и охранных компаний (далее – ЧВОК) [6–10]. Значительное внимание уделяется анализу, поиску и формированию современной концепции нормативных регуляторов деятельности ЧВОК. Основываясь на исследовании международного правового «мягкого» регулирования, а также имеющихся образцов национального регулирования ряда государств, в статье проводится анализ существующих проектов законодательных актов по регулированию деятельности ЧВОК в Российской Федерации.

Методология исследования включает методы общенаучного, сравнительного политического и правового анализа.

Ключевые слова: частные военные и охранные компании, правовые аспекты регулирования, вооруженные конфликты, локальные и региональные конфликты

Для цитирования: Хабачиров М. Л. Об обязательствах государств по национальному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний: опыт Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 97–104. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-97-104>. EDN OQJABZ

Problems of Constitutional, Administrative, International Law and Local Self-government

Original article

On obligations under the national regulating the activities of private military and security companies: the experience of the Russian Federation

Muaed L. Khabachirov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia, muaed@rambler.ru

Abstract. This article is the next stage of the author's research in the field of international security problems, the emerging international emergency law (PIL) and is a continuation of the existing scientific and practical discourse on the problems of understanding legal problems related to the search for effective regulators in the field of PMSC activities. Considerable attention is paid to the analysis, search and formation of a modern concept of regulatory regulators of PMSC activities. Based on the study of international legal "soft" regulation, as well as the available examples of national regulation of a number of states, the article analyzes the existing draft legislative acts on the regulation of PMSCs in the Russian Federation. The methodology of the research includes the methods of general scientific, comparative political and legal analysis.

Keywords: Private Military and Security Companies, legal aspects of regulation, armed conflicts, local and regional conflicts

For citation: Khabachirov M. L. On obligations under the national regulating the activities of private military and security companies: the experience of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):97–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-97-104>. EDN OQJABZ

Несмотря на то, что частные военные компании (далее – ЧВК, в международной научной терминологии, также известные как частные военные охранные компании) стали играть все более значительную роль во внешней политике и обеспечении безопасности России, начиная с украинского кризиса, они привлекли пристальное внимание как научной общественности, так и экспертного сообщества только в 2018 г. Это произошло после того, как неизвестное, но достаточно большое, количество сотрудников, теперь уже хорошо известной, т.н. «ЧВК Вагнера», погибло во время американского авиаудара в Сирии в феврале того года.

Увеличение числа локальных и региональных конфликтов, а также иных любых иных форм гибридной войны, в которых военное противоборство между государствами происходит в условиях де-юре мирных взаимоотношений, способствует росту количества ЧВК. При этом, государства все чаще делегируют ЧВК полномочия на применение вооруженной силы для решения все более широкого круга задач, которые «невыгодно» выполнять от имени своего «государства флага». Эта тенденция вызывает серьезную озабоченность.

Сегодня, так называемые «частные военные компании» представляют собой неоднородную группу субъектов, но очевидно, что их популярность растет ввиду того, что они предоставляют эффективный инструмент для расширения возможностей «серого вмешательства», а также возможностей по «избеганию» ответственности за возможные нарушения международного права и права прав человека.

Цель данной статьи – попытка поиска и формирования современной концепции нормативных регуляторов деятельности ЧВОК.

Методология исследования включает методы общенаучного, сравнительного политического и правового анализа.

Рассматриваемая нами проблема находится в фокусе внимания как ученых юристов-международников, так юристов, занимающихся проблемами уголовного права, политологов, социологов. Однако работ, направленных на практическое осмысление и формирование современного отечественного концепта правового института, призванного регулировать статус ЧВОК, по-видимому еще недостаточно для практического преломления в национальном законодательстве.

В отличие от западных ЧВК, история которых насчитывает не один десяток лет¹, их российские коллеги классифицируются как «опоздавшие на международной арене».

Самые крупные из классифицируемых российским сегментом информационных ресурсов, как «российские ЧВК» были основаны в течение последних пятнадцати лет, например Moran Security (2011), RSB Group (2011), ENOT (предположительно 2011) и Wagner (предположительно 2013) и ряд других.

Развитие российских частных военных и охранных компаний (ЧВК) не отличается от общемировых трендов и характеризуется двумя основными тенденциями:

- расширение и диверсификация спектра услуг: от стандартного предоставления охранных услуг, до военного консультирования, обучения иностранных вооруженных сил и участие в боевых действиях;
- расширение географии своей деятельности.

По открытым данным исследовательских организаций, российские частные военные и охранные компании представляют спектр услуг в следующих странах: ЦАР, Судан, Бурунди, Ливия, Мали.

¹ Полковник Д. Стирлинг (создатель британских сил специальных операций (SAS)) в 1967 г. зарегистрировал первую частную военную компанию Watchguard International (WI), приоритетным направлением которой стала работа на союзные Лондону правительства и на международные организации.

Развитие и рост российских ЧВК соответствуют современным общемировым тенденциям: повышению роли военных средств во внешнеполитическом инструментарии в целом и особый акцент на аутсорсинг внешней политики и политики безопасности.

Таким образом проблематику ЧВОК можно рассматривать в различных аспектах: как новое направление наемничества; как аутсорсинг военно-силовых функций государства, как новое направление крупного бизнеса, как новый метод внешнеполитической борьбы, как элемент гибридных войн и многих других.

В этой связи, профессор А. Г. Волеводз, характеризует частные военные компании как «негосударственные организации, оказывающие на договорной основе военные и охранные услуги физическим и юридическим лицам, а также государствам. При этом под военными услугами понимаются боевые операции, стратегическое планирование, сбор информации, оперативная или логистическая поддержка, подготовка военного персонала, материально-техническое обеспечение» [11, с. 15].

Когда говорят о «гибридных» действиях, чаще всего речь идет не о классическом наемничестве, а случаях, когда скрывается заказчик и цель привлечения наёмных формирований, а военные действия сопровождаются экономическим противоборством, массированными информационными атаками и действиями в киберпространстве [12, с. 30] (выделено нами – М. Х.).

Н. А. Рыжов, совершенно справедливо указывал, что **коммерческая деятельность** таких компаний приносит большие доходы. «Объемы мирового рынка ЧВК огромны: только по подсчетам некоммерческой организации War on Want рынок услуг «военного консалтинга» имеет годовой оборот от \$100 млрд до \$400 млрд» [13, с. 202].

Отсутствие национальных правовых регуляторов статуса ЧВОК создает угрозы для всех участников вступающих в такие правоотношения: для самих государств и их граждан, в связи с тем что на их территории появляется вооруженный контингент, не имеющий правового статуса; для самих сотрудников ЧВОК, ввиду того, что не определен их статус в государстве-пребывания, не ясен механизм их правовой защиты как с точки зрения их государств-происхождения, так и с точки зрения оснований пребывания и возможного применения к их действиям норм международного гуманитарного права.

Таким образом разработка соответствующего правового регулирования поможет предотвратить злоупотребления и обеспечить ответственность всех участников отношений с участием ЧВОК.

В работе «Частные военные и охранные компании (ЧВОК): поиск международно-правовых и национальных регуляторов» [5] авторами были проанализированы действующие международно-правовые регуляторы, введены в научный оборот результаты состоявшихся дискуссий как на площадках международных межгосударственных организаций, так и на площадках негосударственных организаций.

Итогом такого подробного анализа являются следующие несколько тезисов, по нашему мнению, прямо влияющих на концепт построения отечественного правового регулирования в сфере отношений, связанных с деятельностью «российских ЧВК»:

- тематика регулирования деятельности ЧВОК является актуальной, находится в сфере правового интереса ООН¹. Продолжает свою деятельность специальная Рабочая группа по вопросу использования наёмников, в сферу изучения которой вошла и проблематика частных военных компаний, с проработкой вопросов легитимности последних, а также изучение правового положения их персонала, механизмов контроля.

- рабочей группой в процессе работы были сформулированы принципы, на основе которых должны быть определены современные концепты нормативного регулирования

¹ По этой причине в 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 62/145 от 18.12.2007 г. «Использование наёмников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение» призвала государства создать национальные механизмы, регулирующие деятельность ЧВК.

деятельности ЧВК¹. Несмотря на условную «мягкость» представленных рекомендаций, полагаем, что они подлежат принятию во внимание при формировании национального концепта массива норм, касающихся регулирования работы ЧВОК.

К числу таких принципов в самом общем виде должны быть отнесены: соблюдение ЧВК и ее персоналом уважение суверенитета государства и права нации на самоопределение, прав человека, национальных законов, гарантирование законного приобретения оружия;

- рабочая группа рекомендовала создать механизмы лицензирования деятельности таких компаний, а также и их сотрудников в своих юрисдикциях. В этой связи, предлагается создать единый межгосударственный регистр таких компаний и персонала, с тем чтобы информация о них была систематизирована и доступна для контроля как со стороны национальных контрольных органов, так и со стороны заинтересованных международных организаций.

В России отсутствует национальный институт права, регулирующий статус ЧВОК. Существующие нормативные регуляторы, в частности, Закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»² предусматривает возможность деятельности такой компании посредством приобретения соответствующих лицензий частными охранными предприятиями на осуществление охранный и детективной деятельности исключительно на территории Российской Федерации (ст.11.2). При этом никакого упоминания на возможный военный характер деятельности таких компаний в законе нет.

Вместе с тем, попытки создания национального правового механизма предпринимались трижды в 2012³, в 2014⁴, и в 2016⁵ гг.

В 2012 г. в Государственную Думу был внесён законопроект № 62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» (далее – Законопроект о ЧВК 2012 г.).

Предлагаемый законопроект направлен на установление правовых норм государственного регулирования создания и деятельности частных военных компаний. В нем 7 глав: «Общие положения», «Создание, реорганизация и ликвидация частных военных компаний», «Деятельность частной военной компании», «Управление частной военной компанией», «Государственная поддержка частных военных компаний», «Контроль за деятельностью частных военных компаний» и «Заключительные положения».

В статье 1 «Основные понятия» предлагается понятие о частной военной компании, военных услугах и государственном регулировании деятельности частных военных компаний.

Так, ЧВК определяется как «военная компания, имеющая специальное разрешение (лицензию) для оказания на договорной основе военных услуг иностранным юридическим в иностранном государстве».

При этом, военные услуги законопроект определяет как «специализированные услуги, оказываемые частной военной компанией в иностранных государствах, связанные с размещением территории, строительством и охраной военных объектов, государственных учреждений, высших должностных лиц и учреждений, исполняющих наказания, подготовкой и обучением иностранных военнослужащих, организацией и проведением войсковых учений, участием в стратегическом планировании, сборе информации, оказанием помощи в экспорте российской продукции военного назначения, имущества и снаряжения».

¹ Документ ООН А /63/325. 2008. 25 августа

² Закон РФ от 11 марта 1992 г. №2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/10102892/>.

³ Законопроект №62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний». См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/E7AED463-3E77-4CAE-A228-3D7FDD6FD560>. Внесен депутатом ГД ФС РФ А.В.Митрофановым

⁴ Законопроект № 630327-6 «О частных военно-охранных компаниях». См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/78623EF1-9A19-4887-8091-8857F7CA6021>. Внесен депутатом ГД ФС РФ Г. С. Носовко.

⁵ Законопроект №952777-6 «О частной военно-охранной деятельности». См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/952777-6>.

В статье 3 «Цели создания частных военных компаний» законопроектом определено, что главными целями создания частных военных компаний являются создание рынка военных услуг, расширение системы экспорта российской продукции военного назначения, имущества и снаряжения как основы обновления продукции военного назначения, имущества и снаряжения в иностранных государствах и создание выгодных экономических условий иностранным юридическим лицам для вложения средств в приобретение российской продукции военного назначения, имущества и снаряжения.

Глава II «Создание, реорганизация и ликвидация частных военных компаний» включает 12 статей, которые регулируют правовые нормы государственной регистрации ЧВК, перечень и требования к оформлению учредительных документов, реорганизации и ликвидации ЧВК, порядок внесения изменений в учредительные документы и отказа в государственной регистрации ЧВК.

Глава III «Деятельность частной военной компании» включает четыре статьи, которые устанавливают виды деятельности, предусмотренные учредительными документами, но могут устанавливаться и ограничения в деятельности. ЧВК может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана. Такой деятельностью признается приносящее прибыль создание выгодных экономических условий иностранным юридическим лицам в приобретении ими российской продукции военного назначения, имущества и снаряжения, а также в предоставлении других военных услуг, отвечающих целям создания частной военной компании.

Частная военная компания может иметь российскую продукцию военного назначения, имущество и снаряжение, переданные частной военной компании решением Правительства Российской Федерации в оперативное управление для их последующей реализации иностранным юридическим лицам в иностранных государствах.

Статьи 20 и 21 предусматривают порядок страхования сотрудников частных военных компаний при выполнении ими военных услуг в иностранных государствах при наступлении страхового случая (заболевания сотрудника, несчастного случая или иного случая).

Глава IV «Управление частной военной компанией» включает 3 статьи, которые регулируют структуру, компетенцию, порядок формирования и срок полномочий органов управления частными военными компаниями, порядок принятия ими решений от имени частной военной компании.

Глава V «Государственная поддержка частных военных компаний» включает 4 статьи. Статья 25 «Государственная поддержка деятельности частных военных компаний» предусматривает, что государственная поддержка деятельности ЧВК осуществляется путем предоставления в установленном законом порядке налоговых и иных льгот российским и иностранным инвесторам, принимающим участие в финансировании деятельности частных военных компаний, и предоставления, в том числе на лизинговой основе, в установленном законом порядке налоговых льгот ЧВК, приобретающим для экспорта российскую продукцию военного назначения, имущество и снаряжение в иностранные государства.

Финансирование деятельности ЧВК должно осуществляться за счет внебюджетного финансирования. Источниками финансовой деятельности частных военных компаний являются регулярные и единовременные поступления от учредителей (участников, членов), добровольные имущественные взносы и пожертвования, выручка от реализации российской продукции военного назначения, имущества и снаряжения, выполненных работ и оказания иных военных услуг в иностранных государствах.

В основном к полномочиям Правительства РФ, предусмотренным в статье 27 законопроекта, предусмотрено определение федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих вопросы создания, деятельности и контроля за деятельностью частных военных компаний, участием в реализации договоров частных военных компаний с иностранными юридическими лицами, связанных с экспортом российской продукции военного назначения,

имущества и снаряжения, а также государственным регулированием внутреннего и внешнего ценообразования на российскую продукцию военного назначения, имущества и снаряжения при их экспорте.

Глава VI «Контроль за деятельностью частных военных компаний» предусматривает, что ЧВК должны вести бухгалтерский учет и статистическую отчетность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и предоставлять информацию о своей деятельности органам государственной статистики и налоговым органам, учредителям и иным лицам в соответствии с законодательством РФ и учредительными документами частной военной компании.

Однако ввиду отсутствия положительного заключения Правительства РФ указанный законопроект остался без рассмотрения.

Еще два законопроекта о регулировании статуса частных военных и охранных компаний (ЧВК) были внесены в Государственную Думу РФ, но не прошли нулевого чтения ввиду отрицательных отзывов со стороны Правительства РФ.

Первый законопроект (№ 630327-6, 2014 г.) определял ЧВК «как юридические лица, имеющие лицензию ФСБ и специализирующиеся на предоставлении военных и охранных услуг на договорной основе». В законопроекте также содержались положения о социальной защите сотрудников ЧВК и ответственности государств-нанимателей за нарушения международного гуманитарного права, совершенные ЧВК.

Второй законопроект (№ 952777-6, 2016 г.) в целом повторял положения первого. Оба законопроекта устанавливали перечень запрещенных для ЧВК видов деятельности, как-то свержение правительств, подрыв конституционного порядка, незаконный оборот оружия и захват территорий иностранных государств. Кроме того, возлагали на компании и персонал ЧВК обязательства по соблюдению национального права и международного права в стране пребывания, предусматривали национальный механизм лицензирования, отчетности, аудита и единого реестра ЧВК, а также процедуру отбора и критерии соответствия сотрудников ЧВК.

Правительство РФ дало *отрицательные отзывы* на оба законопроекта, сославшись на противоречие между положениями законопроектов и положениями Конституции РФ о запрете создания вооруженных формирований и о том, что вопросы обороны и безопасности находятся в ведении Российской Федерации.

Возникает резонный вопрос, являются ли такие отрицательные отзывы Правительства РФ выражением воли Российской Федерации на отказ от развития правовых регуляторов статуса ЧВК, по крайней мере, в рамках действующей Конституции РФ? Вопрос далеко не риторический.

Отметим, что мало кто из исследователей обращает внимание, что в декабре 2016 г. были приняты изменения в ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹, в соответствии с которыми граждане, пребывающие в резерве, считаются исполняющими обязанности военной службы, если они участвуют в деятельности по «пресечению

¹ ФЗ от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Статья 37. Исполнение обязанностей военной службы

1. Военнослужащий, гражданин, проходящий военные сборы, и гражданин, пребывающий в мобилизационном людском резерве, считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях:

(в ред. Федерального закона от 30.12.2012 N 288-ФЗ)

а) участия в боевых действиях, выполнения задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации;

(пп. "а" в ред. Федерального закона от 28.12.2016 N 512-ФЗ)

Военнослужащие, являющиеся иностранными гражданами, участвуют в выполнении задач в условиях военного положения, а также в условиях вооруженных конфликтов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и законодательством Российской Федерации;

(абзац введен Федеральным законом от 11.11.2003 N 141-ФЗ).

международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации».

Иначе говоря, изменения в указанном законе де-факто легализуют деятельность ЧВК. Но такой путь, на наш взгляд, контрпродуктивен.

Исследование показало, что в России отсутствует национальное законодательство, регулирующее статус частных военных и охранных компаний. Более того, и предлагаемое регулирование фрагментарно и не имеет специальных законов или норм, регулирующих контроль за деятельностью ЧВК, определяющих статус персонала с точки зрения гуманитарного права. Кроме того, отсутствуют единые подходы к определению ЧВК, а также встроенность его в существующие международного-правовые механизмы «мягкого права».

В рамках ведущегося дискурса по формированию нормативного концепта по регулированию статуса ЧВОК целесообразно рассмотреть известный «документ Монтре», в котором сформулировано определение частных военных и охранных компаний (пп. «а» п. 9) «частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные или охранные услуги независимо от того, как они себя характеризуют. Их услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей, объектов, техническое обслуживание и эксплуатацию боевых комплексов, содержание под стражей заключенных, консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников»¹.

Несмотря на очевидную потребность в принятии правовых норм для регулирования деятельности ЧВК, полагаем все же прежде постараться добиться консенсуса по ряду принципиальных вопросов, без которых практическое создание национального правового концепта института ЧВК не представляется эффективным. В частности, необходимо определиться с:

- легитимностью ЧВК с точки зрения международного права;
- статусом персонала ЧВК в контексте международного гуманитарного права: комбатанты, наемники, гражданские лица или новая категория лиц.
- критериями практического разграничения наемничества и законной деятельности частными военными компаниями.

Дискуссии о создании нормативной базы для деятельности частных военных компаний (ЧВК) в России продолжаются, и представленные контуры надеемся вносят определенное понимание в направления такой работы.

Список источников

1. Хабачиров М. Л. Формирование международного чрезвычайного права // Международное право. 2005. № 4. С. 70-83.
2. Хабачиров М. Л. Использование феномена «силы» как стабилизирующего фактора, формирующегося международного чрезвычайного права // Международное право. 2011. № 1-2 (45-46). С. 92-97.
3. Хабачиров М. Л. О формировании международного чрезвычайного права как новой отрасли международного права // Международное право. 2010. № 4 (42). С. 32-36.
4. Хабачиров М. Л. О необходимости изменения концептуального подхода к принципам формирования и функционирования системы международного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3. С. 65-71.
5. Хабачиров М. Л., Дыщев М. В., Маремкулов А. Н., Моисеев А. А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК): поиск международно-правовых и национальных регуляторов // SCTCMG2020, International Scientific Conference "Social and Cultural transformations in the Context Modern globalism". Web of Science.
6. Башкиров Н. Международно-правовые аспекты использования частных военных компаний // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 8. С. 10-18.
7. Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 3(12). С. 78-88. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-78-88>

¹ Документ Монтре. О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. Издание МККК// <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf>. С. 10.

8. Рушинова В. Н. Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Российское право в Интернете. №2009 (05). Спецвыпуск.
9. Саврыга К. П. Международный правовой статус наемников и проблема принадлежности сотрудников частных военных и охранных компаний к наемникам // Современное право. 2014. № 8. С. 138–142.
10. Метелина О. В. Вопрос статуса частных военных и охранных компаний. Документ Монтре // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 136–138.
11. Волеводз А. Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. №1. С. 12–17.
12. Тиханычев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43.
13. Рыжов Н. А. О зарубежном опыте правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 199–214.

References

1. Khabachirov M. L. Formation of international emergency law. *International law*. 2005;(4):70–83. (In Russ.)
2. Khabachirov M. L. The use of the phenomenon of "force" as a stabilizing factor in the emerging international emergency law. *International law*. 2011;1-2(45-46):92–97. (In Russ.)
3. Khabachirov M. L. On the formation of international emergency law as a new branch of international law. *International law*. 2010;4(42):32–36. (In Russ.)
4. Khabachirov M. L. On the need to change the conceptual approach to the principles of formation and functioning of the system of international law. *Legal policy and legal life*. 2010;(3):65–71. (In Russ.)
5. Khabachirov M. L., Dyshchekov M. V., Maremkulov A. N., Moiseev A. A. Private military and security companies (PMCs): search for international legal and national regulators. In: *SCTCMG2020, International Scientific Conference "Social and Cultural transformations in the Context of Modern globalism". Web of Science*.
6. Bashkirov N. International legal aspects of the use of private military companies. *Foreign military Review*. 2013;(8):10–18. (In Russ.)
7. Volevodz A.G. Problems, principles and prospects of international legal regulation of activities of private military and security companies. *MGIMO Review of International Relations*. 2010;(3(12)):78-88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-78-88>
8. Rusinova V. N. Problems of international legal regulation of the activities of private military and security companies. *Russian law on the Internet*. 2009(05). *Special issue*. (In Russ.).
9. Savryga K. P. The international legal status of mercenaries and the problem of belonging employees of private military and security companies to mercenaries. *Modern law*. 2014;(8):138–142. (In Russ.).
10. Metelina O. V. The issue of the status of private military and security companies. The Montreux document. *Bulletin of the Chuvash University*. 2012;(1):136–138. (In Russ.).
11. Volevodz A. G. On international initiatives in the field of legal regulation of private military and security companies. *International criminal law and international justice*. 2009;(1):12–17. (In Russ.).
12. Tikhanychev O. V. Hybrid wars: a new word in the art of war or a well-forgotten old one? *Security issues*. 2020;(1):30–43. (In Russ.).
13. Ryzhov N. A. On the foreign experience of legal regulation of the activities of private military and security companies. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;(5):199–214. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Л. Хабачилов – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, доцент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, и. о. директора ГКУ КБР «Государственное юридическое бюро».

Information about the author

M. L. Khabachirov – Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Kabardino-Balkarian Republic, Associate Professor of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Academician of the Adyge (Circassian) International Academy of Sciences, Acting Director of the State Institution of the KBR «State Law Bureau».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 105–114
North Caucasus Legal Vestnik. 2024;(3):105–114

Проблемы гражданского и предпринимательского права

Научная статья

УДК 347.4

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-105-114>

EDN LTXOGU

Морально-этическое содержание смены пола в истории человечества и современные парадигмы его правового регулирования

**Леся Анатольевна Душакова¹,
Ольга Григорьевна Зубарева²**

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹dushakova-la@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2613-4280>

²zubareva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0525-8659>

Аннотация. Статья продолжает серию тематических публикаций данной проблематики [1, 2]. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру были определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.¹ Феномен транссексуальности и смены пола в наибольшей степени чувствительно проявляется в рамках государственной семейной политики как одной из фундаментальных ценностных основ сохранения народонаселения. С учетом необходимости пересмотра законодательства для достижения целевых показателей и выполнения задач, предусмотренных Указом № 309, постановка вопроса о морально-этическом во взаимосвязи с естественнонаучным содержанием транссексуальности, его историческом развитии и современных парадигмах правового регулирования смены пола целесообразна и своевременна.

Ключевые слова: транссексуализм, смена пола, государственная семейная политика, медицинская коррекция аномалии полового развития, брачно-семейные отношения, приватность, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, охрана здоровья граждан

Для цитирования: Душакова Л. А., Зубарева О. Г. Морально-этическое содержание смены пола в истории человечества и современные парадигмы его правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 105–114. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-105-114>. EDN LTXOGU

Moral-ethical content of sex change in the history of mankind and modern paradigms of its legal regulation

Lesya A. Dushakova¹, Olga G. Zubareva²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹dushakova-la@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2613-4280>

²zubareva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0525-8659>

Abstract. The article continues a series of thematic publications on this issue [1, 2]. By Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 № 309, in order to ensure sustainable economic and social development of the Russian Federation, strengthen state, cultural, value and economic sovereignty, increase the country's population and improve the standard of living of citizens, based on traditional Russian spiritual and moral values and principles of patriotism, the priority of man, social justice and equality of opportunity, ensuring state security and public safety, openness to the outside world, national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036 were defined. The phenomenon of transsexualism and gender reassignment is most sensitively manifested within the framework of state family policy as one of the fundamental value bases for preserving the population. Taking into account the need to revise legislation to achieve the targets and fulfill the tasks provided for by Decree № 309, raising the question of the moral and ethical aspects in relation to the natural scientific content of transsexuality, its historical development and modern paradigms of legal regulation of gender reassignment is appropriate and timely.

Keywords: transsexualism, gender reassignment, state family policy, medical correction of sexual anomaly, marriage and family relations, privacy, promoting non-traditional sexual relationships and/or preferences, protection of citizens' health

For citation: Dushakova L. A., Zubareva O. G. Moral-ethical content of sex change in the history of mankind and modern paradigms of its legal regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):105–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-105-114>. EDN LTXOGU

Вся история существования человечества свидетельствует о стремлении осознать, установить, сохранить и защитить границы дозволенного поведения посредством различных форм нормирования (правового, мифологического, морально-этического, религиозного, политического и проч.), которое поступательно трансформировалось сообразно конкретно-историческим условиям бытования социума и его социокультурным особенностям. Базовые принципы и параметры нормирования, претендующие на всеобщность, практически никогда таковыми не были, поскольку общепринятые устои общества подвергались деструктивному воздействию (пренебрежение, нарушение, протест и проч.) отдельными индивидами или социальными группами, являвшимися частью этого общества. Деструкции находили и продолжают находить свое выражение в проявлениях гомосексуальности, смене пола, позиционировании себя лицом некой половой принадлежности, не имеющей биологического (естественного) обоснования.

Сексуальные деструкции в той или иной форме были характерны для большинства обществ и цивилизаций. Э. Мюллер, в частности, указывает на подобные проявления еще в древневосточных обществах и прослеживает их вплоть до наших дней [3]. В отсутствие официального документирования гомосексуализма и педерастии, тем не менее, отдельные свидетельства такой практики имеются в Древнем Египте, о чем свидетельствуют, в частности, надгробные надписи и Книга Мертвых [4, с. 34; 5, с. 56]. Заботясь о чистоте родословной, древние египтяне допускали браки сестер с братьями, а для продолжения рода фараона приемлемым считался инцест между отцом и дочерью.

В Месопотамии отношение к сексуальным деструкциям было примерно аналогичным, но около середины второго тысячелетия до н.э. к гомосексуализму стали относиться как к преступлению, но, по всей видимости, только при насильственных действиях, хотя в Summa Alu («Если город») при определенных условиях это явление рассматривалось как полезное. В то же время границу мужского и женского разрушал культ двуполой богини любви и войны Иштар [6, с. 76].

У хеттов гомосексуализм, вероятно, не возбранялся, исключая инцест; в то же время допускалась связь с некоторыми животными. Кроме того, у древних цивилизаций фиксировались такие деструкции, как скотоложство, промискуитет, инцест. В Иудее были под запретом гомосексуализм и педерастия, а равно сексуальная распущенность в целом, осуждаемые Ветхим Заветом. Осуждали деструктивные формы сексуального поведения Филон Александрийский и Иосиф Флавий [7, с. 87].

Многочисленные примеры деструктивного сексуального поведения дошли до нас из античности. О гомосексуальных отношениях свидетельствуют древнегреческие мифы, а равно описания Плутарха, Платона и Аристотеля: известны чувства Зевса к Ганимеду, увлечение Геракла сразу двумя мужчинами – Иолаем и Гиласом. Любовью к мужскому полу отличались Аполлон, Посейдон, Дионис и Гермес. Последний вошел в историю как отец знаменитого ребенка, рожденного от Афродиты – Гермафродита – слившегося не по своей воле с влюбленной в него нимфой Салмакидой двуполого молодого человека, имя которого в медицине стало нарицательным. Несмотря на божественную, как считалось, сущность гермафродитов, обществом придавалась негативная оценка их появлению, отчего оно стремилось избавиться от них сразу же после рождения: в понимании древнегреческой культуры такие дети не способствовали развитию общества. Идея андрогиннов как совершенных существ, сочетающих мужское и женское начало, развивалась у Платона [8] и оказала значительное влияние на западноевропейскую культуру и философию [9]. Древнегреческая поэтесса Сафо писала о своих чувствах к девушкам. Остров Лесбос, который считается ее родиной, дал наименование соответствующей деструкции в форме лесбиянства. Известно Дело Тимарха в Афинском суде, также связанное с сексуальными деструкциями¹.

Несмотря на одобрение некоторой частью древнегреческого общества являвшихся частью образовательного процесса и социальным лифтом гомосексуальных связей между взрослыми влиятельными мужчинами-наставниками и юношами-учениками (педерастия), обычные гомосексуальные отношения между мужчинами-ровесниками порицались. Солоном был издан закон, ограничивавший социальную доступность к педерастии. С другой стороны, интересен факт озабоченности древнегреческого законодателя вопросом сексуальных домогательств к детям и подросткам. Вводился закон, запрещающий учителям открывать образовательные учреждения до рассвета и держать открытыми после заката. Тем самым, под угрозой смертной казни вводилось ограничение на совместное времяпрепровождение педагога и посторонних людей с ребенком в темное время суток, за исключением близких родственников ученика.

Законом о сводничестве предусматривалось наказание для отца или опекуна, если они об этом знали и, тем более, склоняли к передаче тела ребенка за деньги, и для того, кто пользовался таковыми услугами. Аристофан, иронично рассуждая об эквиваленте услуг, отмечал для «хороших мальчиков» приоритетность коней и охотничьих собак перед деньгами, которые нужны были лишь «развратным мальчишкам». Сам несовершеннолетний подросток подлежал лишь социальному порицанию на всю оставшуюся жизнь без применения к нему мер юридической ответственности, что отмечал Перикл, чей подопечный убежал к любовнику. Однако после внесения в гражданские списки по достижении совершеннолетия атимия (гражданское распутство) де-юре наказывалась по закону. Де-факто закон носил формальный характер и, как отмечается в доктрине, служил основанием для устранения конкуренции

¹ <https://ancientrome.ru/antlittr/aeschines/aesch1.htm>

на политической арене. Серьезным обвинением и оскорблением являлось выражение «широкозадый», т.е. имеющий гомосексуальные контакты.

Одним из наиболее осуждаемых правителей Древнего Рима был Нерон, чье имя ассоциировалось с развратом и злом. Так, в 64 г. н.э. во время празднования Сатурналия, он женился по всем канонам на бывшем рабе-мужчине. Во время церемонии император надел женское платье, а после пригласил всех наблюдать за любовными утехами молодоженов. Второй пассией императора стал молодой человек, напоминавший своей внешностью бывшую супругу – Поппею Сабину. Для утоления своих желаний император кастрировал мальчика, одевал его в женские одежды и называл именем своей бывшей жены. Окружение Нерона было решительно настроено унижить юношу, желая принести его в жертву на гладиаторском шоу, чего не произошло из-за суицида евнуха, боявшегося общественного осуждения.

Своей любовью к представителям мужского пола прославился еще один римский правитель – Адриан. Увековечивание памяти его любимца Антиноя достигло куда больших масштабов, нежели более видных римских граждан. Так, в честь Антиноя Адриан приказал соорудить храм в Аркадии, алтари и статуи, осуществить монетную чеканку, а придворными астрономами было названо созвездие в честь любимца императора, используемое до XIX века [10].

Римские императоры, отдававшие предпочтение своему полу, имели при этом и разную репутацию. К приобретшим негативное отношение римского общества и знати относятся Гелиогабал, ставший императором без одобрения сената и въехавший в город в женском платье. Устав от отношений с женским полом, он был связан отношениями с рабом, танцором, циркачом. Любил прилюдно обнажаться, переодеваться в гетеру, приглашая к себе гостей, чем вызвал удивление последних. В конце концов, был выброшен в Тибр собственной же армией, уставшей от безумств своего императора.

Новые семейно-брачные и социальные ценности как внутри семьи, так и в отношении квази-семейных институтов, например, мужеложства и конкубината, начали формироваться в эпоху христианизации. Хотя, следует отметить, что первые запреты сексуальных деструкций стали появляться еще в дохристианский период. Иудейским пророком Моисеем в Бытии – первой книге Пятикнижия (Торы), являющейся важнейшей из всей их совокупности, повествуется о происхождении человека и его грехопадении, первобытной истории, всемирном потопе, а также о патриархальных временах от Авраама до Иосифа. Не обошел Моисей в 49 главе истории о городах Содоме и Гоморре, сожженных за сексуальное распутство и мужеложство. В христианстве (Новом Завете) известны послания римлянам святого Апостола Павла, толковавшего разжигание похоти между мужчинами как «срам» и «заблуждение», за который они получают возмездие: Бог предал людей превратному уму за служение последними «твари вместо Творца», переполненных злобой, блудом, злонравием и прочими человеческими грехами. Апостол высказал важную мысль, актуальную и сейчас: люди знают о праведном суде Божьем и о делах, достойных смерти, однако совершают грехи и одобряют поступки грешников [11].

Христианство еще с ветхозаветных лет понимает брак как таинство мужчины и женщины, испрашивающих у Бога благодать на рождение и воспитание детей. При этом важно отметить распространение смысла самой популярной заповедной цитаты («Плодитесь и размножайтесь») не только на людей, но и на прочих живых существ (Быт. 1:22,28), однако, согласно заповеди, лишь человек удостоен составить «одну плоть» в любви (Быт. 2:24), «прилепившись» друг к другу, как известно нам из библейского сюжета о создании Богом мира и первых людей – Адама и Евы. Также брак ограждает человека от блуда, защищая, таким образом, общество. В то же время есть свидетельства того, что и в рамках христианской идеологии бытовали различные убеждения, в частности, гностики практиковали отход от ортодоксального христианства: например, барбелиты были вовлечены в гомосексуализм ритуального характера в целях исключения деторождения и сохранения девственной чистоты перед Богом.

Но в целом сексуальные деструкции в христианстве оцениваются как ересь и смертный грех, земная санкция за совершение которого возможна вплоть до отлучения от Церкви, на что указывали еще Григорий Нисский и Фома Аквинский. Позиция церкви в средние века и новое время оказывала достаточно сильное влияние на государство, что отражалось в негативном официальном отношении к сексуальным деструкциям, вплоть до казни.

Но со временем ситуация начинает меняться в пользу ультралиберализма, секуляризма и гомосексуального лоббизма и признания равных оснований и равного правового статуса гомосексуальных и гетеросексуальных отношений и построенных на них брачно-семейных отношений. Деформация представлений о социальной дискриминации и манипуляция сущностями и ценностями приводит теперь уже к активному влиянию государства на церковь с тем, чтобы признать и одобрить систему отношений, противоречащую естественной природе человека. В то же время очевидно, что преследование по признаку сексуальной ориентации неприемлемо в любые времена, но наличие различных форм сексуального поведения, что было характерно для всей истории человечества, не должно подвергать сомнению те нормы (и даже догмы), которые путем селекции выработаны на протяжении веков в целях сохранения человечества как биологического вида.

В понимании христианских верований РПЦ супружеский союз создан для преумножения человеческого рода двумя различными образами существования – мужчиной и женщиной, восполняющих друг друга. Это понимание любви, данной людям Богом, может быть извращено падшим миром и проявляться в греховном пристрастии человека к своему внутреннему «Я». В целом же, основной целью брака по канонам христианства, является именно продолжение рода, и намеренный отход от этого из этических соображений – несомненный грех.

В мусульманском обществе нормы, порицающие однополые связи, появились в Коране в период, датируемый ранним исламом. Мусульманские правоведы X века, принимая решения о мере наказания за гомосексуализм, нередко сомневались в выборе между двумя способами: хаддом, предполагающим конкретно установленное шариатом наказание, и тазазом, дисциплинарным наказанием, выходящим за рамки шариата. Турция как наследница Османской империи – одна из мусульманских стран с практически стопроцентным показателем приверженности ее граждан исламу, в связи с этим и вызвавшая интерес у британского издания «The Guardian»: с 1858 г. гомосексуальность была декриминализована, что осталось неизменным и в связи с образованием Турции в 1923 г.¹

Католическая церковь в 1965 г. закрепила в конституции *Gaudium et spes* (и последней в рамках завершающей сессии Второго Ватиканского Собора) естественность брака и супружеской любви, увенчивающихся рождением и воспитанием потомства (параграф 48)². В то же время, телевизионным каналом «Viasat History» была выпущена передача об истории христианства, которую вел сын англиканского священника и доктор богословия Оксфордского университета, рукоположенный в дьяконы – Диармайд Ниниан Джон Маккалок. Однако по причине своей нетрадиционной ориентации он был вынужден расстаться с «не выдержавшей» англиканской церковью, не допускающей внутрисистемного роста геев. По мнению ведущего, три столетия споров со времен Спинозы церковь испытывает революционные нападки на тему сексуальности и пола человека. Профессор, будучи гомосексуалом, особенно задается вопросом выбора нравственного приоритета человека в спорной ситуации.

¹ The Ottoman empire's secular history undermines sharia claims [Электронный ресурс]. - The Guardian. - Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/belief/2011/oct/07/ottoman-empire-secular-history-sharia>.

² Пастырская Конституция о церкви в современном мире GAUDIUM ET SPES, обнародованная Его Святейшеством Папой Павлом VI 7 декабря 1965 года [Электронный ресурс]. - The holy see. - Режим доступа: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_const_19651207_gaudium-et-spes_en.html.

Одним из собеседников ведущего стал ныне отставной епископ англиканской церкви – Николас Родерик Холтам, во-первых, указывающий на мировой характер проблемы гомосексуализма, проявляющейся в декриминализации последнего и выравнивании возраста согласия, с чем церкви примириться нелегко, а, во-вторых, утверждающий об отсутствии в Священном Писании сведений об однополых отношениях верующих и порицании Библией «совсем других вещей». Епископ отметил, что главное в отношениях – это «любовь, честность и вера»¹. На основе подробно проанализированного нами церковного взгляда на проблему гомосексуализма и написанного материала нам сложно согласиться с подобным заявлением Н. Холтама, не находящего аргументированного церковного запрета однополых отношений.

С течением времени наблюдается тенденция еще и законодательного ужесточения в отношении всех проявлений гомосексуальных отношений, например, в виде каторжных работ (Великобритания, XIX век). Преступниками стали и те, кто переодевался в несвойственные для их пола вещи, поскольку, по мнению властей, подобные наклонности связаны с гомосексуальностью. Ужесточение позиции законодателя, как уверяют специалисты, заставило людей приспосабливаться к условиям новой правовой реальности и искать пути решения в рамках правового поля. Одним из них стала хирургическая смена пола. Считается, что одним из первых медицинских учреждений, в котором проведена операция по удалению молочной железы и смене пола стала берлинская клиника при Институте сексуальных наук, которую основал М. Хиршфельд.

В то же время полное обособление морально-этической стороны вопроса от естественно-научных основ и причин существования транссексуализма невозможно и не целесообразно. Как показывает историческая практика, основанная только на таком обособлении борьба с ним, не имела успеха, не привела и, вероятно, не приведет к его искоренению. Напротив, современное общество все активнее сталкивается с легализацией новой социальной группы людей во многих странах мира, что свидетельствует о невозможности решения проблемы только правовыми средствами и воспитательными мерами, направленными на укрепление морально-этической основы существования общества, без совокупности медицинских, психологических, физиологических, биосоциологических и иных необходимых исследований, призванных объяснить реальное состояние и функционирование организма человека, склонного к отклонению от общей нормы по различным причинам – от некорректного формирования пола (например, синдром Свайера²) до многообразия репродуктивных практик, проявляющихся в социальности функции биологического пола по возвращению детей (гендерная теория антрополога М. Мид, которая считается автором термина «гендер») и гендерного конфликта [13], преодолеть который официальным запретом смены пола вряд ли получится.

При этом формирование пола и половая (гендерная) идентификация – явления связанные, но не одного ряда (отсюда разница, хотя и недостаточно ясная, в подходах к понятию пола и гендера). Половая идентификация происходит у ребенка примерно к полутора годам и может происходить на протяжении всей жизни; с возрастом ее объем и содержание претерпевает изменения. Признаки половой идентификации детей до конца не ясны, равно как и механизмы половой социализации³. Гендерная идентификация базируется, по большей части, на социальных факторах, отрицать влияние которых невозможно; корректная дифференциация биохимических и социальных причин гендерной идентификации достаточно сложна, что обуславливает сложности формирования официальной позиции в отношении смены пола.

¹ 06. BBC. Istoriya xristianstva. Bog pod sudom goda [E`lektronny` resurs]. - YouTube. - Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=0ruRw8R5MEQ> (In Russ.).

² Генетическое заболевание, при котором человек рождается с мужским набором половых хромосом XY, но женским телом ([12]).

³ Разработано несколько теорий, объясняющих процесс половой социализации: теории идентификации, половой типизации, самокатегоризации, которые акцентируют различные стороны этого процесса и, вероятно, дополняют друг друга (См., напр.: [14]).

Пол формируется последовательно, проходя в своем развитии через хромосомный, гонадный, соматический, нейронный и социальный этапы. Этапы не являются безусловно детерминированными их последовательностью и могут развиваться не в соответствии с генетикой. Тем не менее, биология, в противовес политкорректности, свидетельствует о фундаментальной дифференциации двух полов, нивелирование которой не только невозможно, но и ведет к психическому, а, далее, и к соматическому нездоровью общества. Современная психогенетика подтверждает абсолютную приоритетность генетического фактора гендера, изменение которого не подвержено социальным факторам¹.

В то же время тенденции социального развития накладывают свой отпечаток на половую идентификацию, создавая условия фильтрации новых вариаций гендерного развития и социализации. Традиционное общество было сосредоточено на биологической индивидуальности и идее сохранения, увеличения численности и воспроизводства народонаселения в целях коллективного выживания. По прошествии веков, постепенно человек начинает стремиться к социальной индивидуализации, установлению личного пространства, что обуславливает переход от строго биологического к социальному функционалу (социальные факторы превалируют над природными, геофизическими; естественная природная среда замещается искусственной социальной средой). Эпоха Модерна и Постмодерна основывается на принципиально иных условиях выживания и адаптации к быстро меняющейся среде, ином социальном целеполагании, зонах комфорта, что отражается на репродуктивных практиках и гендерной идентификации (появление принципиальной «социальной бесполости»). Сформированная в последние несколько десятилетий социальная среда перестает справляться или сознательно отказывается от трансляции гендерной определенности, что создает условия самостоятельного поиска этой определенности, в том числе путем трансгендерного перехода (отсюда и акцентация термина «гендер» как социального конструкта и обозначения социального пола).

Гендерная неопределенность, трансгендерность начинают выполнять функцию социальной адаптации к внешним условиям жизнедеятельности; появляются практики репродуктивной имитации (заключение официальных браков и усыновление детей). Все эти факторы существеннейшим образом осложняют формирование государственной политики и правового регулирования в области смены пола и, как следствие, в области демографии и стабилизации оптимальных условий для репродукции. Государству, которое стремится к сохранению традиционной гендерной социальной стратификации как условию дальнейшего развития, необходимо противопоставить эффективные механизмы противодействия тем социальным системам, которые пытаются взять на себя функции социальной стабилизации и формирования жизненной траектории в условиях прогрессирующей гендерной неопределенности и стремления к индивидуальному выживанию.

Усиление идей либеральных ценностей, оказавшее колоссальное влияние на трансформацию философско-аксиологических основ современной цивилизации, неуклонно ведет к радикализации позитивного социально значимого восприятия транссексуализма и смены пола, что прослеживается, прежде всего, в решениях различных европейских и международных официальных структур, направленных на максимальную поддержку гендерных аномалий, имеющих не медицинское, а социально-поведенческое обоснование, обусловленное, теперь уже, и соответствующим воспитанием несовершеннолетних лиц, используя различные образовательные институции. Так, ВОЗ 6 июля 2022 г. заявила на своем сайте о выходе за рамки бинарного подхода к пониманию пола, что означает одобрение на мировом уровне всех форм проявления гендера и сексуального разнообразия. Соответствующие поправки внесены в руководство «Учет гендерной проблематики для руководителей здравоохранения: гендерный подход» (принято ВОЗ еще в 2011 г.). ВОЗ указывает на недопущение дискриминации в области гендерной идентичности и самовыражения, сексуальной ориентации.

¹ <https://spb.hse.ru/ixtati/news/473196989.html>

Как известно, был поставлен вопрос о выходе России из ВОЗ. Руководство МИД РФ отрицательно отреагировал на возможность такого решения, полагая выход невыгодным для России, экономически взаимодействующей с другими государствами¹. В то же время состоялась денонсация отношений с официальными европейскими структура (ЕСПЧ, ЕКПЧ), что, с одной стороны, сужает для граждан РФ возможности международно-правовой защиты прав, свобод и законных интересов, но с другой стороны, дает дополнительные гарантии для российского государства в продвижении собственной суверенной политики ценностей и минимизации возможностей лоббирования нетрадиционных сексуальных отношений на территории Российской Федерации.

Официальная позиция российского государства в отношении семьи и брака является достаточно стабильной. Если проследить ее развитие с конца XIX века по настоящее время, то можно констатировать, что, несмотря на наличие различных концептуальных подходов к толкованию сущности брака и отсутствие его прямой дефиниции в нормативных актах, под браком всегда понимался союз именно мужчины и женщины. Подобный вывод можно сделать, применив буквальное толкование:

статьи 3 Свода законов Российской империи, устанавливающей возрастные критерии для мужчины и женщины, вступающих в брак²;

статьи 103 этого же акта, определяющей порядок следования жены за мужем в случае смены постоянного места жительства, среди которых поступление на службу и переселение;

статьи 66 (аналогична статье 3 Свода законов Российской империи) и статьи 100 первого советского Семейного кодекса (последняя устанавливала варианты приобретения фамилии молодоженами: мужа (жениха), жены (невесты) или двойная)³;

статьи 7 советского Семейного кодекса 1926 года, логически продолжающего развитие мысли о несении супругами фамилии. Так, устанавливалось право заявления о ношении ими общей фамилии мужа, жены или оставлении каждым из них добрачной фамилии;

статьи 13 этого же Кодекса, не допускающей умаления имущественных прав жены или мужа в соглашениях и указывающей на их недействительность как них самих, так и для третьих лиц⁴;

статьи 1 Кодекса о браке и семье РСФСР, содержащего основные положения о началах семьи в виде добровольности брачного союза мужчины и женщины⁵;

пункта 3 статьи 1 ныне действующего Семейного кодекса РФ, продолжившего мысль своего предшественника и также закрепившего модель брака через описание его участников – мужчины и женщины⁶.

Такая последовательность официальной позиции государства, транслируемая через законодательство о браке и семье, свидетельствует о традиционности понимания сущности и содержания брачно-семейных отношений. Преемственность мысли особенно интересна в силу обширности спектра общественных отношений, коррелирующего этому социальному

¹ МИД РФ: Россия не будет выходить из ВОЗ [Электронный ресурс]. - Официальный интернет-портал редакции Коммерсантъ. - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5368309>

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832 [утратил силу]. – Официальный интернет-портал президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина <https://www.prilib.ru/item/364027>

³ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [закон: принят на сессии ВЦИК 16 сен. 1918 г.: утратил силу] (вместе с Инструкцией об освидетельствовании душевнобольных). // СУ РСФСР. 1918. № 76 – 77.

⁴ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) [постановление: утратило силу]. // СУ РСФСР. 1926. № 82.

⁵ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 б/н [закон: утв. Верх. Советом РСФСР 30 июля 1969 г.: утратил силу] // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32.

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

институту, и общество находится в постоянной динамике под влиянием различных факторов, способствующих, а зачастую, и провоцирующих на осознание и интерпретацию тех или иных социальных феноменов в новом ракурсе, с позиции нового знания, что отражается и на смыслах брачно-семейных отношений.

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 были определены национальные цели развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.¹ Достижение этих целей должно обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие Российской Федерации, укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличение численности населения страны и повышение уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру. Такой подход к стратегическому планированию социально-экономическому развитию и политике национальной безопасности имеет потенциал обеспечить реализацию функции стабилизации системы общества посредством безусловной социальной ориентированности, поддержки брачно-семейных отношений и детей в любых типах семей, а также поддержки традиционных религий как института продвижения исторически выработанной социальной традиции.

В этом контексте одна из основных задач национального семейного законодательства состоит в определении механизма реализации прав личности в сфере семейных отношений (статья 2 СК РФ). При этом безусловный приоритет следует отдавать защите семьи от разрушения и создания условий угрозы разрушения. Выполнению данной задачи способствует системное комплексное исследование научной проблемы транссексуализма и необходимости формирования эффективной правовой доктрины в области медицинской коррекции аномалии полового развития человека как условия последующего стратегического развития российского законодательства.

Список источников

1. Зубарева О. Г., Ступина Н. В. Этико-правовые аспекты смены социального и (или) биологического пола: последние тенденции российского и зарубежного законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 144–153. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-144-153>
2. Зубарева О. Г. Правовые аспекты коррекции половой принадлежности в системе российского законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 80–85. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-3-80-85>. EDN BQZAQW
3. Мюллер Э. Гомосексуализм в истории. Институт библейских исследований, информационный бюллетень Номер 45 Январь 2014. https://bri.esd.adventist.org/uploaded_assets/85271-65457.pdf?thumbnail=original&1464165527
4. Ronald M. Springett. Homosexuality in History and the Scriptures (Silver Spring: Biblical Research Institute of the General Conference, 1988), 34.
5. Donald J. Wold. Out of Order: Homosexuality in the Bible and the Ancient Near East (Grand Rapids: Baker Books Publishing Company, 1998), 56.
6. Saana Teppo, «Sacred Marriage and the Devotees of Ístar», in Sacred Marriages: The Divine-Human Sexual Metaphor from Sumer to Early Christianity, ed. Marti Nissinen and Risto Uro (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2008), 76.
7. James B. De Young. Homosexuality: Contemporary Claims Examined in the Light of the Bible and Other Ancient Literature and Law (Grand Rapids: Kregel Publications, 2000), 87.
8. Платон. Пир. Апология Сократа / Платон; переводчики С. К. Апт, М. С. Соловьев. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 89 с.
9. Иванова Т. А. Развитие платоновской идеи андрогина в гностической и средневековой философии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rhga.ru/upload/iblock/ca7/ca7f1aec3b1d7b097aa1d70003bfb99e.pdf>

¹ Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

10. Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме / пер. Игоревский Л. А. М.: Центрполиграф, 2023. 431 с.
11. Протоиерей Прокопчук, А. Послания святого апостола Павла: комментарии и богословие. М.: ПСТГУ, 2017. 130 с.
12. Газизова Г. Р., Валеева Ф. В., Шайдуллина М. Р., Акбирова Э. И. Синдром Свайера // Медицинский вестник Юга России. 2020. № 11(3). С. 65–68.
13. Туринцева Е. А. Трансформации пола и гендера в современности: биосоциологический аспект // Социология. 2023. № 3. С. 35–48.
14. Жуков Д. Биология поведения. Гуморальные механизмы. М.: Изд-во «Речь», 2007. 443 с.

References

1. Zubareva O. G., Stupina N. V. Ethical and legal aspects of the change of social and (or) biological sex: recent trends in Russian and foreign legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):144–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-144-153>
2. Zubareva O. G. Legal aspects of gender correction in the system of Russian legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(3):80–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-80-85>. EDN BQZAQW
3. Muller E. *Homosexuality in history*. Institute of Biblical Studies, Newsletter Number 45 January 2014. Available from: https://bri.esd.adventist.org/uploaded_assets/85271-65457.pdf?thumbnail=original&1464165527
4. Ronald M. Springett. *Homosexuality in History and the Scriptures* (Silver Spring: Biblical Research Institute of the General Conference, 1988), 34.
5. Donald J. Wold. *Out of Order: Homosexuality in the Bible and the Ancient Near East* (Grand Rapids: Baker Books Publishing Company, 1998), 56.
6. Saana Teppo, «*Sacred Marriage and the Devotees of Ístar*», in *Sacred Marriages: The Divine-Human Sexual Metaphor from Sumer to Early Christianity*, ed. Marti Nissinen and Risto Uro (Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2008), 76.
7. James B. De Young. *Homosexuality: Contemporary Claims Examined in the Light of the Bible and other Ancient Literature and Law* (Grand Rapids: Kregel Publications, 2000), 87.
8. Plato. *Pir. The Apology of Socrates* / Plato; translators S. K. Apt, M. S. Solovyov. Moscow: Yurait Publishing House; 2023. 89 p. (In Russ.)
9. Ivanova T. A. *The development of Plato's androgynous idea in Gnostic and medieval philosophy* [Electronic resource]. Available from: <https://rhga.ru/upload/iblock/ca7/ca7f1aec3b1d7b097aa1d70003bfb99e.pdf>
10. Kiefer O. *Sexual life in Ancient Rome*. Transl. Igorevsky L. A. Moscow; 2023. 431 p. (In Russ.)
11. Archpriest Prokopchuk, A. *The Epistles of the Holy Apostle Paul: comments and theology*. Moscow: PSTSU; 2017. 130 p. (In Russ.)
12. Gazizova G. R., Valeeva F. V., Shaidullina M. R., Akbirova E. I. Swayer syndrome. *Medical Bulletin of the South of Russia*. 2020;11(3):65–68. (In Russ.)
13. Turintseva E. A. Transformations of gender and gender in modernity: a biosociological aspect. *Sociology*. 2023;(3):35–48. (In Russ.)
14. Zhukov D. *Biology of behavior. Humoral mechanisms*. Moscow: Publishing house "Speech"; 2007. 443 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. А. Душакова – доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и служебного права ЮРИУ РАНХиГС.

О. Г. Зубарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права.

Information about the authors

L. A. Dushakova – Doct. Sci. (Law), Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of RANEPA.

O. G. Zubareva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Civil and Business law, South-Russian Institute of Management of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 03.08.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 24.08.2024. The article was submitted 03.08.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 24.08.2024.

Параллельный импорт как актуальная проблема правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности

Сергей Анушаванович Григорянц¹, Татьяна Гайковна Чебоньян²,
Виктория Сергеевна Гончарова³

^{1,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Гайковна Чебоньян, chebonyan@gmail.com

Аннотация

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несмотря на развитость системы правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности, активные изменения экономической стороны жизни государства определяют необходимость законодателя реагировать на возникающие вызовы. Особое внимание уделяется такой проблеме как прекращение сотрудничества западных корпораций с российским рынком и появление «параллельного импорта», предполагающее, что товары из списка, утвержденного Минпромторгом, можно легально покупать за границей несмотря на то, что они принадлежат компаниям из стран, не поддерживающих дружеские отношения с Россией. *Целью* исследования является рассмотрение одной из актуальных проблем правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности – законодательной техники легализации параллельного импорта.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты РФ, монографические исследования и научные статьи отечественных теоретиков и практиков по вопросам правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности. К основным методам исследования относятся нормативный и сравнительно-правовой.

Результаты, выводы. Следует отметить, что система правового регулирования параллельного импорта и освобождения от ответственности предпринимательского сектора за его реализацию, сформировала на практике ряд проблемных вопросов. В частности, согласно законодательным нововведениям запрет на использование объектов интеллектуальной собственности путем их параллельного импорта уходит в прошлое, тем не менее, беспокойство вызывает формулировка и юридическая структура вступивших в силу изменений, буквальное толкование которых позволяет заключить, что на данный момент любой предприниматель может беспрепятственно адаптировать способы приобретения объектов интеллектуальной собственности зарубежных правообладателей для дальнейшей перепродажи, чей продукт подлежит к параллельному импорту, что не соответствует основным задачам закона. В целом, рассматривая спорную природу параллельного импорта, следует заключить, что данная процедура не является новой для международной юридической доктрины и применима в гражданском обороте многих стран. Предназначение легализации параллельного импорта видится в предоставлении поддержки отечественному предпринимательскому сектору через ограничение ряда экономических выгод для зарубежных производителей, носящее временный характер.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, правовое обеспечение, проблемы государственного регулирования, регулирование предпринимательства, конституционное регулирование

Для цитирования: Григорянц С. А., Чебоньян Т. Г., Гончарова В. С. Параллельный импорт как актуальная проблема правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 115–120. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-115-120>. EDN LVWARX

Original article

Parallel import as an urgent problem of legal support for state regulation of entrepreneurial activity

Sergey A. Grigoryants¹, Tatyana G. Chebonyan², Victoria S. Goncharova³

^{1,3}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatyana G. Chebonyan, chebonyan@gmail.com

Abstract

The significance of this research topic emerges from the evolution within the legal framework supporting state regulation of entrepreneurial activities, alongside significant shifts in the economic sphere of state affairs. These shifts prompt a legislative response to new challenges. A focal issue is the cessation of partnerships between Western corporations and the Russian market, coupled with the rise of «parallel imports». This phenomenon entails the legal purchase of goods listed by the Ministry of Industry and Trade from abroad, even if they originate from countries that lack amicable ties with Russia.

The purpose of the study is to consider one of the urgent problems of legal support for state regulation of entrepreneurial activity – the legislative technique of legalizing parallel imports.

Materials and methods. The research materials were normative legal acts of the Russian Federation, monographic studies and scientific articles by domestic theorists and practitioners on the legal support of state regulation of entrepreneurial activity. The main methods of scientific research include the normative and comparative legal method.

Results and conclusions. It should be noted that the system of legal regulation of parallel imports and exemption from liability of the business sector for its implementation has formed a number of problematic issues in practice. In particular, according to legislative innovations, the ban on the use of intellectual property objects through their parallel import is a thing of the past, however, the wording and legal structure of the changes that have entered into force are of concern, the literal interpretation of which allows us to conclude that at the moment any entrepreneur can freely adapt the methods of acquiring intellectual property objects of foreign rightholders for further resale whose product is subject to parallel import, which does not correspond to the main objectives of the law. In general, considering the controversial nature of parallel imports, it should be concluded that this procedure is not new to international legal doctrine and is applicable in the civil turnover of many countries. The purpose of legalizing parallel imports is seen in providing support to the domestic business sector through limiting a number of economic benefits for foreign producers, which is temporary.

Keywords: entrepreneurial activity, legal support, problems of state regulation, regulation of entrepreneurship, constitutional regulation

For citation: Grigoryants S. A., Chebonyan T. G., Goncharova V. S. Parallel import as an urgent problem of legal support for state regulation of entrepreneurial activity. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):115–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-115-120>. EDN LVWARX

О начале правовой практики фактической легализации параллельного импорта можно говорить в силу принятия Постановления № 506 от 29.03.2022, позволяющего сделать исключение из правил гражданского законодательства относительно защиты интеллектуальной собственности для определенного законом перечня товаров, импортируемых из недружественных стран¹.

Цель исследования заключается в анализе существующего законодательства, касающегося определения правового режима параллельного импорта.

¹ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства РФ. 04.04.2022. № 14. Ст. 2286.

В соответствии с поставленной целью необходимо выполнить следующие задачи:

- провести анализ разработанной в Российской Федерации системы установления правового режима легализации параллельного импорта;
- выявить правовые коллизии, ставшие преградой для предпринимателей при практическом использовании инструмента параллельного импорта с целью эффективизации решения актуальных проблем, связанных с государственным регулированием предпринимательской деятельности в современных условиях.

Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты РФ, монографические исследования и научные статьи отечественных теоретиков и практиков по вопросам правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности. К основным **методам** научного исследования относятся нормативный и сравнительно-правовой метод.

Исследование показало, что концепция «исчерпания права» значительно влияет на регулирование параллельного импорта и лежит в основе системы обеспечения защиты права интеллектуальной собственности многих государств, поскольку данная концепция ограничивает права владельцев объектов интеллектуальной собственности после первичного введения товаров в оборот, причем с разрешения или по инициативе правообладателей. В разных странах применяются разнообразные теоретические подходы к определению принципа исчерпания права, в том числе международный, национальный и региональный, выбор которого зависит от конкретной правовой ситуации и стадии реализации товаров на рынке.

В Российской Федерации требования гражданского законодательства предопределяет применение национального принципа исчерпания права, упомянутого в статьях 1359 и 1487 ГК РФ¹. Так, указанные статьи закона содержат положения, согласно которым продукция, содержащая элементы интеллектуальной собственности и введенная в обращение на территории страны с согласия правообладателя, не нарушает права при её импорте, коммерческом использовании или хранении, тогда как параллельный импорт товаров в Россию подразумевает их ввоз без одобрения правообладателя, что не исключает сохранение у него исключительных прав на элементы индивидуализации интеллектуальной собственности, использованные в импортируемом товаре.

Принятие вышеуказанного Постановления № 506 было продиктовано необходимостью внедрения разрешительного правового режима для параллельного импорта определенных категорий товаров, тем самым «пересматривая» национальный принцип исчерпания прав и переходя к международному. Тем не менее, законодательная техника, избранная для обеспечения правового режима реализации параллельного импорта, вызывает ряд вопросов. Так, в тексте Постановления указывается, что на основании федеральных предложений, Министерство промышленности и торговли РФ должно утверждать перечень товаров или групп товаров, для которых не будут применяться положения подпункта б статьи 1359 и статьи 1487 ГК РФ, если товары (или группы товаров) введены в оборот вне РФ правообладателями или с их согласия [1, с. 4].

Формально стремясь к закреплению исключения из принципа исчерпания права, фактически законодательство предопределило, что для импортозамещенных товаров, даже после законного вхождения на российский рынок с разрешения правообладателя, не происходит исчерпание права собственности, и владельцы интеллектуальной собственности сохраняют возможность защищать свои права. Кроме того, данное положение находится в противоречии с принципами урегулирования параллельного импорта, акцентируя внимание на необходимости обращения к официальным комментариям, опубликованным на сайте Правительства РФ для корректного применения и толкования Постановления № 506.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Следует также заметить, что Постановление № 506 разрешает параллельный импорт значительных для российского общества иностранных товаров без необходимости получения разрешения правообладателей, освобождая от юридической ответственности российских предпринимателей за реализацию таких операций [2, с. 59].

Параллельный импорт, служащий для обеспечения присутствия требуемой продукции на рынке и сохранения стабильности цен, приобретает особый статус в нынешней экономической ситуации, когда вводятся рыночные ограничения международными производителями. Обладающий значимостью как экономический регулятор, параллельный импорт помогает избегать перебоев в поставках и неоправданного завышения цен на ряд продукции, следовательно, государственное регулирование предпринимательской деятельности в условиях санкций ориентировано на регулирование бизнес-процессов, фокусируясь в основном на предупреждении товарного дефицита и контроле за ценами. Таким образом, вопросы законности параллельного импорта следует связывать прежде всего не с политическими условиями межгосударственных взаимоотношений или санкциями, а с экономической необходимостью.

В настоящее время параллельный импорт в России регулируется приказом Министерства промышленности и торговли от 21.07.2023 № 2701, который является важным источником информации для анализа, содержащим подробную информацию о правилах и ограничениях, связанных с параллельным импортом¹.

Важно отметить, что список товаров, разрешенных для параллельного импорта, не является окончательным, поскольку он регулярно обновляется, и изменения вносятся каждый квартал в зависимости от изменений на рынке. В список могут добавляться или исключаться определённые товары от различных производителей. Например, в процессе обновления списка учитывается регулирование параллельного импорта для продуктовых брендов, которые продолжают поставки на российский рынок.

Таким образом, параллельный импорт товаров в Российскую Федерацию разрешен, но только в отношении продукции, указанной в официальном перечне Министерства промышленности и торговли, тогда как для других видов товаров действует упомянутый принцип национального исчерпания прав, что по-прежнему предусматривает запрет на их безрегламентный ввоз в страну. Дополнением к вышеупомянутому Постановлению № 506 следует добавить Федеральный закон № 213-ФЗ от 28.06.2022, внесший дополнение в вопросы исключения из правил защиты интеллектуальных прав, позволяющих освободить от ответственности предпринимателей за применение такого инструмента как параллельный импорт в силу непризнания данной процедуры нарушением исключительных прав². Реализация дополнений, введенных указанным законом, имеет важное значение, однако не является достаточным, поскольку Росфинмониторинг до сих пор не сформулировал конкретные критерии для разграничения параллельного импорта и нелегальных операций.

В условиях повышенного давления на отечественные экономические структуры, государство, используя законодательные полномочия, в соответствии с необходимостью вводит целевые меры для противодействия санкциям от «недружественных» стран. Центральный банк России, в частности, мобилизует все доступные юридические инструменты для

¹ Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701 (ред. от 16.01.2024) «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.05.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.08.2023.

² Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2022. № 27. Ст. 4614.

оперативной адаптации к рискам, угрожающим предпринимательскому сектору, одним из которых можно считать и легализацию параллельного импорта. При этом многочисленной составляющей регулирования правового режима государственного регулирования предпринимательской деятельности становятся информационные письма Центрального банка и принимаемые решения его Совета директоров, приобретая роль основы для введения отдельных регуляторных решений [3, с. 235].

После введения санкций со стороны недружественных государств сектор предпринимательства не демонстрировал значительного роста, поскольку эффективность государственной политики в области регулирования предпринимательской деятельности оказалась недостаточной для достижения желаемых результатов, о чём свидетельствуют данные ФНС России о количестве зарегистрированных предпринимателей и их сотрудников. Несмотря на принятые меры поддержки, большая их часть не достигает своих целей, поскольку они направлены в основном на уже успешные компании, тогда как современное предпринимательство в значительной степени опирается на розничную торговлю, для которой применение ряда регуляторных мер оказывается непосильным и имеет недостаточную продолжительность [4, с. 230].

Временный характер реализации процедуры параллельного импорта вместе с тем сопряжен с необходимостью комплексного подхода к ее регулированию, например, всесторонней проверке как российского покупателя, так и иностранного поставщика, чтобы отделять легитимные операции от подозрительных. Особое внимание следует уделить опасности неправомерного перевода средств за границу под видом параллельного импорта через манипуляции с ценами или объемами поставки товаров через связанные зарубежные структуры, подлежащие возможному регулированию через издание разъяснений от Банка России.

Кроме того, необходимо осветить проблематику, связанную с уровнем совершенства и глубины разработки юридических элементов рассматриваемого закона, вызывающую серию правовых коллизий. Так, в тексте этого законодательного акта присутствуют инновации, которые можно интерпретировать как разрешение для различных частных лиц применять интеллектуальные права зарубежных собственников через разные стратегии в контексте параллельного импорта, однако такой подход, на первый взгляд, кажется противоречивым исходной миссии закона, так как первоначальная задача закона состояла в освобождении от юридических обязательств российского предпринимательского сектора, участвующего в процедуре параллельного импорта и выпуска продукции на внутреннем рынке, что предполагалось для усиления бизнес-инициатив в пределах страны [5, с. 90].

Несмотря на это, довод о том, что разрешение параллельного импорта в России наносит ущерб правам иностранных правообладателей, оказывается необоснованным. Во многих странах по всему миру, примерно в полусотне из них, действуют международные или региональные нормы, которые разрешают параллельный импорт с юридической точки зрения. Система государственного регулирования предпринимательской деятельности России, в частности определяющей правовой режим импорта определённых категорий товаров, не приводит к аннулированию исключительных прав иностранных субъектов интеллектуальной собственности. Скорее, эта мера временно ограничивает экономические выгоды, которые ранее обеспечивались основными принципами исчерпания права, вместе с абсолютным запретом на параллельный импорт [6, с. 268].

Список источников

1. Львова Е. А. Государственное регулирование и поддержка предпринимательской деятельности // Столыпинский вестник. 2023. № 2. С. 1–7.
2. Абрамов В. Ю. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности. М.: Юстицинформ, 2023. 320 с.

3. Баттахов П. П. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе // *Право и государство*. 2023. № 4. С. 234–239.

4. Могилевский Г. А. Параллельный импорт как форма реализации международного принципа исчерпания исключительного права // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 2. С. 229–231.

5. Шахназаров Б. А. Параллельный импорт и исчерпание исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2023. 168 с.

6. Панова Е. А. Параллельный импорт: теория, практика и специфика в условиях санкционных ограничений // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2023. № 5. С. 262–279.

References

1. Lvova E. A. State regulation and support of entrepreneurial activity. *Stolypin Bulletin*. 2023;(2):1-7. (In Russ.)

2. Abramov V. Yu. *Legal regulation of new types of entrepreneurial activity*. Moscow: Justicinform; 2023. 320 p. (In Russ.)

3. Battakhov P. P. State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present stage. *Law and the State*. 2023;(4):234–239. (In Russ.)

4. Mogilevsky G. A. Parallel import as a form of implementation of the international principle of exhaustion of exclusive rights. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(2):229–231. (In Russ.)

5. Shakhnazarov B. A. *Parallel import and exhaustion of exclusive intellectual property rights*. Moscow: Prospekt; 2023. 168 p. (In Russ.)

6. Panova E. A. Parallel import: theory, practice and specificity in conditions of sanctions restrictions. *Moscow University Economic Bulletin*. 2023;(5):262–279. (In Russ.)

Информация об авторах

С. А. Григорянц – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права РГЭУ (РИНХ).

Т. Г. Чебоньян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала РГУП.

В. С. Гончарова – магистрант РГЭУ РИНХ.

Information about the authors

S. A. Grigoryants – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Rostov State University of Economics.

T. G. Chebonyan – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law, Rostov branch of Russian State University of Justice.

V. S. Goncharova – Undergraduate student, Russian State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Проблемы законодательного регулирования объектов, созданных с использованием дипфейк-технологии в России и за рубежом

Татьяна Владимировна Епифанова¹, Константин Игоревич Копейкин²

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹profepifanova@gmail.com

²kopeykin-kostya@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть вопросы правового регулирования и охраны новых объектов, возникающих в процессе развития творчества в интернете. Авторы разбираются с правовой регламентацией объектов, созданных с использованием дипфейк-технологии (Deepfake) в России и за рубежом и обосновывают, почему дипфейк при определенных условиях можно отнести к такому объекту авторского права, как произведение. Рассматривают передовой опыт регулирования технологий дипфейков в различных странах, добившихся наибольших успехов в правовом регулировании дипфейков (США, Китай и Сингапур). Основным выводом статьи является формулировка предложений по совершенствованию российского законодательства для урегулирования проблемных моментов, связанных с созданием дипфейков.

Ключевые слова: авторское право, правовое регулирование, дипфейк, технология дипфейков, распространение дезинформации

Для цитирования: Епифанова Т. В., Копейкин К. И. Проблемы законодательного регулирования объектов, созданных с использованием дипфейк-технологии в России и за рубежом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 121–128. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-121-128>. EDN KMWGMQ

Problems of Civil and Business Law

Original article

Problems of legislative regulation of facilities created using deepfake technology in Russia and abroad

Tatyana V. Epifanova¹, Konstantin I. Kopeykin²

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹profepifanova@gmail.com

²kopeykin-kostya@mail.ru

Abstract. The article attempts to consider the issues of legal regulation and protection of new objects that arise in the process of developing creativity on the Internet. The authors examine the legal regulation of objects created using deepfake technology in Russia and abroad and substantiate why deepfake, under certain conditions, can be classified as such an object of copyright as a work. They consider the best practices in regulating deepfake technologies in various countries that have achieved the greatest success in legal regulation of deepfakes (USA, China and Singapore). The main conclusion of the article is the formulation of proposals for improving Russian legislation to regulate problematic issues associated with the creation of deepfakes.

Keywords: copyright, legal regulation, deepfake, deepfake technology, dissemination of disinformation

For citation: Epifanova T. V., Kopeykin K. I. Problems of legislative regulation of facilities created using deepfake technology in Russia and abroad. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):121–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-121-128>. EDN KMWGMQ

Ежедневно появляются новые формы контента – такие, как дипфейки, интернет-мемы и видеоигры и др. Законодательство объективно не успевает за развитием технологического творчества и в связи с этим возникают трудности правового регулирования новых объектов авторского права возникает необходимость пересмотра существующих норм законодательства. Для нас, для юристов, важно понимать, что если в процессе творческого труда возникает объект авторского права, которого нет в перечне ГК РФ, такой объект может быть охраняем, если демонстрирует оригинальность и творческий подход.

Особенно много споров возникает по новым формам творчества, распространяемых в социальных сетях, таких как дипфейки и интернет-мемы. Эти новые формы творчества вызывают много вопросов. Например, дипфейки могут нарушать права личности, а мемы – быть объектом как авторского, так и смежного права. Важно учитывать, особенности создания этих произведений, использующих изображения людей или созданные на основе существующих произведений, все это вызывает споры о правомерности их использования. В нашей статье мы уделим пристальное внимание дипфейкам.

Что же такое дипфейк и может ли он быть объектом авторского права?

Термин «дипфейк» (deepfake) происходит от двух английских слов: deep learning – «глубокое обучение» и fake – «фальшивый». В большинстве случаев в основе метода лежат генеративно-состязательные нейросети (GAN)¹.

Дипфейк – это технология, использующая искусственный интеллект и машинное обучение для создания поддельных видеозаписей или аудиозаписей, в которых лица или голоса людей заменяются на других. Это позволяет, например, делать так, чтобы одно лицо говорило или делало что-то, что на самом деле не происходило.

Технология дипфейков основана на алгоритмах глубокого обучения, которые анализируют и обрабатывают большое количество изображений и видео, чтобы создать реалистичные подделки. Дипфейки могут использоваться в различных сферах, включая развлечение (например, в кино и видеоиграх), но также вызывают опасения по поводу злоупотреблений, таких как распространение дезинформации или создание компрометирующих материалов. Это тревожный факт. Научным журналом «iScience», был проведен эксперимент: испытуемым показали 16 видеороликов, половина из которых была сделана с помощью технологии «дипфейк». В результате большая часть таких роликов осталась неузнанной. При этом испытуемые были крайне уверены в своих силах и правоте и не сомневались, делая выбор [1, с. 12]. Эксперименты, подобные описанному, показывают, как легко люди могут быть обмануты дипфейками. Участники часто уверены в своей способности отличить правду от лжи, что делает их более уязвимыми к манипуляциям.

Качество современных дипфейков достигло такого уровня, что даже непрофессионалы могут создавать убедительные видео с помощью доступных инструментов.

Большую часть всех дипфейков (96%), распространенных в интернете по данным 2019 года, занимают дипфейки порнографического содержания [2, с. 216], именно поэтому важно развивать технологии для автоматического обнаружения дипфейков и внедрять законодательные меры для защиты от их злоупотребления. Общество должно быть готово к тому, чтобы справляться с последствиями, которые могут возникнуть из-за распространения дезинформации через такие видео.

Между тем технология сама по себе не является отрицательной и может использоваться и во благо, она способна помочь решить целый ряд вопросов – например, использовать в кино образы ушедших актеров, которые из-за кончины не успели закончить работу в кинопроекте, обеспечить органичный перевод видеороликов на разные языки, смоделировать внешность известных исторических личностей и т.п. [2, с.219]. Примером позитивного использования технологии является кейс американского актера Брюса Уиллиса, который

¹ Обзор технологий создания Deepfake и методов его выявления – Научно-технический центр ФГУП "ГРЧЦ" (НТЦ) - <https://rdc.grfc.ru/2020/06/research-deepfake/> (дата обращения: 28.08.2024).

из-за серьезного заболевания не может продолжить свою карьеру и в 2022 году принял решение продать свой образ компании Deepfake для создания «цифрового двойника для использования его образа в рекламе и фильмах, в том числе в российской рекламе «Мегафон»¹. Пример с Брюсом Уиллисом демонстрирует, как цифровые технологии могут помочь сохранить наследие актеров и продолжить их карьеру, даже когда они сталкиваются с серьезными заболеваниями. Однако использование цифровых двойников также поднимает ряд этических вопросов. Например, кто имеет право контролировать использование образа актера после его смерти или в случае болезни? Как обеспечить, чтобы такие технологии не использовались для манипуляции или обмана зрителей?

В случае как с рекламой «Мегафона», важно, чтобы зрители были осведомлены о том, что они видят дипфейк, чтобы избежать недопонимания и манипуляций. Это подчеркивает необходимость разработки четких стандартов и правил для использования таких технологий в индустрии развлечений и рекламы.

С точки зрения правового регулирования, дипфейк с некоторыми ограничениями можно отнести к такому объекту авторского права как произведение. В соответствии с Гражданским кодексом РФ, произведение охватывает широкий спектр творческих результатов. В соответствии с абзацем 1 ст. 1259 ГК РФ объектами авторского права являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также способов его выражения. Таким образом, дипфейки могут быть признаны объектом авторского права, но это зависит от различных факторов².

1. Авторские права на исходные материалы: Если для создания дипфейка используются защищенные авторским правом изображения или видео, то правообладатель этих материалов может иметь право на защиту.

2. Оригинальность: Если дипфейк является оригинальным произведением, созданным с использованием собственных алгоритмов и данных, он также может подпадать под защиту авторским правом.

3. Лицензии и разрешения: Использование изображений или видео других людей без их разрешения может привести к нарушениям авторских прав, даже если конечный продукт является дипфейком.

4. Этические и правовые аспекты: Даже если дипфейк может быть защищен авторским правом, его создание и распространение могут вызывать этические и правовые вопросы, особенно если он используется для манипуляции или дезинформации.

В российском гражданском законодательстве нет конкретной статьи, которая бы прямо регулировала дипфейки. Однако несколько статей Гражданского кодекса РФ могут быть применены в контексте использования дипфейков:

Статья 152.1 – охрана изображения гражданина. Эта статья регулирует использование изображения без согласия лица, что может быть актуально при создании дипфейков.

Статья 150 – в части защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности. Если дипфейк включает элементы авторских прав, то эта статья может быть применима.

Статья 1064 – общие основания ответственности за причинение вреда. Если использование дипфейка приводит к ущербу (например, к порче репутации), то можно обратиться к этой статье.

Таким образом, для правового регулирования дипфейков может потребоваться комплексный подход с учетом различных норм Гражданского кодекса и других законодательных актов, касающихся защиты прав личности и интеллектуальной собственности и вопрос

¹ Актер Брюс Уиллис продал права на свой образ компании Deepfake - Forbes Life - <https://www.forbes.ru/forbeslife/478431-akter-brus-uillis-prodal-prava-na-svoj-obraz-kompanii-deepfake> (дата обращения: 26.08.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // <http://pravo.gov.ru/ips/> (дата обращения 29.08.2024).

о том, может ли дипфейк быть объектом авторского права, требует учета контекста его создания и использования.

Судебная практика по делам с дипфейками (deepfakes) на данный момент находится на стадии формирования, поскольку технология стремительно продолжает развиваться, а правовые системы как российские так и зарубежные не успевают так быстро адаптироваться к новым вызовам. Если обратиться к международной практике, то прецедентов пока не так много, но тем не менее судебная практика начинает понемногу формироваться.

Так в 2018 г. в Калифорнии были приняты законы AB 602 (Assembly Bill No. 602)¹ и AB 730 (Assembly Bill No. 730)², который запрещает создание и распространение дипфейков, использующих изображения людей в порнографическом контексте без их согласия, а также с целью причинения вреда, обмана или манипуляции, особенно в контексте порнографии и выборов, в настоящий момент в США на стадии разработки находятся четыре законопроекта, касающихся дипфейков. Если они будут приняты, подобные видео обяжут маркировать – указывать, что это фейк, и называть его создателей. Это позволит правительству налагать штрафы на лиц, распространяющих вредный контент, созданный с использованием ИИ³.

Регулирование технологий дипфейков активно обсуждается и внедряется в различных странах, наибольших успехов в правовом регулировании дипфейков добились США, Китай и Сингапур. Каждая из стран имеет свою стратегию и методы правового регулирования. Так США и Китай стремятся к принятию специальных норм и разрабатывают новые законопроекты, в то время как Сингапур использует существующие законы, таким образом каждая страна адаптирует свои подходы в зависимости от культурных, социальных и политических контекстов, что делает проблему регулирования дипфейков актуальной и многогранной. В 2019 в Сингапуре провели серьезную реформу законодательства, в результате которой были приняты два очень важных нормативных акта, направленных на защиту от дипфейков. POFMA (Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act) и FICA (Закон об иностранном вмешательстве (контрмеры))⁴. Закон о защите от онлайн-лжи и манипуляций (POFMA), который был принят для защиты от использования онлайн-ложных утверждений о фактах или вводящей в заблуждение информации⁵. Этот закон был подвержен критике и вызвал много обсуждений, но доказал свою эффективность в борьбе с фейками в интернете, особенно в период пандемии COVID-19. Вопреки мнениям критиков закон не распространяется на мнения, критику и сатиру, он сохраняет свободу слова, при условии, что факты не искажаются. FICA - направлен на формирование предупредительных мер в сети интернет на иностранное вмешательство во внутреннюю политику и противодействие враждебным информационным компаниям.

Наибольших успехов в создании приложений по производству дипфейков достиг Китай, особенно много дискуссий вызвало создание приложения ZAO и платформы Tencent Cloud AI Digital Human. В приложение ZAO, пользователю достаточно загрузить одну фотографию, чтоб стать героем любимого фильма, сериала или рекламы. Платформа Tencent

¹ Информация о законодательстве Калифорнии

https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=20212_0220AB602 (дата обращения: 29.03.2024).

² Информация о законодательстве Калифорнии -

https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=20192_0200AB730 (дата обращения: 29.03.2024)

³ Калифорния ввела два закона против дипфейков / <https://habr.com/ru/news/470652/> (дата обращения 29.03.2024).

⁴ Противодействие иностранному вмешательству - <https://www.mha.gov.sg/fica> (дата обращения 29.08.2024).

⁵ Мои мысли о POFMA (Закон о защите от лжи и манипуляций в Интернете) | - <https://medium.com/@jiahao1604/my-thoughts-on-pofma-protection-from-online-falsehoods-and-manipulation-act-73d58aaf1c7a> (дата обращения 29.08.2024).

Cloud AI Digital Human – позволяет создавать реалистичных цифровых аватаров. Такие технологии могут найти применение в различных сферах, включая развлечения, образование и даже в бизнесе, однако это вызвало много обсуждений, особенно в контексте конфиденциальности и безопасности данных. Пользователи, загружая свои фотографии, рискуют тем, что их изображения могут быть использованы без их согласия. Это подчеркивает важность осознания рисков, связанных с использованием технологий дипфейков и искусственного интеллекта. Так в феврале 2024 г. произошло мошенничество в Гонконге с использованием технологии «дипфейк», которое вызвало широкий резонанс. В процессе проведения групповой конференции жертва обмана (финансовый директор крупной компании) перечислила мошенникам 25,6 млн. долл., тревогу вызывает даже не сама сумма, а количество созданных «коллег»¹. Китай стал одним из первых государств, внедривших специальные меры по регулированию дипфейк-контента. Обязательная маркировка таких материалов помогает пользователям легче распознавать подделки и снижает вероятность распространения дезинформации. Это важный шаг в борьбе с манипуляциями и фейковыми новостями, так как повышает уровень доверия к информации и способствует более осознанному потреблению контента. В ноябре 2022 г. были приняты «Положения об управлении глубоким синтезом информационных сервисов в Интернете»², в положениях законов «О кибербезопасности», «О безопасности данных», «О защите личной информации», «Об управлении информационными службами Интернета» и других законов и нормативных актов КНР закреплены запреты на использование дипфейков в целях угрозы национальной безопасности и интересам, для нанесения ущерба имиджу нации, посягательства на общественные интересы, нарушения экономического и социального порядка или посягательства на законные права и интересы других лиц [2, с.226].

В других странах также есть развитие законодательства в сфере регулирования дипфейков. В Европейском Союзе рассматриваются правила, связанные с искусственным интеллектом, которые могут охватывать дипфейки. В частности, проект «Регламент о ИИ» включает положения о высоких рисках, связанных с манипуляцией данными³. В Австралии существуют законы, касающиеся кибербуллинга и использования дипфейков в контексте порнографии без согласия. Также обсуждаются меры по борьбе с дезинформацией⁴. В Великобритании также рассматриваются вопросы регулирования дипфейков в контексте защиты от кибербуллинга и дезинформации. Британские власти активно взаимодействуют с компаниями социальных сетей для мониторинга вмешательства и ограничения распространения дезинформации, что особенно было актуально в период COVID-19. NHS England – центр кибербезопасности разрабатывает средства отслеживания наиболее опасных групп и методы противодействия им. В Великобритании нет единого источника руководящих указаний по кибербезопасности, однако существует известное руководство NCSC, которое называется «10 шагов к кибербезопасности». Отдельно необходимо отметить поддержку стандартов безопасности данных индустрии платежных карт (PCI DSS) и группа стандартов ISO/IEC 2700 для систем безопасности и стандарт BS 10012:2017, совместимый с GDPR. Великобритания также положительно отличилась своей инвестицией в размере 1,9 млрд

¹ У сотрудника компании в Гонконге выманили 25 млн долларов с помощью дипфейка - <https://www.nur.kz/world/2059303-u-sotrudnika-kompanii-v-gonkonge-vymanili-25-mln-dollarov-s-romoschyu-dipfeyka/> - дата обращения 29.08.2024.

² Положения об управлении углубленным синтезом информационных услуг Интернета. Документы департамента Государственного совета. Правительственная сеть Китая - https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-12/12/content_5731431.htm (дата обращения: 12.08.2024).

³ 2024 Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте, АНО «Цифровая экономика» - https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika/ (дата обращения 29.08.2024).

⁴ Lexology Search - <https://www.lexology.com/> (дата обращения 29.08.2024)

фунтов стерлингов на создание партнёрства между государственными структурами и технологическими предприятиями, налаживания взаимного обмена данными, а также на поощрение совместных усилий по противодействию хакерским атакам. В рамках этой стратегии в 2016 г. был создан Национальный центр кибербезопасности (НЦК), в задачи которого вошла реализация программы «Активная киберзащита» [3]. В Индии обсуждаются меры по регулированию дипфейков, особенно в контексте распространения ложной информации и манипуляции выборами¹. Южная Корея приняла законы, запрещающие создание и распространение дипфейков с целью кибербуллинга и сексуальной эксплуатации². В Новой Зеландии также рассматриваются меры по борьбе с дезинформацией и неправомерным использованием технологий глубокого обучения, также Новая Зеландия сотрудничает со странами AUKUS в отрасли кибербезопасности. (AUKUS – оборонный альянс, образованный в сентябре 2021 г. США, Великобританией и Австралией. Пакт подразумевает под собой возможность сотрудничества в киберпространстве.)³.

Эти примеры показывают, что вопрос регулирования дипфейков становится все более актуальным во многих странах, и подходы к этому различаются в зависимости от местных законодательных и культурных контекстов.

Российская юридическая практика в отношении объектов, созданных с использованием дипфейк-технологии, разнонаправленная, также и в науке пока не сформировалось единое мнение является ли объектом авторских прав аудиовизуальное произведение, созданное с использованием дипфейк-технологии. Так Арбитражный суд Москвы удовлетворил иск ООО «Рефейс Технолоджис» к ООО «Бизнес-аналитика», которое является юрлицом сервиса Roistat, и постановил взыскать с последнего компенсацию в размере 500 тысяч рублей, признав объектом авторского права видеоролик с использованием изображения Киану Ривза, а также в своем постановлении указал, что “В соответствии с ст. 1259 ГК РФ аудиовизуальные произведения являются объектами авторских прав. На основании п. 3 ст. 1228 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Согласно п. 4 ст. 1259 ГК РФ для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. Как следует из ст. 1257 ГК РФ автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное”⁴. Кроме того суд отметил, что спорный видеоролик был создан группой авторов - сценаристом, видеооператором (оператор-постановщик), моушн-дизайнером, актером. Технология Deep-fake – это дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, используемый моушн-дизайнером.

Сторонники иной точки зрения считают, что дипфейк, не является самостоятельным произведением, такое мнение мы находим и в научных публикациях [4–5] и при анализе абз. 2 п. 87 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации «Право на неприкосновенность

¹ В Индии разрабатывают закон о регулировании использования дипфейков – Ведомости - <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/11/23/1007424-indii-zakon-o-dipfeikov> (дата обращения 29.08.2024).

² В Южной Корее борются с волной дипфейк-порнографии - Афиша Daily - <https://daily.afisha.ru/news/90264-v-yuzhnoy-koree-boryutsya-s-volnoy-dipfeyk-pornografii/> (дата обращения 29.08.2024).

³ Новая Зеландия хочет сотрудничать в отрасли кибербезопасности с США и Великобританией - <https://securitymedia.org/news/novaya-zelandiya-khochet-sotrudnicat-v-otrasli-kiberbezopasnosti-s-ssha-i-velikobritaniey.html> (дата обращения 28.08.2024).

⁴ Дело № А40-200471/23-27-1448 Арбитражного суда г. Москвы - А40-200471-2023_20231130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf.

произведения» (абзац первый п. 1. ст.1 266 ГК РФ¹, который затрагивает такие изменения произведения, которые не связаны с созданием нового произведения на основе имеющегося». В этом случае создатель дипфейка будет нести ответственность перед автором за сам факт создания дипфейка, и это также требует законодательного и научного осмысления.

Учитывая ситуацию со стремительным развитием компьютерных технологий, по нашему мнению, требуется совершенствование и российского законодательства для урегулирования проблемных моментов, связанные с созданием объектов с применением дипфейк-технологии:

1. Необходимо четко прописать в ГК РФ, кто имеет права на использование образа и голоса человека, включая случаи, когда это касается умерших лиц (право на звук и изображение).

2. Внести уточнения в Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, уточнить, как технологии дипфейков соотносятся с законом о защите персональных данных, чтобы предотвратить использование изображений без согласия.

3. В УК РФ включить статью, касающуюся использования дипфейков для клеветы, мошенничества или других преступлений, связанных с манипуляцией общественным мнением.

4. Разработать рекомендации и стандарты для использования технологий дипфейков в медиа и рекламе, чтобы обеспечить прозрачность и честность.

5. Включить в образовательные программы информацию о технологиях дипфейков, их возможностях и рисках, чтобы повысить осведомленность общества.

6. Установить требования к онлайн-платформам по маркировке контента с использованием дипфейков, чтобы пользователи могли легко идентифицировать такой контент.

7. Создать регулирующий орган или комитет, который будет отслеживать использование технологий дипфейков и их влияние на общество.

Эти изменения помогут создать более безопасную и этичную среду для использования технологий дипфейков в России.

Список источников

1. Кёбис Н. К., Долежалова Б., Сорапелла И. Одураченные дважды: люди не могут обнаружить дипфейки, но думают, что могут // *iScience*. 2021. Т. 24. Вып. 11. С. 1–17.

2. Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Том 17. № 2. С. 215–240. DOI:10.17323/2072-8166.2024.2.215.240

3. Миткевич В. Н. Правовое обеспечение кибербезопасности в Великобритании // *Океанский менеджмент*. 2023. № 1 (19). С. 19–22. - <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-kiberbezopasnosti-v-velikobritanii/viewer> (дата обращения 29.08.2024)

4. Кастерин Н. Нарушение авторских прав созданием дипфейков - https://zakon.ru/blog/2023/5/5/narushenie_avtorskih_prav_sozdaniem_dipfejkov

5. Постарнак А. М. Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 6. С. 269–273. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.36>.

References

1. Kebis N. K., Dolezhalova B., Soraperra I. Fooled twice: People cannot detect deepfakes but think they can. *iScience*. 2021 Oct 29;24(11):103364. doi: 10.1016/j.isci.2021.103364. eCollection 2021 Nov 19.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Документы Верховного Суда Российской Федерации* - https://www.vsrfr.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian.

2. Vinogradov V.A., Kuznetsova D.V. Foreign experience of legal regulation of deepfake technology. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;17(2):215–240. (In Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2024.2.215.240

3. Mitkevich V. N. Legal support of cybersecurity in the UK. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-kiberbezopasnosti-v-velikobritanii/viewer> [Accessed 29 August 2024]

4. Kasterin N. *Copyright infringement by the creation of deepfakes*. Available from: https://zakon.ru/blog/2023/5/5/narushenie_avtorskih_prav_sozdaniem_dipfejkov

5. Postarnak A. M. Analysis of foreign legal regulation of deepfakes: the problem of protecting intellectual property. *Theory and practice of social development*. 2023;(6):269–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.36>.

Информация об авторах

Т. В. Епифанова – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

К. И. Копейкин – магистрант, магистерская программа «Гражданское право, семейное право, международное частное право» РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

T. V. Epifanova Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Legal), Professor of the Department of Civil Law, Rostov State University of Economics (RINH).

K. I. Kopeykin – Master's student, Master's program «Civil Law, Family Law, International Private Law», Rostov State University of Economics

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

О признаках служебного подлога

Оксана Юрьевна Красовская¹, Елена Николаевна Кони́на²

^{1,2}Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

¹krasovskaya_oks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9792-8849>

²elenapalagina4@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемы законодательной регламентации положений о служебном подлоге как преступлении; к ним относятся понимание официального документа, использование служебных полномочий специальным субъектом преступления, формы деяния при служебном подлоге. Бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации затрудняет единообразное понимание правоприменителем предмета служебного подлога, в связи с чем возникает необходимость в исследовании понятия официального документа как предмета преступления. Анализ законодательных определений «документа», «официального документа», а также разъяснения о предмете служебного подлога, представленные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволило в целях приведения судебной практики к единообразию заключить о целесообразности дополнения ст. 292 УК РФ примечанием о понятии официального документа как предмета служебного подлога.

Ключевые слова: служебный подлог, преступление, официальный документ, должностное лицо, предмет преступления

Для цитирования: Красовская О. Ю., Кони́на Е. Н. О признаках служебного подлога // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 129–135. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-129-135>. EDN DOJSXA

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

On the signs of official forgery

Oksana Yu. Krasovskaya¹, Elena N. Konina²

^{1,2}Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

¹krasovskaya_oks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9792-8849>

²elenapalagina4@rambler.ru

Abstract. The article reveals the problems of legislative regulation of provisions on official forgery as a crime; these include understanding of the official document, use of official positions with special crimes, forms of acts in official forgery. Blanket disposition part 1 art. 292 of the Criminal Code of the Russian Federation makes it difficult for law enforcement officers to have a uniform understanding of the subject of official forgery, and therefore there is a need to study the concept of an official document as the subject of a crime. An analysis of the legislative definitions of “document”, “official document”, as well as an explanation of the subject of official forgery presented in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, made it possible, in order to bring judicial practice to uniformity, to conclude that it is advisable to supplement Art. 292 of the Criminal Code of the Russian Federation with a note on the concept of an official document as the subject of official forgery.

Keywords: official forgery, crime, official document, official, subject of crime

For citation: Krasovskaya O. Yu., Konina E. N. On the signs of official forgery. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):129–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-129-135>. EDN DOJSXA

Введение

Общественная опасность служебного подлога обусловлена тем, что незаконные действия по обращению с официальными документами нарушают нормальную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления. Официальный документ может быть предметом различных составов преступлений, при этом его понимание не всегда является идентичным. Понятие официального документа при служебном подлоге не представлено в уголовном законе. В последние годы случаи фальсификации официальных документов, включая подлог документов, остаются распространенными, что создает серьезные угрозы для правопорядка. Так, в 2023 году было осуждено 358 лиц по ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), в 2022 г. – 417 лиц, в 2021 г. – 303 лиц, в 2020 г. – 190 лиц, в 2019 г. – 257 лиц. В связи с этим требующим осмысления вопросом является понимание официального документа при служебном подлоге.

Понятие официального документа

В Уголовном кодексе РФ прямое или косвенное указание на подлог документов содержится в различных преступлениях. Документ, который может выступать предметом преступления, а его использование – способом совершения преступления, представляет собой любой материальный носитель, который содержит информацию. Документ создается по определенным правилам, которые определены законодательством или регламентом организации, например, иметь подпись, печать, бланк. Юридическое значение документа выражается в его использовании для подтверждения прав, обязанностей, фактов, событий или действий. При соблюдении этих условий будем говорить о документе в контексте преступлений, связанных с его подлогом, акцентируя внимание на служебный подлог.

В виду отсутствия в уголовном законе определения понятия «официальный документ», в судебной практике встречается ошибочное понимание документа. Так, гражданка Р., являясь должностным лицом, внесла заведомо ложные сведения в корешки (копии) подписанных ею квитанций, не являющихся официальными документами. В них она уменьшила сумму полученных ею денег, которые внесла в кассу организации. При предварительном расследовании было неверно заключено, что данные квитанции являются официальными документами².

Обратимся к законодательным определениям документа и официального документа. В соответствии со ст. 1 федерального закона «Об обязательном экземпляре документов» документ – «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени в пространстве в целях общественного использования и хранения», официальные документы – «документы, принятые органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованные ими или от их имени»³ (ч. 1 ст. 5).

Также необходимо сказать, что электронные документы приравниваются к традиционным бумажным документам. Как отмечают М. М. Васягина и А. В. Шугуров, «если документ

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL.: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 30.08.24).

² Приговор Китайского районного суда Курганской области по делу № 1-42/2016. Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

³ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ (ред. от 01 мая 2022 г.) «Об обязательном экземпляре документов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 1. Ст. 1; 2022. № 18. Ст. 3017.

в соответствии с требованиями законодательства может быть составлен в письменной и электронной форме ..., то он должен признаваться предметом служебного подлога наряду с бумажными документами» [1, с. 69]. Понятие «материальный носитель» должно относиться как к традиционному бумажному документу, так и к электронному документу.

Из представленных выше законодательных определений можно выделить атрибуты официального документа: физические и юридические.

Физические аспекты документа включают в себя материальный носитель, а также информацию, которая в нем фиксируется. Как отмечает А.В. Ткачев, рассуждая об электронном документе, материальный носитель документа – «физическое поле, в котором информация отображена в виде символов и сигналов, и обладающий реквизитами, позволяющими идентифицировать данную информацию» [2, с. 75]. В представленном определении составляющую «реквизиты» необходимо относить к юридическим аспектам. Физический аспект включает в себя только содержание (информацию) на материальном носителе. Причем традиционно понимание «материального носителя» относится не только к классическому бумажному варианту документа с зафиксированной информацией, но и к электронному носителю [3, с. 142]. Как отмечает И. В. Сабенникова, для электронного документа материальный носитель остается, но меняется форма записи информации, в качестве которой выступает «код, создаваемый аппаратно-программными средствами без непосредственного участия человека» [4, с. 523]. Таким образом, материальный носитель с зафиксированной на нем информацией является признаком как классического бумажного документа, так и электронного документа.

Юридические аспекты документа включают в себя реквизиты, печати, подписи. Все эти детали обеспечивают основу для правильной оценки документа и подтверждают его официальный статус. Юридические характеристики весьма важны с точки зрения правового регулирования и сохранности информации, поскольку они определяют законность и подлинность документа, его юридическую силу. Несмотря на то, что они присутствуют в документе, однако они не являются его содержанием, т.е. не входят в понимание информации, содержащейся на материальном носителе. Они характеризуют юридический аспект документа. Однако некоторые авторы представляют позицию о возможности квалификации служебного подлога за совершение описанных в ст. 292 УК РФ действий, принимая за подложный официальный документ тот, в котором изменены (подделаны) реквизиты, печати, подписи, а само содержание документа истинно. Так, Д. В. Бахтеев отмечает, что «подлог документов в виде внесения заведомо ложных реквизитов в их форму» возможен [5, с. 4]. Такое видение представляется дискуссионным. Подделку в документе подписи, печати, реквизитов не следует соотносить со служебным подлогом, т.к. она не затрагивает его содержание. Лингвистическое понимание описания законодателем служебного подлога в аспекте фразы «внесение ... в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание» указывает на содержание документа (физический атрибут документа), а не на формальные признаки документа: реквизиты, печати, подписи. Кроме того, в уголовном законе предусмотрены самостоятельные составы преступлений о подделке документов с элементами подделки подписи, а также печати или штампа (ст. 327, 327¹, 233 УК РФ).

Важно понимать, что объединение физических и юридических аспектов документа образует основу его правового статуса и роли в юридической практике, поэтому соблюдение этих требований имеет первостепенное значение при работе с документами в правовой сфере.

Как замечают некоторые авторы, например, Л. А. Букалорова [6, с. 33], С. И. Плотников и В. С. Сбитнев [7, с. 44], определение официального документа, представленного в ст. 5 Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов» не подходит для уголовного права. В абз. 1 п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике

по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ приводятся следующие примеры официальных документов (в частности, в рамках служебного подлога): «листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля».

Таким образом, официальный документ при служебном подлоге – это любой материальный носитель, как бумажный, так и электронный, в котором информация удостоверяет права, обязанности, факты, события, действия, имеющие юридическое значение, и который дополнен реквизитами, подписью, печатью.

Подлог документа

Подлог документов – это умышленное создание или изменение документа с целью ввести в заблуждение о его подлинности и использовать его в своих интересах, т.е. «общественно опасное, умышленно совершенное действие, заключающееся в искажении истины в документе и причинившее ущерб деятельности государственного аппарата, а в ряде случаев наряду с этим и каким-либо иным государственным, общественным или личным интересам или благам» [8, с. 36]. Подлог может иметь серьезные последствия как для физических лиц, так и для общества в целом, поскольку он может повлечь за собой финансовые потери, ущерб репутации, а также нарушение законности и порядка. Подлог совершается с целью ввести в заблуждение и использовать поддельный документ в своих интересах.

Процесс фальсификации официального документа может осуществляться путем создания поддельного, фальшивого текста, а также путем вмешательства в оригинальный документ любыми методами. В сфере уголовного права способы совершения подлога документов обычно разделяют на интеллектуальный и материальный.

Интеллектуальный подлог часто связан с творческим актом составления фальшивого документа, а материальный – с внесением недостоверной информации в уже существующий документ, что может привести к искажению его первоначального содержания. Такое деление помогает понять различные стратегии и методы, используемые лицами, совершающими подлог, и упрощает процесс их выявления и расследования со стороны правоохранительных органов.

Важно отметить, что представленная в теории уголовного права классификация способов совершения подлога документов не учтена в законодательстве. Однако данная классификация используется в академических кругах для более глубокого понимания сущности правонарушения.

Служебный подлог

В ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за служебный подлог. Деяние при служебном подлоге выражается во внесении специальным субъектом преступления (должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом) в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание.

Служебный подлог совершается специальным субъектом преступления, который, как утверждают некоторые авторы, использует свои служебные полномочия. Так, В. Борков отмечает, что «квалифицировать действия должностного лица по ст. 292 УК РФ можно только в том случае, если фальсификация документа стала возможна благодаря именно его служебному положению» [9, с. 10]. Данное представление является дискуссионным. Кроме того, судебная практика исходит из того, что должностное лицо, не обладающее служебными полномочиями на составление официального документа, является субъектом служебного подлога

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. № 9; 2020. № 3.

(ниже приведен пример судебной практики о субъекте служебного подлога – гражданке А., которая не обладает служебными полномочиями на составление в отношении себя дополнительного соглашения к трудовому договору, являющемуся официальным документом).

Несмотря на то, что изменение содержания документа может спровоцировать нарушение прав и законных интересов конкретных лиц, организаций и даже общества или государства, в большинстве случаев искажение лишь документа недостаточно для квалификации по ст. 292 УК РФ без его использования. Для того, чтобы воспользоваться подложным документом, часто требуется предъявить его где-либо или иным образом использовать в процессе, что наглядно можно увидеть из следующего примера судебной практики.

Так, в приговоре суда говорится, что гражданка А., являясь должностным лицом, с целью незаконного получения не полагающихся ей надбавок и доплат к заработной плате изготовила дополнительное соглашение к трудовому договору (официальному документу) с заведомо ложными сведениями о праве получения ею не полагающихся руководителю учреждения надбавок и доплат. Для придания законности использования данного договора на бланковой строке «подпись» графы «Работодатель» поставила подпись ранее занимавшего должность главы муниципального образования А., после чего предоставила главному специалисту администрации для направления на проверку¹.

Общественно опасное деяние при служебном подлоге совершается в форме действия. Однако в доктрине уголовного права рассматривается вопрос о бездействии как форме деяния служебного подлога, например, пассивный обман [10, с. 170]. Так, Ю.Ю. Малышева утверждает, что «пассивный обман возможен в рассматриваемом преступлении, несмотря на отсутствие в судебной практике совершения служебного подлога путем бездействия» [11, с. 147]. Н.А. Тимошенко и И.С. Кулик иначе расценивают возможность формы деяния при служебном подлоге, отмечая, что деяние при служебном подлоге совершается как «общественно-опасное действие с отсутствием возможности совершения данного состава преступления в форме бездействия» [12, с. 115].

В диспозиции ч. 1 ст. 292 УК РФ говорится о двух вариантах служебного подлога: внесение в официальные документы заведомо ложных сведений; внесение в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. Несмотря на то, что об изготовлении совершенно нового документа в законе не говорится, уголовно-правовая позиция Верховного Суда РФ говорит о том, что это (изготовление нового документа) также возможно при служебном подлоге. Так, в абз. 2 п. 35 выше названного постановления разъясняется, что «под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путем изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа». В уголовном законодательстве под подложным документом понимается документ, содержащий ложные сведения или искажения, которые приводят к искажению реального содержания этого документа.

Выводы

Выявив проблемы реализации уголовной ответственности за служебный подлог (ст. 292 УК РФ), представляется логичным сделать вывод о том, что необходимо на законодательном уровне в примечании к ст. 292 УК РФ дать определение официального документа: «Примечание. Под официальным документом в настоящей статье следует понимать материальный носитель информации в бумажной и (или) электронной форме, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей».

¹ Приговор Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 19 июня 2019 года по делу №1-О-13/2019. Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

Список источников

1. Васягина М. М., Шигуров А. В. Понятие официального документа как предмета служебного подлога: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 66-75. DOI 10.33874/2072-9936-2023-0-3-66-75.
2. Ткачев А. В. Правовой статус компьютерных документов: основные характеристики. М.: Городец, 2000. 95 с.
3. Суровцева Н. Г. Трансформация признаков документа в электронной среде // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 140-153.
4. Сабенникова И. В. Электронные документы в системе информационного обмена архивов // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 520-531.
5. Бахтеев Д. В. Предэкспертная верификация подложных подписей: человеческий и машинный подходы // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 4-10.
6. Букалерева Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Под ред.: Комиссаров В. С., Пикуров Н. И. М.: Юрлитинформ, 2006. 360 с.
7. Плотников С. И., Сбитнев В. С. Предмет служебного подлога // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 1(14). С. 42-47. DOI 10.34076/2658_512X_2021_1_42.
8. Кузнецов А. В. Ответственность за подлог документов по уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. 111 с.
9. Борков В. Актуальные вопросы применения нормы о служебном подлоге // Уголовное право. 2008. № 5. С. 8-14.
10. Ильяшенко А. Н., Чесноков О. В. Объективная сторона служебного подлога // Общество и право. 2011. № 3(35). С.168-173.
11. Малышева Ю. Ю. Уголовно-правовые и криминологические аспекты служебного подлога в медицинской деятельности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1, № 2(104). С. 142-149. DOI 10.51965/2076-7919_2023_1_2_142.
12. Тимошенко Н. А., Кулик И. С. К вопросу об объективной стороне служебного подлога // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. 2022. № 1. С. 111-116.

References

1. Vasyagina M. M., Shigurov A. V. The concept of an official document as a subject of official forgery: problems of legal regulation and law enforcement practice. *Herald of the Russian Law Academy*. 2023;(3):66-75. (In Russ.)
2. Tkachev A. V. *Legal status of computer documents: main characteristics*. Moscow: "Gorodets"; 2000. 95 p. (In Russ.)
3. Surovtseva N. G. Transformation of document attributes in an electronic environment. *Herald of an Archivist*. 2024;(1):140-153.
4. Sabennikova I. V. Electronic documents in the archive information exchange system. *Herald of an Archivist*. 2021;(2):520-531.
5. Bachtееv D. V. Pre-expert verification of forged signatures: human and machine approaches. *Russian law: education, practice, science*. 2023;(4):4-10.
6. Bukaleroва L. A. *Criminal legal protection of official information circulation*. Komossarov V. S., Pikurov N. E. (eds.). Moscow: "Yurlitinform"; 2006. 360 p. (In Russ.)
7. Plotnikov S. I., Sbitnev V. S. Subject of office forgery. *Ural Journal of Legal Research*. 2021;1(14):42-47. (In Russ.)
8. Kuznetsov A. V. *Responsibility for forgery of documents under criminal law*. Moscow: "Gosyurizdat"; 1959. 111 p. (In Russ.)
9. Borkov V. Topical issues of application of the rule on official forgery. *Criminal law*. 2008;(5):8-14. (In Russ.)

10. Ilyashenko A. N., Chesnokov O. V. The objective side of official forgery. *Society and law*. 2011;3(35):168-173. (In Russ.)
11. Malysheva Yu. Yu. Criminal and legal and criminological aspects of official forgery in medical activities. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2023;1,2(104):142-149. (In Russ.)
12. Timoshenko N. A., Kulik I. S. On the objective side of forgery. *Vestnik of Donetsk National University*. 2022;(1):111-116. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Ю. Красовская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия.
Е. Н. Кони́на – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия.

Information about the authors

O. Yu. Krasovskaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Saratov State Law Academy.
E. N. Konina – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Судебная практика как юридический институт

Зинаида Сергеевна Лусегенова¹, Виктор Николаевич Линкин²

^{1,2}Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Ростов-на-Дону, Россия

¹zinalus@gmail.com

²linkinviktor@gmail.com

Аннотация. На основе анализа работ теоретиков права и ученых практиков, посвященных суждениям о юридической природе судебной практики как источника права, ее роли и месте в российской правовой системе, авторы констатировали, что самостоятельность судебной практики признавалась только на доктринальном уровне, но не оспаривалась ценность судебной практики для деятельности судов, совершенствования законодательства и плодотворности науки. Исследование нормативного закрепления категории судебной практики в законодательстве позволило показать процессуальную природу судебной практики как процессуального института, а определение его предметной классификации позволит совершенствовать порядок систематизации судебной практики.

Ключевые слова: правовая система, источники права, правовой институт, юридическая практика, судебная практика, субъекты судебной практики, функции судебной практики, формы судебной практики, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ

Для цитирования: Лусегенова З. С., Линкин В. Н. Судебная практика как юридический институт // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 136–143. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-136-143>. EDN BVQONO

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Judicial practice as a legal institution

Zinaida S. Lusegenova¹, Viktor N. Linkin²

^{1,2}Rostov branch of the Russian State University of Justice

¹zinalus@gmail.com

²linkinviktor@gmail.com

Abstract: Based on the analysis of the works of legal theorists and scholars devoted to judgments about the legal nature of judicial practice as a source of law, its role and place in the Russian legal system, the authors stated that the independence of judicial practice was recognized only at the doctrinal level, but the value of judicial practice for the activities of courts, the improvement of legislation and the fruitfulness of science was not disputed. The study of the normative consolidation of the category of judicial practice in legislation made it possible to show the procedural nature of judicial practice as a procedural institution, and the definition of its subject classification will improve the procedure for systematizing judicial practice.

Keywords: legal system, sources of law, legal institution, legal practice, judicial practice, subjects of judicial practice, functions of judicial practice, forms of judicial practice, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Lusegenova Z. S., Linkin V. N. Judicial practice as a legal institution. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):136–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-136-143>. EDN BVQONO

У каждого явления есть две стороны, противостоящие друг другу: регулярное и нерегулярное; взять – отдать; должное и недолжное; выгода и вред; это помогает определить, как лучше и как перестраивать порядки и находить выход из любого положения [1].

Введение

Сложная современная политическая, экономическая и социальная реальность вносит свои коррективы в российскую правовую систему. Для научного познания такого правового явления как судебная практика необходимо сформировать предмет познания, то есть выделить судебную практику из реальности, определить познавательные задачи и разграничить существенное и несущественное. Сформировать целостное мировоззренческое, теоретическое представление о судебной практике в качестве модели постановки и решения научных и практических проблем.

Правовая система носит открытый характер, поскольку она обменивается информацией с окружающей социальной средой. Соответственно правовая практика неотделима от социальной практики, которая выступает для нее источником такой информации. Юридическая практика, разновидностью которой является судебная практика представляет деятельность, связанную с регулированием социальных и политических отношений посредством обращения к установленным правовым нормам и законам. Бесспорно, сложившееся веками утверждение, что без учета судебной практики невозможна ни деятельность судов, ни функционирование законодательства, ни плодотворность науки [1, С. 474].

Теоретики права отмечают, что при сложном устройстве системы права, она обладает таким свойством как саморегулирование, самонастройка. Внутрисистемные правовые механизмы обеспечивают действие юридических норм в соответствии с требованиями развивающихся общественных отношений. Ведущее значение имеют свойства нормативности и формальной определенности, обеспечивающие устойчивость правового регулирования общественных отношений. Система права способна оперативно учитывать потребности общественного развития, с помощью заложенного в ней самой механизма учета судебной практики [2, с. 644].

Исходя из суждения, что между юридической наукой и философией существуют прямые и обратные связи, для раскрытия существа судебной практики уместно использовать китайскую мудрость о противостоянии и согласии. Эта мудрость гласит, что в мире не бывает вещей, чья ценность неизменна. В делах не бывает правила, которое пригодно для всех времен. Делать надо то, что нельзя не делать и слушать то, что нельзя не слышать. Знать положение дел, а потом действовать – именно это составляет содержание искусства противостояния и согласия. При этом, могут изменяться способы применения этого искусства в зависимости от изменившихся обстоятельств. Такой подход позволяет заглянуть за рамки императивных процессуальных правил, но четко определяет суть вещей, происходящих в правоприменительной деятельности [1].

Первичной формой судебной практики является судебный акт - образец применения права, содержащийся в конкретном правоприменительном акте [1, с. 478-480]. Что есть судебная практика, а что не является таковой? Каковы юридическая природа, содержание и отличительные признаки судебной практики? Где реально накапливается опыт применения законодательства? Является судебная практика инструментом регулирования общественных отношений? Где и как проявляются ее регулятивные свойства? На каком уровне судебной системы аккумулируются образцы судебной практики, носящие обязательный характер для правоприменителей? Фактически названы только некоторые из большого перечня вопросов, возникающих в рамках правопонимания такого правового явления как судебная практика. Ответы на поставленные вопросы составляют содержание настоящего исследования. Отсутствие единой системы координат в источниках российского права порождает неопределенность местоположения судебной практики для судей, практикующих юристов, теоретиков права и высшего юридического образования.

Теоретические и исторические предпосылки влияния судебной практики на правовую систему

В правоведении существует множество взглядов на понятие судебной практики: 1) в широком смысле судебная практика - правоприменительная деятельность суда, представляющая единство властной деятельности, направленной на вынесение индивидуально-конкретных судебных актов; 2) в узком смысле судебная практика - определенный результат, объективированный опыт правоприменительной деятельности судов; 3) комплексный подход - судебная практика это единство правоприменительной деятельности и сформированного на ее основе социально-правового опыта, отраженного в актах высших судов.

Дореволюционные, советские и постсоветские теоретики права, не отрицая категорично идеи юридической природы судебной практики как источника права, проблематично относились к воплощению такой идеи в условиях российской действительности [2, с. 356-397]. О судебной практике как источнике права дореволюционные правоведы говорили лишь после проведения судебной реформы 1864 года. Все споры дореволюционных авторов сводились к вопросу о самостоятельности, или несамостоятельности судебной практики как источника права. В рамках таких дискуссий возникал вопрос о возможности и даже неизбежности судебного произвола. Сравнивая английский вариант судебной практики с европейским, дореволюционные авторы пришли к выводу, что кроме Англии судебная практика нигде не признавалась формой права.

В советский период судебная практика не признавалась источником права в любой форме, в том числе в виде прецедента. Высшие судебные инстанции имели полномочия выходить за пределы правотолковательной деятельности, что служило поводом рассматривать их как субъектов правотворческой деятельности (Например, дача Верховным Судом СССР разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства на основании Конституции СССР 1924 г.). Опубликованная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, не являясь признанной официально источником права, фактически учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах правоприменения и толкования права [3, с. 381].

Аргументы теоретиков права порой были противоречивы и в основном сводились к следующему:

1) В модели общего права, конституция и законы испытываются судебной практикой (Например, в Англии парламентский закон становится действующей нормой после серии судебных интерпретаций, как необходимого условия интеграции закона в правовую систему), а судьи США, применяя закон в рамках модели конституционного контроля, осуществляемого всеми судами, связаны не только его содержанием, но и правовыми доктринами, которые установлены в решениях вышестоящих судов. В англо-американской системе права действует механизм принудительного обеспечения обязательности судебного прецедента, а Конституция представляет собой то, что о ней говорят судьи [4, с. 626-628].

2) Явные преимущества юридических качеств и социальной ценности закона, норм закона перед прецедентом, где закон - это объективный результат действия публичных субъектов, обладающих легитимными полномочиями осуществлять функции регулирования общественных отношений. Соотнося преимущества закона и судебного акта, можно выделить концептуальные различия их правовой природы:

- за судебным прецедентом стоит специфический авторитет суда, влияние которого простирается в основном на участников конфликта;

- Парламент избирают, а судей назначают, почему суд должен переиначивать то, что решает общественность через своих представителей, тем самым вступая в противоречие с общественной позицией, становясь над законом, и как следствие и над народом - инициатором законов.

- образ права, созданный судами адаптирован исключительно к специфическим задачам судебной деятельности. Исключительно на суде лежит обязанность правильного рассмотрения спора для отдельно взятого случая [6];

- суд по своему социальному назначению призван защищать существующий строй общественных отношений, но не создавать квазизаконь и влиять на общественный строй.

3) Различия в правовых традициях западноевропейской культуры (взгляд на судебный процесс как занятие профессиональных юристов, реальную власть и независимость судей с которой приходится считаться) и российской культуры в рамках юридической типологии права (взгляд на закон как наиболее совершенную правовую форму, а идею иерархии источников права как основу порядка и упорядочения его институтов, при минимальном значении судебной практики) [4, с. 630–635].

Формирование судебной практики как юридического института

Правоведы постсоветской России стали признавать, что появились предпосылки признания судебной практики в академической среде в качестве одного из источников права [3, с. 363]. Несмотря на то, что судебная практика формально до настоящего времени не признается источником российского права, отношение ученых и практиков к ней кардинально изменилось, что обусловлено, в том числе, созданием Конституционного Суда РФ.

Практики, в отличие от теоретиков права, смелы в своих идеях, считают, что объективно есть все основания для придания судебным актам силы прецедентов, причины отрицания прецедентной системы носят сугубо субъективный характер¹.

Аргументы практиков о самостоятельности судебной практики от эволюционных до революционных по содержанию, строятся на следующих положениях:

1) уже существуют два способа влияния судебных актов на общественные отношения (судебные решения влияют на правоотношения, по поводу которых они состоялись, но кроме того, судебные решения влияют на те, общественные отношения, которые не были предметом судебного разбирательства, возможно никогда не будут предметом такого разбирательства, т.е. переросли уровень конкретного спора);

2) российская судебная система содержит механизм широкого влияния на социальные отношения в виде полномочий Верховного Суда РФ принимать Постановления Пленумов о толковании законов и полномочий Конституционного Суда РФ, осуществлять по жалобам граждан и запросам судов проверку нормы на соответствие Конституции не только по буквальному смыслу, но и по смыслу, приданному ей судебным толкованием, и если правоприменительное толкование, включая Верховный Суд РФ, приводит к нарушению прав граждан, исправляется конституционным истолкованием, вплоть до признания нормы неконституционной в приданном ей судебной практикой смысле. Конституционно-судебная защита приобретает нормативный эффект²;

3) российская правовая система носит смешанный характер в силу рецепирования правовых институтов из системы общего права и фактически трансформировалась в систему прецедентного права, в связи с чем, необходим национальный судебный фильтр отбора наиболее значимых судебных решений на уровне высших судов для формирования единообразного правоприменения и введение преюдициального запроса нижестоящих судов в вышестоящие по вопросу единого толкования применимого закона по примеру конституционного судопроизводства;

4) судебная независимость позволяет судам самим корректировать практику применения законов, исходя при их истолковании из конституционных установлений, реализуя принцип прямого действия Конституции, в тоже время, грань между правом суда направить

¹ Иванов А.А. Выступление Председателя ВАС РФ на Третьих Сенатских чтениях «Речь о прецеденте» 19 марта 2010 года в Сенатском зале Конституционного Суда РФ URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=2842> (дата обращения 31 июля 2024).

² Зорькин В.Д. Конституционно-судебная защита прав в Российской Федерации: основные свойства. Доклад на Международной конференции «Защита прав и конституционный контроль», Санкт-Петербург, 26 июня 2024 URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=97> (дата обращения 31 июля 2024)

запрос в Конституционный Суд и его обязанностью состоит в том, чтобы не соответствующий Конституции закон был лишен юридической силы в конституционно установленном порядке, а принцип субсидиарности конституционного контроля выполнил роль замещения ЕСПЧ после выхода России с 16 марта 2022 года из юрисдикции ЕСПЧ;

5) в перспективе развития судебной системы вектор перехода на новый уровень взаимодействия КС РФ и ВС РФ в целях обеспечения единообразия судебной практики [5]. Суд создает правовую позицию, которая со временем, возможно, станет нормой права [8].

Также необходимо сразу оговориться, что судебная практика складывается из единичных решений и, если, принятое решение ошибочно, оно не может служить образцом разрешения дел [9].

Зачастую можно наблюдать следующие закономерности развития российского права: сначала в доктрине обосновывается качественно новый институт, затем он внедряется в практику судебных органов (в первую очередь Верховного Суда РФ), и под влиянием подходов судебной практики формируется новое понимание положений действующего законодательства - судебная доктрина [7].

Заключение

С учетом вышеприведенных положений теоретиков и практиков, представляется актуальным рассмотрение судебной практики как юридического института, имеющего сложную структуру, что позволит сформировать материал для дальнейших исследований. Опираясь на теорию институционального регулирования общественных отношений [4, с. 399-488], рассмотрим элементный состав института судебной практики:

- 1) доктринальный блок;
- 2) нормативный блок;
- 3) организационный блок;
- 4) функциональный блок.

Доктринальный блок в общих чертах авторами статьи изложен при рассмотрении взглядов и идей исследователей сторонников самостоятельности судебной практики и сомневающих в такой самостоятельности.

Нормативный и организационный блоки взаимосвязаны и включают закрепление на уровне Конституции, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», ФКЗ «О судах общей юрисдикции», ФКЗ «Об арбитражных судах Российской Федерации»:

- а) иерархии органов судебной власти;
- б) полномочий двух высших судебных органов, в том числе их роли в формировании судебной практики;
- в) содержания и значение высшей силы судебных актов КС РФ;
- г) полномочий Пленума Верховного Суда РФ рассматривать материалы анализа и обобщения судебной практики и давать разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства;
- д) целей деятельности Научно-консультативного совета при Верховном суде РФ – подготовка научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики;
- ж) обязанности Председателей судов общей юрисдикции и арбитражных судов всех уровней организовывать работу по изучению и обобщению судебной практики, включая право суда общей юрисдикции субъекта РФ истребовать из районных судов судебные дела для изучения и обобщения судебной практики;
- з) права Президиума судов субъекта, апелляционных и кассационных судов рассматривать материалы по изучению и обобщению судебной практики; и) права судебных коллегий кассационного суда общей юрисдикции и кассационного арбитражного суда округа, судебных коллегий апелляционных судов и судов субъекта изучать и обобщать судебную практику;

к) участие судей Верховного Суда РФ в обобщении судебной практики, их право знакомиться непосредственно в судах общей юрисдикции и арбитражных судах с практикой применения законодательства Российской Федерации, вносить предложения по вопросам, обсуждаемым на заседании Пленума Верховного Суда РФ и по поручению Председателя Верховного Суда докладывать свои предложения на заседании Президиума ВС РФ;

л) обязанности аппарата судов участвовать в обобщении данных судебной практики в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах – изучать и обобщать судебную практику, подготавливать предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов.

Процессуальный блок включает:

а) общее правило применения судами при разрешении конкретных дел судебной практики (ст.ст. 198 ГПК, 170 АПК РФ, 180 КАС РФ - в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ);

б) общий подход законодателя к регулированию оснований для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ в гражданском, и арбитражном судопроизводстве (ст.ст.391.9 ГПК РФ, 308.8 АПК РФ и 341 КАС РФ - обжалуемый судебный акт подлежит отмене, или изменению, если нарушает права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы и единообразие в толковании и применении судами норм права). Таким образом, легитимность субъектов, формирующих судебную практику, как комплексный правовой институт законодательно закреплена.

Функциональный блок основан на определении функций и форм судебной практики. В правовой теории выделяют правоконкретизирующую функцию, включая конкретизацию общего смысла законодательства, конкретизацию содержания нормы права, сформулированной в общем виде, конкретизацию понятий (терминов, дефиниций), включенных в правовую норму. А также сигнально-информационную (оповестительную) функцию, в рамках которой, судебная практика является поставщиком информации для канала обратной связи между нормами права и общественными отношениями [2, с. 475-485].

Формами судебной практики являются:

1) конкретизирующие суждения судов (именно в судебных актах отражается то понимание юридических норм, которым руководствовался суд при принятии решения);

2) правовоположения (КС РФ использует термин «правовые позиции» и разъясняет, что к ним относятся аргументированные суждения, высказанные в его постановлениях и определениях относительно содержания положений Конституции РФ и относительно конституционного смысла положений нормативных правовых актов. Такие суждения имеют значение для деятельности КС РФ как основания, принимаемых им в дальнейшем решений и являются ориентиром для нормотворческих органов и правоприменителей);

3) правила правоприменения (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также обзоры судебной практики Верховного Суда РФ);

4) профессиональная и научная позиция (выражается в специальной научной литературе и комментариях практики) [2, с. 477].

Институту судебной практики как системному институализированному явлению свойственна предметная классификация, что позволит на новом уровне систематизировать судебную практику. Например, институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, включает не только главу 48 ГК РФ, Закон РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», ФЗ от 27 июля 2002 года № 127-ФЗ от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании граж-

данской ответственности владельцев транспортных средств», Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, установленные Положением Центрального Банка РФ от 19 сентября 2014 года № 431-П, ФЗ «О защите прав потребителей», но и Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2023 года № 58-П, Постановление Пленума Верховного Суда от 08.11.2022 №31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», Обзоры судебной практики по вопросам применения норм материального и процессуального законодательства при рассмотрении такой категории дел. Несмотря на достаточно большой массив законодательного регулирования, именно «донастройка» права от ВС РФ и КС РФ является иногда необходимым элементом регулирования общественных отношений.

Таким образом, институт судебной практики, являясь процессуальным по своей правовой природе, обеспечивает связь абстрактного закона и существующей многоаспектной реальности. Именно при помощи судебной практики определяется правовая квалификация рассматриваемого спора, определяется предмет доказывания, принципы - ориентиры, раскрывающие социальный смысл и значение норм, устанавливается, какие именно факты имеют существенное значение для дела и как они влияют на результат его рассмотрения. На наш взгляд, именно справедливый результат (решение суда) определяет предназначение правосудия как социального института, и если закон (совершенный или несовершенный, поспешный или обстоятельный, принятый в интересах общества или конкретных лиц и т.д.) не может обеспечить справедливость, то роль судебной практики – способствовать достижению справедливости.

Список источников

1. Тайный Канон Китая / [составитель В. Малявин]. М.: РИПОЛ классик, 2016. 342 с.
2. Алексеев С. С. .Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Проблемы теории права. Курс лекций. М.: Изд. Статут, 2010. 782 с.
3. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Проспект, 2009. С. 356-397.
4. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 800 с.
5. Бондарь Н. С. Единообразие судебной практики в современном правопорядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 11-21.
6. Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования): Монография: в трех частях. М.: Норма, 2018.
7. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: НОРМА, ИНФРА-М., 2023.
8. Нешатаева Т.Н . Евразийский экономический союз: роль судебной практики // Российский судья. 2024. № 6. С. 49–54.
9. Фурсов Д. А. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том первый: Теория и практика организации правосудия. М.: Статут, 2009. С. 13-31.
10. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2020. 432 с.

References

1. *The Secret Canon of China*. [compiled by V.Malyavin]. Moscow: RIPOLL classic; 2016. 342 p. (In Russ.)/
2. Alekseev S. S. *Collected works in 10 volumes. Vol. 3. Problems of the theory of law. Course of lectures*. Moscow: Ed. Statute; 2010. 782 p. (In Russ.)/
3. Marchenko M. N. *Sources of law: studies. handbook*. Moscow: Prospect; 2009:356–397.

4. Maltsev G. V. *Social foundations of law*. Moscow: Norm: INFRA-M; 2014. 800 p. (n Russ.)
5. Bondar N. S. Uniformity of judicial practice in modern law and order: constitutional and legal mechanisms to ensure. *The Russian justice system*. 2022;(9):11–21. (n Russ.)
6. Serkov P. P. *Legal relationship (theory and practice of modern legal regulation)*: Monograph: in three parts. Moscow: Norm; 2018. (In Russ.)
7. Khabrieva T. Ya., Kovler A. I., Kurbanov R. A. *Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation*: monograph / ed. by T.Ya. Khabrieva. Moscow: NORM, INFRA-M; 2023. (In Russ.)
8. Neshataeva T.N. The Eurasian Economic Union: the role of judicial practice. *A Russian judge*. 2024;(6):49–54. (In Russ.)
9. Fursov D. A. *Theory of justice in a brief three-volume presentation on civil cases. Volume one: Theory and practice of the organization of justice*. Moscow: Statute; 2009:13–31. (In Russ.)
10. *Judicial practice in the modern legal system of Russia : monograph*. Т. Ya. Khabrieva, V. V. Lazarev, A.V. Gabov [et al.]; edited by T. Ya. Khabrieva, V. V. Lazarev. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law on the equality of the Russian Federation : Norm : INFRA-M; 2020. 432 p. (In Russ.)

Информация об авторах

З. С. Лусегенова – заведующий кафедрой гражданского процессуального права, Ростовский филиал РГУП, кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке.
В. Н. Линкин – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Ростовский филиал РГУП, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Z. S. Lusegenova – Head of the Department of Civil Procedural Law, Rostov branch of the ²Rostov branch of the Russian State University of Justice, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Retired Judge.
V. N. Linkin – Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rostov branch of the Russian State University of Justice, Cand. Sci. (Law), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Вопросы административной и уголовной ответственности в свете усиления государственной политики, направленной на защиту российских традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений

Евгений Владимирович Миллеров¹, Елена Александровна Миллерова²

¹Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, evgenij-millerov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5611-8833>

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, millerovyEVEA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-5657>

Аннотация. В условиях сегодняшних вызовов и угроз одним из приоритетных направлений государственной политики в России выступает усиление традиционных духовно-нравственных ценностей, неотъемлемой составляющей которых являются и половые отношения. Правовая составляющая является важнейшим инструментом в механизме традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за несоблюдение установленных законодателями правил поведения в данной сфере. В рамках данной статьи авторами проанализированы особенности и проблемы норм об административной и уголовной ответственности, защищающие традиционные ценности в сфере половых отношений, предложены варианты по совершенствованию данных норм.

Ключевые слова: духовность, нравственность, ценности, традиции, половые отношения, законы, юридическая ответственность, вопросы, проблемы, совершенствование.

Для цитирования: Миллеров Е. В., Миллерова Е. А. Вопросы административной и уголовной ответственности в свете усиления государственной политики, направленной на защиту российских традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 144–154. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-144-154>. EDN AMOXGS

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Issues of administrative and criminal liability in the light of the strengthening of state policy aimed at protecting Russian traditional spiritual and moral values in the field of sexual relations

Evgeny V. Millerov¹, Elena A. Millerova²

¹Southern Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, evgenij-millerov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5611-8833>

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

³Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, millerovyEVEA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-5657>

Abstract. In the context of today's challenges and threats, one of the priorities of state policy in Russia is the strengthening of traditional spiritual and moral values, of which sexual relations are an integral component. The legal component is the most important tool in the mechanism of traditional spiritual and moral values, including norms providing for legal responsibility for non-compliance with the rules of conduct established by legislators in this area. Within the framework of this article, the authors analyzed the features and problems of the norms on administrative and criminal liability that protect traditional values in the field of sexual relations, and proposed options for improving these norms.

Keywords: spirituality, morality, values, traditions, sexual relations, laws, legal responsibility, issues, problems, improvement

For citation: Millerov E. V., Millerova E. A. Issues of administrative and criminal liability in the light of strengthening state policy aimed at protecting Russian traditional spiritual and moral values in the field of sexual relations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):144–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-144-154>.

Охрана нравственности в сфере половых отношений является одной из важных составляющих в механизме защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей как минимум по двум причинам. Во-первых, нравственная составляющая в половых отношениях напрямую связана с охраной здоровья населения, ограждая от различных серьезных заболеваний, передаваемых половым путем. Во-вторых, охрана нравственности в половой сфере является одним из инструментов охраны семьи и традиционных российских семейных ценностей.

В нынешнее время, наполненное внешними угрозами для нашего государства и общества, носящими во многом идеологический деструктивный характер, важным аспектом, безусловно, является охрана и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, частью которых являются и половые отношения.

В этой связи следует полностью согласиться с авторами, подчеркивающими в своих научных трудах, что «... В современных условиях сохранения российской государственности оказывается невозможным без государственной идеологии, воплощающей в себе систему традиционных ценностей, лежащих в основе духовно-нравственной, культурной и правовой сфер жизни общества. Поэтому для России, как для уникальной исторически сложившейся цивилизации, наличие идеологии, воплощающей в себе традиционные ценности, в современных условиях оказывается чрезвычайно значимым» [1, с. 124].

По мнению К. А. Устиленцева «...система традиционных ценностей выступает в качестве культурного фундамента, сохранение которого позволяет российскому государству и обществу выстоять перед лицом нарастающих внешних угроз и выжить в условиях экзистенциального кризиса» [2, с. 28]. Некоторыми даже высказывается мнение о том, что традиционные духовно-нравственные ценности вполне можно считать высшим стандартом прав человека, поскольку попытки их отменить либо исправить окажут негативное влияние на права человека [3, с. 9].

Особое внимание в вопросах охраны традиционных духовно-нравственных ценностей, как мы уже подчеркивали в одном из наших более ранних трудов, безусловно, следует уделять защите нравственного развития несовершеннолетних, которые ввиду своего возраста и еще не сформировавшегося в связи с этим морально-психологического стержня, более подвержены негативному влиянию [4, с. 77–81].

Как известно, в ноябре 2022 г. Президентом Российской Федерации были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы)¹. Относительно правовой природы этого документа можно согласиться с авторами, в том, что «...данный нормативный правовой акт носит программный характер, поскольку определяет рамки государственной

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс».

политики, а не правовой политики государства, хотя и предусматривает среди инструментов необходимость совершенствования нормативно-правовой базы» [5, с. 59].

Если внимательно ознакомиться с текстом Основ на предмет обнаружения в них необходимости усиления охраны традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений, то увидим, что здесь это спроецировано как неотъемлемая часть семейных ценностей. Согласно п. 14 данных Основ негативное идеологическое и психологическое воздействие на граждан насаждает российскому народу разрушительный эффект на сложившиеся в нашем обществе традиции. В числе вредоносных последствий п.14 этого документа предусматривает такие негативные последствия для традиционных семейных ценностей как вседозволенность, безнравственность, безразличное отношение к крепости семьи, брака, многодетности, а также разрушение традиционной модели семьи при помощи пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

В п. 17 указанных Основ перечислены риски распространения деструктивной идеологии. Если из них выбрать непосредственно те, которые влияют отрицательным образом на нравственные устои в сфере половых отношений, то это такие как: ослабление семейных связей (п. «а»); вред нравственному здоровью людей и отрицание человеческого достоинства (п. «в»); внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности (п. «г»); формирование общества, пренебрегающего духовно-нравственными ценностями (п. «д»).

В числе задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (п. 24 Основ) предусмотрено сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины).

Предусмотренный Основами механизм охраны традиционных духовно-нравственных ценностей многогранен. Со своей стороны подчеркнем, что в его арсенале имеется и «правовые инструменты» (п. 25), которые состоят из совершенствования нормативно-правовой базы, причем не только исключительно на федеральном, но также региональном и даже муниципальном уровнях.

Наличие правового инструмента в данном механизме, как справедливо отмечают в своих научных трудах данной тематики некоторые исследователи, предполагает активизацию правовых процессов в данном направлении [6, с. 34]. Более того, нельзя не согласиться с авторами, подчеркивающими, что сегодня «...С точки зрения правовой политики государства традиционные духовно-нравственные ценности должны определять ценностное значение всех отраслей права, что предопределяет практическую задачу проведения ревизии всего законодательства на предмет отражения и поддержания традиционных ценностей» [7, с. 304]. Вместе с тем, в данной публикации мы уделим детальное внимание нормам, предусматривающим юридическую (административную и уголовную) ответственность, поскольку их наличие в вопросах охраны традиционных нравственных половых отношений имеют не только исключительно государственно-принудительную составляющую в виде предусмотренных законодательными актами наказаний, но и значимый профилактический эффект.

Общественная нравственность в сфере половых отношений законодательством об административных правонарушениях защищается как на федеральном уровне, то есть Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), так и на региональном уровне, благодаря наличию соответствующих норм в законах об административных правонарушениях некоторых субъектов РФ, например, ст. 8.4 Закона Санкт-Петербурга об административных правонарушениях¹.

¹ Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 (ред. от 09.07.2024) «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // АО «Кодекс» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов - <https://docs.cntd.ru>

Говоря о КоАП РФ, прежде всего, нужно подчеркнуть, что общественная нравственность имеет место быть в качестве видového объекта правовой охраны данным Кодексом в главе 6, где, исходя из названия главы, сосуществует с такими видовыми объектами как здоровье населения и его санитарно-эпидемиологическое благополучие. В изначальной редакции Кодекса, норм, непосредственно защищающих именно общественную нравственность, в главе 6 КоАП РФ было совсем немного. К ним относились как раз лишь нормы, предусматривающие ответственность за деяния, посягающие на нравственность именно в сфере половых отношений: ст. 6.11 и ст. 6.12 КоАП РФ.

Следует отметить, что почти десятилетие с момента введения КоАП РФ в действие, количество норм в его 6-й главе, защищающих непосредственно общественную нравственность, не претерпевало изменений. Подвижки начались только с 2011 г., когда в КоАП РФ была введена ст. 6.17 Кодекса,¹ начавшая с этого момента административно наказывать за нарушение требований широко известного сегодня ФЗ 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Безусловно, состав правонарушения, предусмотренный ст.6.17 будет не совсем верно считать непосредственно защищающим лишь общественную нравственность, так как вышеуказанный федеральный закон предусматривает в первую очередь виды информации, запрещенной и ограниченной к распространению среди несовершеннолетних, способной причинить вред здоровью, что, собственно видно из названия самого закона. Вместе с тем, в данном нормативно-правовом акте запрещено либо ограничено, в том числе, в зависимости от возрастных категорий, различные виды негативной информации, способной причинить вред духовному и нравственному развитию несовершеннолетнего. В связи с этим, данный состав административного правонарушения смело можно относить к нормам, непосредственно защищающим общественную нравственность.

Усиление защиты нравственности Кодексом РФ об административных правонарушениях продолжилось с апреля 2013 г. путем введения в главу 6 Кодекса двух новых статей, направленных на пресечение деятельности юридических лиц в сфере организации занятия проституцией несовершеннолетними и использования их в изготовлении порнографической продукции (ст. 6.19 и ст. 6.20 КоАП РФ)².

Так же в 2013 году, но чуть позже (в июне), в КоАП РФ была введена норма, наказывающая за популяризацию нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 КоАП РФ),³ которая в декабре 2022 г. в рамках усиления государственной политики по охране духовно-нравственного наследия, была существенно изменена. Теперь по ст. 6.21 КоАП РФ административно наказуема пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и среди совершеннолетних граждан, а такая пропаганда среди несовершеннолетних стала квалифицированной разновидностью этого состава правонарушения, предусматривающей более строгую ответственность (ч. 2 ст. 6.21 КоАП РФ). Кроме того, благодаря декабрьским изменениям 2022 г., ст. 6.21 КоАП РФ теперь предусматривает административную ответственность и за пропаганду нетрадиционных сексуальных предпочтений или смены пола⁴.

¹ Федеральный закон от 21.07.2011 № 252-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «Консультант Плюс»

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» // СПС «Консультант Плюс»

³ Федеральный закон от 29.06.2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // СПС «Консультант Плюс»

⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант Плюс»

В мае 2014 г. для главы 6 КоАП РФ случилось еще два важных приобретения, касаемо защиты общественной нравственности, в нее были включены ст. 6.26 и ст. 6.27 КоАП РФ. Обе нормы направлены на борьбу с нецензурной бранью в нашей языковой культуре.¹

Упомянутым выше федеральным законом №479-ФЗ, которым были внесены существенные изменения в ст. 6.21 КоАП РФ, в декабре 2022 года Кодекс был дополнен еще двумя статьями, нацеленными на охрану общественной нравственности. Одна из них наказывает в административном порядке за пропаганду педофилии (ст. 6.21.1), а вторая за распространение среди несовершеннолетних лиц различной информации, которая демонстрирует нетрадиционные сексуальные отношения либо нетрадиционные сексуальные предпочтения или побуждающая желание смены половой принадлежности (ст.6.21.2).

Таким образом, мы видим, что из всех вышеуказанных составов административных правонарушений, посягающих на нравственность, предусмотренные сегодня действующим КоАП РФ, непосредственно против нравственности в сфере половых отношений направлены составы, закрепленные в ст.ст. 6.11, 6.12, 6.17, 6.20, 6.21, 6.21.1, 6.21.2 КоАП РФ.

Активные меры законодателей, направленные в последние годы на усиление охраны нравственности нашего общества в сфере половых отношений, в том числе и путем введения в главу 6 КоАП РФ новых составов, не может не радовать. Вместе с тем, относительно охраны общественной нравственности в данной области Кодексом РФ об административных правонарушениях остается целый ряд вопросов и даже проблем. Например, от, скажем, точечных, таких как чрезмерно слабая санкция за занятие проституцией в ст. 6.11 КоАП РФ, явно требующая ее ужесточения, о чем нами уже говорилось в более ранних трудах, посвященных борьбе с проституцией [8, с. 42–44], либо проблем, обозначаемых другими авторами относительно применения этой нормы [9, с. 327–330], до глобальных вопросов, касающихся роли и места общественной нравственности как видového объекта правовой охраны в действующем КоАП РФ.

Именно на втором из двух указанных аспектов здесь и хотелось бы заострить внимание. В числе основных проблем практического применения перечисленных норм главы 6 КоАП РФ, защищающих нравственность в сфере половых отношений, прежде всего, следует отметить отсутствие законодательно предусмотренного определения термину «проституция», в связи с появлением новых форм оказания платных сексуальных услуг («секс по телефону», эротический массаж и др.) о чем достаточно подробно говорилось в более ранних публикациях [10, с. 943; 11, с. 64–71]. Причем, это касается не только составов административных правонарушений, направленных на борьбу с проституцией (ст.ст. 6.11, 6.12 КоАП РФ), но и преступных деяний, непосредственно связанных с этой деятельностью (ст.ст. 240, 241 УК РФ).

Для практического применения ст. 6.21 и ст. 6.21.2 КоАП РФ не совсем понятен охват разновидностей половых отношений примененным законодателями в диспозициях этих норм термином «нетрадиционные сексуальные отношения». Поскольку определения данному термину нет как в КоАП РФ, так и где-либо еще в российском федеральном законодательстве, возникает вопрос квалификации деяний по этим статьям только применительно к гомосексуальным отношениям или и к иным половым активностям, не вписывающимся в рамки наших российских традиционных нравственных ценностей, например, пришедшее с Запада и набравшее в последние годы в нашей стране некоторую популярность «свинг-движение» (в научном сообществе такие отношения принято называть термином «полиамория» [12, с. 11-16]) и др.

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка» // СПС «Консультант Плюс».

В применении ст. 6.12 КоАП РФ основной проблемой является ее разграничение с составом преступления, предусматривающим уголовную ответственность за организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). О данной проблеме в своих научных трудах упоминает целый ряд ученых, специализирующихся как на административном, так и на уголовном праве, например, И. С. Алихаджиева [13, с. 123], О. А. Дизер [14, с. 15], Ф. Н. Кадников [15, с.100], Р. Б. Осокин [16, с. 17], А. Е. Шалагин [17, с. 189] и др.

Одним из вариантов решения данной проблемы, предлагаемых научным сообществом, является исключение из Кодекса РФ об административных правонарушениях ст.6.12. Такое решение проблемы квалификации получения дохода от занятия проституцией другими лицами, безусловно, видится самым простым. Однако правилен ли такой путь? Нам представляется, что нет, поскольку общественная опасность простого получения дохода от занятия проституцией другим лицом явно меньше, чем от организации занятия проституцией. Главной отличительной чертой при квалификации действий именно по ст. 6.12 КоАП РФ, а не по ст. 241 УК РФ, как мы ранее уже говорили [18, с. 514], является отсутствие организационной составляющей в действиях лица, получающего доход: охранник в притоне; администратор гостиницы или сауны, который предоставляет номер телефона проститутки или сутенеров при появлении на это спроса у клиентов гостиницы/сауны и т.п.

К составу административного правонарушения, предусмотренному ст. 6.20 КоАП РФ есть как минимум два вопроса. Во-первых, почему КоАП РФ предусматривает ответственность в отношении юридических лиц за изготовление и оборот только порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, тогда как Уголовный кодекс РФ помимо ответственности за изготовление и оборот именно такой порнографии (ст. 242.1, 242.2 УК РФ), как известно, предусматривает ответственность за действия, связанные с распространением и оборотом порнографических материалов с изображением взрослых лиц (ст. 242 УК РФ). В этой связи, наверное, абсолютно уместно говорить о введении в КоАП РФ административной ответственности в отношении юридических лиц за действия, направленные на оборот любой порнографии, а не только порнографических материалов с изображением несовершеннолетних.

Вторым вопросом является полное отсутствие практики привлечения юридических лиц к ответственности по ст. 6.20 КоАП РФ. Дела о таких административных правонарушениях рассматриваются судьями (ст. 23.1 КоАП РФ). Если посмотреть ежегодную отчетность о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях с 2014 г. по 2023 г. включительно, то увидим, что за десятилетний период нахождения ст.6.20 в КоАП РФ, судами не было рассмотрено ни одного дела о данном правонарушении¹.

Преступления, посягающие на общественную нравственность, расположены в главе 25 Уголовного кодекса РФ (в этой же главе и составы преступлений, направленные против здоровья населения). К группе преступлений, посягающих на нравственность, в уголовно-правовой доктрине принято относить составы, предусмотренные ст.ст. 240-245 УК РФ. Их можно разделить на несколько групп: 1) преступления, связанные с проституцией (ст.ст. 240, 240.1, 241); 2) преступления, связанные с оборотом порнографии (ст.ст. 242, 242.1, 242.2); 3) преступления, посягающие на объекты культурного наследия (ст.ст. 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4); 4) преступления, посягающие на достойное отношение к умершим и местам их захоронения (ст. 244); 5) преступления, попирающие гуманное отношение к животным (ст. 245). Таким образом, вполне очевидно, что к преступлениям, посягающим на нравственность в сфере половых отношений, относятся преступные деяния, связанные с проституцией и оборотом порнографии.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014-2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ - <http://www.cdep.ru>

Общественная нравственность в сфере половых отношений в качестве объекта уголовно-правовой охраны тесно соприкасается с половой неприкосновенностью несовершеннолетних (ст. 134 и ст. 135, расположенные в гл. 18 УК РФ). В этой связи, встречаются научные труды, где при характеристике природы половой неприкосновенности как объекта правовой охраны, говорится не только о защите нормального физического развития несовершеннолетних, но и о защите их духовного развития [19, с. 61] или о том, что половую неприкосновенность составляет не только защита несовершеннолетнего в физическом и психическом аспектах, но и защита его нравственного развития [20, с. 159].

Анализ определений основного непосредственного объекта, сформулированного разными правоведами для составов преступлений, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ показал, что целый ряд из них называют нормальное нравственное развитие несовершеннолетних в структуре их половой неприкосновенности, либо же считают нормальное нравственное развитие несовершеннолетних в качестве дополнительного объекта указанных преступлений [21, с. 23].

Усиление Уголовного кодекса РФ в вопросах защиты общественной нравственности в сфере половых отношений, наверное, можно считать еще с 2012 г., когда УК РФ был дополнен ст. 242.2, предусматривающей сегодня ответственность за использование несовершеннолетнего в изготовлении порнографии¹. Вслед за этим, в декабре 2013 г. УК РФ был дополнен еще и ст. 240.1, с установлением в ней уголовной ответственности в отношении совершеннолетних лиц за получение сексуальных услуг от лица достигшего шестнадцати лет, но не достигшего возраста совершеннолетия². Кроме этого, нельзя не отметить дополнение в июне 2016 г. ст. 242.1 УК РФ примечанием, в котором законодатели прописали официальное определение термину «материалы и предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних»³. Таким образом, получилось, что при отсутствии определения термину «порнографические материалы и предметы» в действующем Уголовном кодексе РФ (это можно было сделать в ст. 242 УК РФ), законодатели в вышеуказанном примечании к ст. 242.1 УК РФ предусмотрели официальное определение одному из видов порнографии. Однако отметим, что в действующем российском федеральном законодательстве имеется определение такому термину как «информация порнографического характера»⁴.

Несмотря на наличие в примечании ст. 242.1 УК РФ данного определения, анализ судебной практики показывает, что даже после его введения в Кодекс для применения ст. 242.1 и ст. 242.2 УК РФ, следственные органы все равно в обязательном порядке назначают и проводят экспертизы для определения относимости к материалам с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Как правило, такие экспертизы носят комплексный характер, где в основном в состав экспертов входят психологи, сексологи, искусствоведы⁵.

¹ Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СПС «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 28.12.2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

³ Федеральный закон от 23.06.2016 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статью 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁴ ст. 2, Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Приговоры: Предгорного районного суда Ставропольского края от 05.10.2020 по уголовному делу № 1-285/2020; Марксовского городского суда Саратовской области от 28.10.2020 по уголовному делу № 1-131/2020; Свердловского районного суда г. Костромы от 30.10.2020 по уголовному делу № 1-406/2020; Центрального районного суда г. Сочи от 16.03.2021 по уголовному делу № 1-222/2021; Нальчикского

В числе наиболее острых проблем квалификации общественно опасных деяний, непосредственно связанных с вышеуказанной группой преступлений, помимо уже отмеченного здесь выше отсутствия официального нормативного определения понятия термина «проституция» для ст. 240 и ст. 241 УК РФ, можно назвать наличие в ст. 240.1 УК РФ термина «сексуальные услуги», определения которому тоже законодательно не предусмотрено, в связи с чем, не может не вызывать вопрос, какой спектр сексуальных услуг, охватывается объективной стороной данного состава преступления, только вступление в половые акты или и другие виды услуг сексуального характера (эротический массаж, «секс по телефону» и др.).

По нашему мнению, сегодня совершенствование вопросов юридической ответственности как одного из инструментов усиления защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей в сфере половых отношений, должно идти по пути тесной взаимосвязи административной и уголовной ответственности, в частности путем активного применения в диспозициях некоторых вышеуказанных статей УК РФ административной преюдиции, поскольку таковая, как показывают научные исследования [22, с. 58-64], давно успешно применена законодателями во многих уголовно-правовых нормах, защищающих другие объекты правовой охраны. В интересующих нас составах преступлений мы до сих пор данного нормотворческого приема, к сожалению, не наблюдаем, а зря.

Во-первых, помимо очевидной необходимости ужесточения санкции ст. 6.11 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за занятие проституцией, видится целесообразным введение в Уголовный кодекс РФ статьи с административной преюдицией, которая бы предусматривала уголовную ответственность в случаях выявления повторно занятия проституцией тем же лицом в течение срока, когда оно считается подвергнутым административному наказанию по ст. 6.11 КоАП РФ, то есть в течение 1 года (ст. 4.6 КоАП РФ).

Во-вторых, поскольку ст. 241 УК РФ помимо уголовной ответственности за организацию занятия проституцией и содержание притонов для этой деятельности так же предусматривает ответственность и за систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, логично напрашивается предложение о введении в КоАП РФ статьи, которая бы предусматривала административную ответственность за однократное предоставление помещения в указанных целях, тем более, подобные инициативы в некоторых научных трудах уже высказывались [23, с. 97]. Безусловно, в случае введения в КоАП РФ такой нормы, появится необходимость и изменения в диспозиции ст. 241 УК РФ просто систематического предоставления помещений для занятия проституцией на административную преюдицию в конструкции данного состава преступления.

Список источников

1. Маркова Н.А. Традиционные ценности как идейные ориентиры правовой политики государства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. №2 (40). С. 121–125.
2. Устиленцев К.А. Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей: историко-правовой аспект // Юрист-Правоведъ. 2024. №2 (109). С. 24–29.
3. Далгалы Т.А., Гостькова Д.Ж. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. №3. С.7-10.

городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 08.06.2021 по уголовному делу № 1-693/2021; Раздольненского районного суда Республики Крым от 09.11.2023 по уголовному делу № 1-120/2023; Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 17.01.2024 г. по уголовному делу № 1-31/2024 // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ» - <https://sudact.ru>.

4. Исакова Ю.И., Миллеров Е.В., Миллерова Е.А. О мерах законодателей по усилению правового механизма защиты нравственного развития несовершеннолетних в сфере традиционных семейных ценностей // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №9 (160). С.77-81.

5. Устиленцев К.А. К вопросу о социальной обусловленности правовой политики в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Философия права. 2024. №1 (108). С.54-60.

6. Хужина О. Н., Плешаков Е. А. О юридическом приоритете традиционных духовнонравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С.32-40.

7. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т.14. №2. С.294-306.

8. Миллеров Е.В. К вопросу об оптимизации административного наказания за занятие проституцией // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. №11 (30). С.42-44.

9. Дизер О.А. Совершенствование норм законодательства об административной ответственности за занятие проституцией и связанных с ней деяний // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения). СПб. 2020. С.327-330.

10. Грибунов О.П., Небрatenко Г.Г., Безручко Е.В., Миллерова Е.А. Проблемы уголовно-правовой оценки вовлечения в занятие проституцией и организации данного вида деятельности путем применения насилия или угрозы его применения // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т.13. №6. С.941-950.

11. Миллеров Е.В. Вопросы юридической оценки деятельности салонов эротического массажа // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. №3. С.64-71.

12. Фролова М. И., Кортнева В. Д. Полиамория как альтернативная форма семейных отношений // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2021. №2 (39). С.11-16.

13. Алихаджиева И.С. Квалификация посредничества в организации занятия проституцией (ст.241 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2015. №8 (57). С.123-128.

14. Дизер О.А. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения милицией правонарушений в сфере оборота продукции, оказания услуг и проведения зрелищных мероприятий сексуального характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Омск, 2004. 21 с.

15. Кадников Ф.Н. К вопросу об ответственности за занятие проституцией и сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией // Криминологический журнал. 2022. №4. С.98-105.

16. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: автореф. дисс. ... докт.юрид.наук: 12.00.08. Москва. 2014. 46 с.

17. Шалагин А.Е. Дифференциация уголовной ответственности за организацию занятия проституцией // Вестник экономики, права и социологии. 2013. №2. С.187-190.

18. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права: учебник / отв.ред. И.А. Подройкина, С.И. Улезько – М.: Проспект. 2019. 768 с.

19. Степанова О.Ю. Половая неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. №14-2. С.60-61.

20. Гусарова М.В. Нравственность как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны...преступлений сексуального характера // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. №2. С.155-160.

21. Миллерова Е. А., Безручко Е. В. Нравственное развитие несовершеннолетних как социально ценностная категория в уголовном праве // Философия права. 2019. №2 (89). С.21-25.

22. Безручко Е. В., Миллеров Е. В., Подопригора А. А. Проблемы и перспективы административной преюдиции в российском уголовном законе // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т.1. №4. С.58-64.
23. Бидзян Д. Р. Об уголовно-правовой оценке деяний, составляющих организацию занятия проституцией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т.9. №2 (31). С.92-101.

References

1. Markova N. A. Traditional values as ideological guidelines of the legal policy of the state. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them*. 2023;2(40):121–125. (In Russ.).
2. Ustylentsev K.A. Formation of traditional Russian spiritual and moral values: historical and legal aspect. *Jurist-Pravoved*. 2024;2(109):24-29. (In Russ.).
3. Dalgaly T.A., Gostkova D.J. Traditional spiritual and moral values as the basis of national security of Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2023;23(3):7-10. (In Russ.).
4. Isakova Yu. I., Millerov E. V., Millerova E. A. On the measures of legislators to strengthen the legal mechanism for protecting the moral development of minors in the field of traditional family values. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2023;9(160): 77-81. (In Russ.).
5. Ustylentsev K.A. On the issue of social conditionality of legal policy in the field of protection and protection of traditional Russian spiritual and moral values. *Philosophy of Law*. 2024;1 (108):54-60. (In Russ.)
6. Khuzhina O. N., Pleshakov E. A. On the legal priority of traditional spiritual and moral values. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;1(65):32-40. (In Russ.).
7. Kropachev N. M., Arkhipov V. V. Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects. *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2023; 14(2):p.294-306.
8. Millerov E. V. On the issue of optimizing administrative punishment for prostitution. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2012;11 (30):42-44. (In Russ.).
9. Dizer O.A. Improving the norms of legislation on administrative responsibility for prostitution and related acts. In: *Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference "Actual problems of administrative and administrative procedural law" (Sorokin readings)*. St. Petersburg, 2020. P. 327-330. (In Russ.)
10. Gribunov O. P., Nebratenko G. G., Bezruchko E. V., Millerova E. A. Problems of criminal legal assessment of involvement in prostitution and organization of this type of activity through the use of violence or threat of its use. *All-Russian Journal of Criminology*. 2019;13(6):941–950. (In Russ.)
11. Millerov E. V. Issues of legal assessment of the activities of erotic massage salons. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2023;(3):64-71. (In Russ.)
12. Frolova M. I., Kortneva V. D. Polyamory as an alternative form of family relations. *Russian science and education today: problems and prospects*. 2021;2(39):11-16. (In Russ.)
13. Alikhajieva I. S. Qualification of mediation in the organization of prostitution (Article 241 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Actual problems of Russian law*. 2015;8 (57):123-128. (In Russ.)
14. Dizer O. A. *Administrative and legal bases for the prevention and suppression by the police of offenses in the sphere of product turnover, provision of services and holding spectacular events of a sexual nature*: abstract of the thesis ... cand. Jurid. Sciences : 12.00.14. Omsk, 2004. 21 p.
15. Kadnikov F.N. On the issue of responsibility for prostitution and sexual exploitation of other persons in the form of prostitution. *Criminological journal*. 2022;(4):98–105. (In Russ.)
16. Osokin R. B. *Theoretical and legal foundations of criminal liability for crimes against public morality*: abstract. diss. ... Doctor of Law: 12.00.08. Moscow. 2014. 46 p.
17. Shalagin A. E. Differentiation of criminal liability for organizing prostitution. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2013;(2):187–190. (In Russ.)

18. *Actual problems of the Special part of criminal law: textbook.* Ed. by I.A. Podroykin, S.I. Ulezko Moscow: Prospect; 2019. 768 p. (In Russ.)

19. Stepanova O. Yu. Sexual inviolability of minors and minors as an object of criminal law protection. *Actual problems of combating crimes and other offenses.* 2014;14-2:60-61. (In Russ.)

20. Gusarova M. V. Morality as an independent object of criminal law protection ... of crimes of a sexual nature. *Criminal law: development strategy in the XXI century.* 2024;(2):155-160. (In Russ.)

21. Millerova E. A., Bezruchko E. V. Moral development of minors as a socially valuable category in criminal law. *Philosophy of Law.* 2019;2(89):21-25. (In Russ.)

22. Bezruchko E. V., Millerov E. V., Podoprighora A.A. Problems and prospects of administrative prejudice in the Russian criminal law. *Legal order and legal values.* 2023;1(4):58-64. (In Russ.)

23. Bidzyan D.R. On the criminal legal assessment of acts constituting the organization of prostitution. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law.* 2019;9(2 (31)):92-101. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. В. Миллеров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» ДГТУ.

Е. А. Миллерова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» РГУПС

Information about the authors

E. V. Millerov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law of Souse-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of ²Don State Technical University.

E. A. Millerova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines of the Rostov State University of Railway Engineering.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-155-163>

EDN AOXLMI

Некоторые особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств

Ольга Николаевна Лазаренко¹,
Оксана Николаевна Лаврова²,
Никита Викторович Селедников³

¹ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск, Россия, lazarenko-on@ranepa.ru

² Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (Московский областной филиал), Москва, Россия, ok.selednikova@rambler.ru

³ Международный юридический институт, Москва, Россия

³ Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, selednikovnikita@yandex.ru

Аннотация: В настоящее время, в условиях интенсивного развития инфраструктуры, основной составляющей которой является транспорт, одной из главных задач государства остается обеспечение безопасности дорожного движения.

Распоряжением Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р утверждена Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 – 2024 годы [1], в которой определены основы формирования и реализации государственной политики в области безопасности дорожного движения на различных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном, межотраслевом). Повышение безопасности дорожного движения и стремление к достижению в 2030 г. нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях – ее цель. На 2024 г. в качестве целевого ориентира установлен показатель социального риска – не более 4 погибших на 100 тыс. населения. В статье проанализированы некоторые особенности производства осмотра места происшествия по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова: место происшествия, дорожно-транспортное происшествие, транспортное средство, осмотр, правила дорожного движения

Для цитирования: Лазаренко О. Н., Лаврова О. Н., Селедников Н. В. Некоторые особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 155–163. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-155-163>. EDN AMOXGS

Original article

Some features of the inspection of the scene of an accident in criminal cases of violation of traffic rules and operation of vehicles

Olga N. Lazarenko¹,
Oksana N. Lavrova²,
Nikita V. Selednikov³

¹Smolensk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Smolensk, Russia, lazarenko-on@ranepa.ru

² Moscow Regional branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

²International Law Institute, Moscow, Russia, ok.selednikova@rambler.ru

³ Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, selednikovnikita@yandex.ru

Abstract. Currently, in conditions of intensive development of infrastructure, the main component of which is transport, one of the main tasks of the state remains to ensure road safety. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1-r dated 08.01.2018 approved the Road Safety Strategy in the Russian Federation for 2018-2024, which defines the foundations for the formation and implementation of state policy in the field of road safety at various levels (federal, regional, municipal, intersectoral). Improving road safety and striving to achieve zero deaths in road accidents in 2030 is its goal. For 2024, the social risk indicator has been set as a target – no more than 4 deaths per 100,000 people. The article analyzes some features of the inspection of the scene of an accident in criminal cases of violation of traffic rules and operation.

Keywords: accident scene, traffic accident, vehicle, inspection, traffic laws

For citation: Lazarenko O. N., Lavrova O. N., Selednikov N. V. Some features of the inspection of the scene of an accident in criminal cases of violation of traffic rules and operation of vehicles *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):155–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-155-163>.

В 2023 г. зарегистрировано 74 941 преступление против безопасности дорожного движения, из которых 17 865 преступлений, предусмотренных статьей 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), что составляет 23,8% преступлений в данной сфере [1].

В данной статье проанализируем некоторые особенности производства осмотра места происшествия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 264 УК РФ.

Задачами осмотра места происшествия по уголовным делам анализируемой категории являются:

- 1) принятие мер по охране обстановки места происшествия до окончания осмотра и оказанию помощи потерпевшим в дорожно-транспортном происшествии (далее – ДТП);
- 2) установление места преступления, выяснение обстановки и последствий ДТП;
- 3) обнаружение, фиксация, изъятие следов и других вещественных доказательств;
- 4) осмотр и определение технического состояния транспортного средства, времени возникновения неисправностей в нем, их влияния на безопасность движения и на возникновение ДТП;
- 5) получение от участников и очевидцев ДТП пояснений об обстоятельствах происшествия;
- 6) поиск информации о марке, модели, особых признаках отсутствующего на месте ДТП транспортного средства, определение направления его движения после происшествия и принятие мер по его розыску;
- 7) выдвижение и проверка версий об обстоятельствах совершенного преступления [2].

Приведенный перечень тактических задач, безусловно, не является исчерпывающим и может быть дополнен и изменен, в зависимости от характера ДТП и вызванных им последствий.

В ходе осмотра места происшествия по уголовным делам анализируемой категории решаются следующие основные тактические задачи:

- 1) выяснение и фиксация обстановки ДТП;
- 2) обнаружение, фиксация и изъятие следов;
- 3) определение технического состояния транспортного средства.

В ходе выяснения и фиксации обстановки ДТП следователь получает сведения, необходимые для производства судебных экспертиз (автотехнической, дорожно-транспортной, инженерно-транспортной). Именно характер решаемых в дальнейшем экспертных задач обуславливает необходимость установления и фиксации данных, характеризующих дорожное покрытие при осмотре места происшествия. В частности, в протоколе должны быть зафиксированы направление, продольный и поперечный профиль дороги, тип дорожного покрытия (асфальт, асфальтобетон, цементобетон, бетон, брусчатка, гравий, песок и т. п.) и его «зернистость», состояние дорожного покрытия, длина и состояние откосов и кюветов и пр. [3].

В связи с вышеизложенным, С. А. Евтюков и Я. В. Васильев в осмотре места по уголовным делам о ДТП выделяют дорожно-технический аспект, определяемый ими как «работа на экспертизу», поскольку основная задача комплексной инженерно-транспортной судебной экспертизы заключается в проведении диагностических исследований, связанных с установлением механизма ДТП [4].

Одним из принципиально важных положений для тактики проведения осмотра места ДТП является установление того, какие именно изменения были внесены в обстановку, существовавшую до события преступления. При этом необходимо учитывать и вероятность внесения изменений в обстановку места происшествия до прибытия следственно-оперативной группы, а иногда – полную его инсценировку.

Эффективным тактическим приемом является воображаемое моделирование места происшествия, основой которого являются первичные сведения о характере ДТП, которые могут содержаться в пояснениях участников преступления и очевидцев. Безусловно, в каждом случае модель имеет определенную степень вероятности, однако мысленное моделирование позволяет объяснить уже установленные факты и определить признаки, указывающие на неполноту осмотра. Кроме того, моделирование позволяет эффективно выявлять несоответствия и противоречия, свидетельствующие о внесении изменений в обстановку места происшествия или его инсценировку¹.

Определение технического состояния транспортного средства является неотъемлемым его элементом осмотра места происшествия по уголовным делам, предусмотренным ст. 264 УК РФ, поскольку транспортное средство зачастую имеет ключевое значение в динамической системе «водитель – транспортное средство – дорога – окружающая среда». Именно поэтому субъектом преступления, кроме лица, управляющего транспортным средством, может быть должностное лицо, ответственное за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств. Поэтому, если на месте ДТП осталось транспортное средство, то, кроме его внешне осмотра с целью выявления на нем определенных следов, нужна проверка исправности его основных агрегатов. Нередко причиной ДТП выступает неисправность основных агрегатов транспортного средства: тормозов, ходовой части, включая подвеску, рулевого управления, системы освещения и сигнализации, системы сцепления (в грузовых автомобилях с прицепами).

В следственной практике встречаются случаи, когда в отдельные агрегаты транспортного средства вносятся изменения, призванные упростить его эксплуатацию и которые

¹ Пять человек погибли в массовой аварии под Челябинском из-за отцепившегося прицепа [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // <https://www.province.ru/chelyabinsk/tragediya/> (дата обращения: 21.06.2024).

затем становятся причиной ДТП. Так, в 2018 году в Челябинской области имело место резонансное ДТП, в котором погибли пять человек в результате столкновения четырех автомобилей, один из которых был с прицепом. Прицеп внезапно отсоединился от большегрузного автомобиля «Volvo», и на большой скорости выехал на встречную полосу дороги, где столкнулся с автомобилем «Tata», оборудованным манипулятором. После этого прицеп столкнулся с автомобилями «LandRover» и «ГАЗель». В ходе осмотра места происшествия было установлено, что при осмотре водитель грузового автомобиля «Volvo» не проверил исправность тягово-сцепного устройства. В связи с чем не обнаружил отсутствие чеки, фиксирующей стопор тягово-сцепного устройства, что и стало причиной отсоединения прицепа и совершенного ДТП [5].

Вышеуказанный пример свидетельствует о том, что уже в ходе осмотра транспортного средства на месте ДТП может быть установлена неисправность узлов и агрегатов, что является причиной преступления. Как правило, для этого к участию в осмотре места происшествия нужно привлекать специалиста-автотехника. При выявлении в ходе осмотра места происшествия технической неисправности определенного узла или агрегата транспортного средства в дальнейшем следователем назначается производство автотехнической судебной экспертизы для экспертного установления данной неисправности, причин ее образования и причинной связи с совершенным преступлением.

Рабочий этап осмотра места ДТП начинается с прибытия членов следственно-оперативной группы на место происшествия. Прибыв на место ДТП, следователь составляет протокол осмотра места происшествия, с применением технических средств (фотосъемка, видеозапись) фиксирует местонахождение трупа, транспортного средства и других объектов и следов, которые являются последствиями ДТП, составляет план-схему места происшествия [6].

В настоящее время подавляющее большинство транспортных средств оснащены бортовыми информационными системами, которые накапливают «компонентные» и «геокоммуникативные» сведения.

Стандартные «компонентные» сведения включают в себя данные о мониторинге состояния автомобиля, бортовом компьютере, электронных приборах. Система контроля состояния автомобиля отслеживает условия работы двигателя, тормозной системы, систем питания и освещения с помощью датчиков уровня жидкости, давления, температуры и освещения. Бортовой компьютер содержит данные о среднем расходе топлива, средней скорости автомобиля, пробеге, времени движения, температуре в салоне и т.д.

«Геокоммуникативные» сведения сохраняются, благодаря автомобильной информационной системе связи, включающей бортовую мультимедийную систему, систему информирования водителя, голосовую систему, интеллектуальную транспортную систему (ITS), систему глобального позиционирования (GPS), систему связи по компьютерной сети, бортовую систему беспроводной связи малого радиуса действия, систему мониторинга состояния и диагностики неисправностей.

К наиболее значимым элементам информационных систем транспортных средств для доказывания по уголовному делу относятся:

1) регистратор данных о событиях (далее – РДС), особенность работы которого заключается в непрерывном фоновом считывании показателей работы автомобиля. К минимальным параметрам, сохраняемым РДС, относятся: совокупное изменение скорости вдоль продольной оси, скорость по показаниям систем транспортного средства, положение дроссельной заслонки в процентах от максимального открытия (или в процентах от полного выжимания педали акселератора), состояние ремня безопасности водителя, время срабатывания подушек безопасности, боковое и продольное ускорение столкновения, число оборотов двигателя в минуту, угол крена транспортного средства, поворот рулевого колеса и др.

Для считывания и обработки данных с модулей РДС могут использоваться соответствующие универсальные аппаратно-программные комплексы, которые позволяют получить «образ» аварийной информации и систематизировать информацию в виде таблиц в pdf-формате без модификации сохраненных данных [7]. Наибольшее распространение у специалистов по реконструкции ДТП получил аппаратно-программный комплекс «Bosch CDR Tool», позволяющий после извлечения данных РДС сформировать отчет о параметрах автомобиля до, во время и после ДТП.

Таким образом, данные, полученные из модуля РДС, являются незаменимой компонентной основой для реконструкции механизма преступления в области безопасности дорожного движения. В связи с этим, экспертное исследование извлеченных данных из транспортного средства может стать решающим доказательством вины или невиновности лиц по уголовным делам [8];

2) мультимедийные геокоммуникационные системы (далее – МГС). В отличие от РДС, большая часть модификаций которого нацелены на документирование аварийной ситуации в расследовании преступлений в сфере безопасности дорожного движения, МГС становятся объектом исследования при расследовании широкого спектра преступлений [9, 10]. С помощью МГС в рамках расследования преступления можно получить ретроспективные сведения о маршруте транспортного средства, а также об истории сопряжения операционных систем мультимедийных устройств автомобиля со смартфонами.

Криминалистическую значимость представляют: журнал использования GPS-навигации, в котором наглядно отображается история запросов и маршрутов, по которым до, в момент и после совершения преступления перемещалось транспортное средство; текстовые сообщения – входящие и исходящие сообщения часто хранятся временно или постоянно в системе; журналы вызовов – мультимедийная система обычно синхронизируется с историей телефонных звонков при включенном Bluetooth, позволяя извлекать подробные сведения, включая входящие, исходящие и пропущенные вызовы; списки контактов – имена, номера и другие сведения из списка телефонных контактов часто синхронизируются с мультимедийной системой для работы в режиме громкой связи; данные приложений – установленные приложения в мультимедийных системах транспортного средства могут интегрироваться с мобильными приложениями на телефоне, тем самым сохраняя пользовательские данные, например, списки воспроизведения музыки из сервисов потоковой передачи или навигационные настройки из картографических приложений; мультимедийные файлы – копии или метаданные этих файлов могут храниться, если телефон использовался для воспроизведения музыки или других медиафайлов через мультимедийную систему автомобиля; журналы сопряжения Wi-Fi и Bluetooth – в них может быть указано, какие устройства были подключены к мультимедийной системе автомобиля, предоставляя информацию о лицах, которые пользовались транспортным средством.

Отдельного внимания заслуживают данные, которые сохраняются информационными системами высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВАТС). В настоящее время ВАТС аккумулируют большой объем сведений, которые поступают как от внешних датчиков, так и устройств, документирующих обстановку в салоне автомобиля [11].

Благодаря использованию камер, радаров, лидаров и интеллектуальных систем при расследовании отдельных видов преступлений, ВАТС может представлять собой источник следующей доказательственной информации: действия водителя ВАТС перед ДТП; параметры ВАТС перед ДТП (траектория движения, время и интенсивность ускорения/замедления, время, степень поворота и т.д.); сведения о дорожной обстановке в момент ДТП (погодные условия, освещенность, режим работы светофора и т.п.).

Совокупность перечисленных сведений формирует исчерпывающую информацию о причинах ДТП, а также помогает определить ответственность (водителя, аппаратно-программного обеспечения ВАТС или производителя).

Так, после произошедшего в Голландии ДТП в ходе осмотра места происшествия следователями из компьютерного модуля автомобиля «Tesla» была извлечена карта micro-SD и передана сотрудникам Голландского института судебной экспертизы для проведения исследования¹.

В рамках экспертизы, которая впервые была проведена независимым государственным учреждением в отношении зашифрованных данных «Tesla», было установлено, что сведения, находящиеся на карте micro-SD, документируют параметры эксплуатации автомобиля в пределах большого промежутка времени (более одного года). При этом, после извлечения данных с указанного носителя, экспертам стала доступна информация, которая ранее не предоставлялась компанией «Tesla Motors» по запросам. Дело в том, что существующий режим удаленной синхронизации транспортного средства с сервером «Tesla Motors» в автоматическом зашифрованном режиме сохраняет данные в условиях активности Интернет-соединения (сеть 4G). При расследовании ДТП с участием «Tesla» следователь истребовал информацию у «Tesla Motors» с тем, чтобы получить к ней доступ. Анализ полученных сведений позволил сделать вывод о том, что перед наездом на дерево автомобиль «Tesla Model S» передвигался со скоростью 155 км/ч (96 миль). При этом функция «Автопилот» была выключена, то есть управление осуществлялось водителем [12].

В ходе осмотра места происшествия возможно проведение некоторых ряд экспериментальных действий (установление видимости, обзорности, коэффициента сцепления и пр.), что также фиксируется в протоколе осмотра места происшествия.

При столкновении двух транспортных средств внешний осмотр рекомендуется начинать с осмотра контактирующих поверхностей, учитывая характер столкновения (встречное, попутное или боковое).

В случае столкновения транспортных средств в вечернее или ночное время важную роль в установлении механизма ДТП играет установление наличия и исправности осветительных приборов. Одним из свойств фар и стоп-сигналов является то, что в месте столкновения у включенной фары или стоп-сигнала нить накаливания перегорает, образуя на концах обгоревшие округления. Если во время столкновения осветительные приборы были выключены, то на концах нити накаливания образуются острые концы [13]. Поэтому, прибыв на место ДТП, следователь с высокой степенью вероятности может дать ответ на вопрос о том, были ли включены осветительные приборы в момент столкновения.

Конечно, тщательный осмотр транспортного средства в ходе осмотра места происшествия провести практически невозможно, поэтому по окончании осмотра места происшествия, транспортное средство доставляется на специализированную стоянку. Порядок перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, условия их хранения и возврата установлены законами субъектов Российской Федерации.

В заключение отметим, что ДТП совершаются в динамической системе «водитель – транспортное средство – дорога – окружающая среда» в весьма краткий короткий промежуток времени, поэтому отражение этой системы в материальной окружающей среде может быть неполным.

Материальные следы несут в себе информацию о последствиях преступления в целом и его отдельных фрагментах. Целостная картина преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, может быть воспроизведена и проанализирована только в ходе проведения целого комплекса следственных действий (допросов, производства судебных экспертиз, следственных экспериментов и пр.) с использованием общих тактических приемов, изложенных в криминалистической литературе [14]. При этом особое внимание в ходе осмотра транспортного средства следует уделять поиску цифровых следов, оставляемых при использовании установленных в автомобиле информационных систем. Извлечение

¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.teslarati.com/tesla-investigatesdeadlycrash-model-s-drives-tree/tesla-model-s-crashnetherlands-1/> (дата обращения: 01.08.2024).

соответствующих данных позволит сформировать необходимую доказательственную базу для подтверждения или опровержения виновности лица, эксплуатирующего автомобиль перед, в момент или после совершения противоправного деяния.

Список источников

1. Баканов К. С. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году : информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, М. М. Исаев, П. С. Коблов, Е. Д. Никулин, А. С. Саакян, И. А. Смирнов, Н. В. Селедников, К. А. Миноченков. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.; ISBN 978-5-6046953-8-8.
2. Лаврова О. Н. и др. Некоторые особенности деятельности следователя на первоначальном этапе расследования уголовных дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / О. Н. Лаврова, Н. В. Селедников // Актуальные проблемы уголовного процесса: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.С. Диденко. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 154 с. С. 92–98.
3. Фролов А.Н. Тактика осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Дискуссионные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства и его применения: сборник статей по материалам всероссийской конференции. Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 434 с. С. 272–277.
4. Евтюков С. А. и др. Судебная автотехническая экспертиза / С. А. Евтюков, Я. В. Васильев. Санкт-Петербург : Петрополис, 2018.-Т. 1: Теория и практика. Т. 1. - 2018. - 242 с.; ISBN 978-5-9676-0982-4. С. 38.
5. Пупцева А. В. и др. Установление первоначального положения транспортных средств по результатам исследования обстановки дорожно-транспортного происшествия / А. В. Пупцева, Е. И. Замылин // Судебная экспертиза. 2022. № 3(71). С. 58–66.
6. Данилкина В. М. и др. Организационно-тактические особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия: учебное пособие / В. М. Данилкина, Г. И. Сафонов, М. С. Шуваева. М.: Московский ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. 102 с.; ISBN 978-5-9694-0986-6.
7. Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Организация и безопасность движения (автомобильный транспорт» направления подготовки «Организация перевозок и управление на транспорте» / Э. Р. Домке. – М. : Академия, 2009. – 286 с.; ISBN 978-5-7695-4658-7. С. 212.
8. Четвергов М. А. Моделирование дорожно-транспортного происшествия как эффективный инструмент расследования преступлений / М. А. Четвергов // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 58–63.
9. Смушкин А. Б. Возможности использования в расследовании информации компьютеризированных систем автомобиля и установленных на нем устройств / А. Б. Смушкин // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 134–141.
10. Алферов В. А. и др. Расследование дорожно-транспортных происшествий : Вопросы безопасности дор. движения. Порядок возмещения матер. ущерба и морального вреда / В. А. Алферов, Ю. К. Алексеев, В. В. Власов и др.; Под общ. ред. В. А. Алферова и В. А. Федорова. М. : Лига Разум, 1998. – 447 с.
11. Семенов Е. А. Использование специальных знаний при установлении механизма совершения преступлений в области дорожного движения (российский и зарубежный опыт) / Е. А. Семенов // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 60–66.

12. Лобачева Л. П. и др. Высокоавтоматизированные транспортные средства и безопасность дорожного движения: отдельные вопросы интеграции / Л. П. Лобачева, С. П. Сальников // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 53–58.

13. Quan Y., Yong P., Xiaodong X. et al. Key points of investigation and analysis on traffic accidents involving intelligent vehicles // *Transportation Safety and Environment*. Vol. 3. Issue 4. December 2021.

14. Мосина С. В. и др. Расследование дорожно-транспортных преступлений : курс лекций / С. В. Мосина, А. А. Малых, С. С. Ржанникова. Екатеринбург : Уральский юридический ин-т МВД России, 2018. 101 с.; ISBN 978-5-88437-579-6.

Referenses

1. Bakanov K. S. et al. *Law enforcement activities in the field of road traffic safety in 2023 : an information and analytical review* / K. S. Bakanov, P. V. Lyakhov, M. M. Isaev, P. S. Koblov, E. D. Nikulin, A. S. Sahakyan, I. A. Smirnov, N. V. Selednikov, K. A. Minochenkov. M.: FCU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2024. 120 p.; ISBN 978-5-6046953-8-8. p. 39. (In Russ.).

2. Lavrova O. N. et al. Some features of the investigator's activity at the initial stage of the investigation of criminal cases of violation of traffic rules and operation of vehicles / O. N. Lavrova, N. V. Selednikov. In: *Actual problems of the criminal process: A collection of materials of the International Scientific and Practical Conference* / Ed. by N.S. Didenko. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. 154 p. (In Russ.).

3. Frolov A.N. Tactics of inspection of the place of a traffic accident. In: *Debatable aspects of the development of criminal procedure legislation and its application: a collection of articles based on the materials of the All-Russian conference*. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. 434 p. P. 272-277. (In Russ.).

4. Evtyukov S. A. et al. *Forensic auto technical expertise* / S. A. Yevtyukov, Ya. V. Vasil-ev. St. Petersburg : Petropolis, 2018. Vol. 1: Theory and Practice. Vol. 1. 2018. 242 p.; ISBN 978-5-9676-0982-4. (In Russ.).

5. Puptseva A.V. et al. Establishing the initial position of vehicles based on the results of a study of the situation of a traffic accident / A.V. Puptseva, E. I. Zamylin. *Forensic examination*. 2022;3(71):58-66. (In Russ.).

6. Danilkina V. M. et al. *Organizational and tactical features of the inspection of the scene of a traffic accident: a textbook* / V. M. Danilkina, G. I. Safonov, M. S. Shuvaeva. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2021. 102 p.; ISBN 978-5-9694-0986-6. (In Russ.).

7. Domke E. R. *Investigation and examination of road accidents: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Organization and traffic safety (road transport)" areas of training "Organization of transportation and management of transport"*. Moscow: Academy; 2009. 286 p.; ISBN 978-5-7695-4658-7. (In Russ.).

8. Chetvergov M. A. Modeling of a traffic accident as an effective tool for investigating crimes. *Safety of road traffic*. 2024;(1):58–63. (In Russ.).

9. Smushkin A. B. The possibilities of using computerized car systems and devices installed on it in the investigation of information. *Actual problems of Russian law*. 2020;15(4 (113)):134-141. (In Russ.).

10. Alferov V. A. et al. *Investigation of traffic accidents : Road safety issues. The procedure for reimbursement of mater. damage and moral harm* / V. A. Alferov, Yu. K. Alekseev, V. V. Vlasov, etc.; Under the general editorship of V. A. Alferov and V. A. Fedorov. Moscow; 1998. 447 p. (In Russ.)

11. Semenov E. A. The use of special knowledge in establishing a mechanism for the commission of crimes in the field of traffic (Russian and foreign experience). *Road safety*. 2023;(2):60-66. (In Russ.)

12. Lobacheva L. P. et al. Highly automated vehicles and road safety: selected issues of integration / L. P. Lobacheva, S. P. Salnikov. *Road safety*. 2023;(4):53-58. (In Russ.)

13. Quan Y., Yong P., Xiaodong X. et al. Key points of investigation and analysis on traffic accidents involving intelligent vehicles. *Transportation Safety and Environment*. Vol. 3. Issue 4. December 2021.

14. Mosina S. V. et al. *Investigation of traffic crimes : a course of lectures* / S. V. Mosina, A. A. Malykh, S. S. Rzhannikova. Ekaterinburg : Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 101 p.; ISBN 978-5-88437-579-6. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Н. Лазаренко – доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент

О. Н. Лаврова – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Селедников – научный сотрудник Научного центра безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации

Information about the authors

O. N. Lazarenko – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Cand. Sci. (Law).

O. N. Lavrova – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute, Cand. Sci. (Law).

N. V. Selednikov – Researcher at the Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 06.08.2024.

The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 05.08.2024; accepted for publication 06.08.2024.

Шапсуговские научные чтения «Познание права: прошлое, настоящее, будущее»

13 июня 2024 года в Доме офицеров г. Ростова-на-Дону по инициативе Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) проведены «Шапсуговские научные чтения “Познание права: прошлое, настоящее, будущее”», посвященные научному творчеству доктора юридических наук, профессора, основателя и главного редактора журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», автора и руководителя научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», директора центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, Заслуженного юриста Российской Федерации, почетного юриста Дона Шапсугова Дамира Юсуфовича.

Чтения открыл директор Ростовского филиала ВГУЮ, профессор Магомедов Б. М. В своем выступлении он отметил, что проведение подобного рода чтений во вверенном ему институте становится хорошей традицией. Далее он высоко оценил научные труды профессора Шапсугова Д. Ю., их значимость для развития юридической науки в России, его научно-организационную работу по созданию Ростовского юридического института, Южного филиала Института государства и права РАН, диссертационного совета, научного журнала, обратил внимание на его активное участие в создании и деятельности общероссийских организаций (сопредседательство в ученом Совете РАЮН, член правления Ассоциации юристов России), а также его работу в течение ряда лет как члена экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по праву, его постоянное участие в научных мероприятиях Ростовского института ВГУЮ.

С приветствием к участникам конференции обратились представители органов исполнительной власти Ростовской области и г. Ростова на-Дону, Ростовского дома юриста. Работа конференции проходила в формате пленарного заседания и дискуссионных площадок.

С видеообращением к участникам конференции обратился доктор юридических наук, профессор Академии управления МВД России Небратенко Г.Г.

Затем слово было предоставлено виновнику торжества, кратко изложившему свой путь в юридической науке, основные проблемы, ставшие предметом его научных исследований в его основных научных трудах: «Народовластие: опыт политико-правового исследования», «Теория права и государства», «Проблемы теории и истории власти, права и государства», «Познавая благо, себя и мир», «Рассудок – разум – право», «Проблема свободного мышления в юридической науке», «Проблемы культуры творчества в юридической науке и социальной практике».

Его выступление вызвало большой интерес участников конференции, задавших множество разных вопросов, на которые выступавший дал убедительные ответы.

Выступавшие характеризовали отдельные идеи и труды профессора Шапсугова Д. Ю., подчеркивали их научную новизну и социальную значимость, творчески анализировали их научное содержание. Обращаясь к участникам дискуссии, он поблагодарил их за вызвавшие у него большой интерес трактовки ряда его научных выводов, заявив о том, что они дают возможность вести научный поиск в новых направлениях.

В заключение проф. Шапсугов Д. Ю. выразил свою глубокую признательность дирекции, преподавателям и студентам института за проявленное внимание к его деятельности и очень высокую ее оценку.

**XIV Всероссийская научная конференция с международным участием:
«Государственное управление народами Кавказа Российской империей
в XIX – начале XX века»**

20 июня 2024 года в Ростове-на-Дону в очном и дистанционном формате прошла XIV Всероссийская научная конференция с международным участием на тему «Государственное управление народами Кавказа Российской империей в XIX – начале XX века». Конференция проводилась в рамках научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа» в связи с необходимостью подготовки очередного, 31 тома «Антологии памятников права народов Кавказа», посвященного данной теме.

Началась работа конференции с презентации научных трудов участников проекта, изданных в 2023/2024 учебном году. В частности, была представлена монография профессора Шапсугова Д.Ю. «Проблемы становления культуры творчества в юриспруденции России», в которой дано обоснование необходимости коренного изменения методологии правового познания, имеющее важное значение для исследований по истории государственно-правового развития народов Кавказа.

Далее с отчетом о проделанной участниками проекта работе по подготовке очередного (31) тома «Антологии права народов Кавказа», посвященного тематике конференции, выступил координатор научно-исследовательской деятельности по разработке данного тома доктор юридических наук, профессор КБГУ А. Н. Маремкулов. Состоялось обсуждение выполненной работы и очередных задач по завершению его подготовки.

Затем со вступительным словом выступил директор центра правовых исследований, руководитель НИП «Правовой мир Кавказа» доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ Шапсуг Д.Ю., обративший внимание на ряд вопросов, рассмотрение которых имеет не просто историческое значение, но и весьма целесообразно в современных условиях. Наряду с уточнением оценок исторических событий, происходивших в данный период истории народов Кавказа и Российской империи, необходимо, подчеркнул выступающий, серьезно проанализировать способы мышления, применявшиеся учеными и чиновниками российской администрации для понимания исторических событий, вытекающих из их хода выводов и принятия решений.

Эти и другие проблемы обсуждались в выступлении доктора юридических наук, профессора Бакинского государственного университета Х. Д. Исмаилова, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС Т.В. Шатковской, доктора юридических наук, профессора КБГУ А. Н. Маремкулова, доктора исторических наук, академика АМАН Ф. А. Озовой, доктора юридических наук, профессора Академии управления МВД РФ Г. Г. Небратенко, доктора юридических наук, профессора ЮФУ, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Воловой Л. И., доктора юридических наук, профессора ДГУ Исмаилова М.С.А.М., доктора юридических наук, профессора ЧГПИ, старшего научного сотрудника ИП РАН Д. Х. Сайдумова, доцентов М. В. Дышекова, Ф. Г. Камкия, И. З. Сухановой, И. Д. Хабаева

Участники конференции определили очередные исследовательские и научно-организационные задачи, подлежащие решению на данном этапе развития НИП «Правовой мир Кавказа».

Воронцовские чтения

21 июня 2024 года прошли очередные, и уже третьи, *Воронцовские чтения*. В этом году местом проведения и базовой площадкой Воронцовских чтений был неслучайно выбран Южный военный окружной суд.

Воронцовские чтения посвящены памяти Сергея Алексеевича Воронцова, ушедшего из жизни в 2021 г. Профессор С. А. Воронцов был востребованным экспертом, уникальным, влюбляющим своим профессионализмом и харизмой оратором, любимцем студентов и слушателей не только президентской Академии, но и каждой аудитории, перед которой он выступал. Сергей Алексеевич служил в органах КГБ и ФСБ России, имел высшие политические и ведомственные награды, являлся ветераном боевых действий, почётным сотрудником контрразведки России, занимался научной деятельностью, был доктором юридических наук, профессором кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС. Под его авторством вышли более 150 научных работ, посвященных проблемам борьбы с экстремизмом, терроризмом, коррупцией, организованной преступностью, а также актуальным проблемам политологии.

Темой третьих Воронцовских чтений стало правоприменение по составам преступлений террористической направленности в современных социально-политических условиях. Не только потребность разнообразить формат, не превратить в статику рассмотрение вопросов государственной национальной безопасности, но и желание выйти на максимально актуальный предмет в антитеррористической теме обязали обратиться к вопросам практики реализации ответственности по составам преступлений террористического характера и криминологических исследований о предупреждении терроризма. О чем планировали говорить и как сложилась дискуссия? Научный замысел ежегодных чтений состоял в попытках определиться с правоприменительной деятельностью судебно-следственных органов, практикой Верховного суда Российской Федерации и нижестоящих судов, обязательностью требований практического единообразия, увеличением случаев привлечения к ответственности по составам преступлений террористической направленности и преступлениям против мира и безопасности человечества, политикой государства, обеспечивающей противодействие террористической активности.

Разговор получился, в работе научной площадки этого года участвовали представители социальных, политических, криминологических, управленческих институтов, и, как ожидалось, представители правоохранительной деятельности и активного правоприменения. Южный окружной военный суд направил двоих судей, которые осуществляют деятельность по рассмотрению уголовных дел террористической и экстремистской направленности.

Логичным стартом конференции был доклад Старостина Александра Михайловича, докт. полит. наук, проф., Почетного работника высшего профессионального образования РФ, ведущего научного сотрудника РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону), Понделкова Александра Васильевича – докт. полит. наук, профессора, заведующего лабораторией проблем повышения эффективности ГМУ Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, Заслуженного деятеля науки РФ, Почетного работника высшего профессионального образования РФ, члена Общественной палаты Ростовской области (г. Ростов-на-Дону), Тованчовой Елены Николаевны (канд. полит. наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС (г. Ростов-на-Дону) на тему: «Метаморфозы терроризма в контексте современной агональной политики». Оригинальное, глубоко научное видение изменения угроз, содержания и восприятия терроризма позволило авторам сформулировать вывод о том, что, во-первых, в современной политической ситуации, характеризующейся как фазовый переход мировой социально-политической системы в состояние многополярности, терроризм как политический инструмент становится востребованным на все новых уровнях

политического бытия. В данном случае речь идет о его масштабировании и активном использовании на государственном и глобальном уровне. Характерной формой стали террористические прокси-государства и крупные негосударственные военные формирования, которые используются агрессивными крупными государствами и их союзами для быстрого достижения своих целей установления политического доминирования.

В данном случае авторы значительно расширили концепцию политических взаимодействий различных акторов, введя концепт системной композиции основных видов политики: агональной, публичной, символической и криптополитики. Терроризм – это система действий на пересечении агональной и криптополитики.

Во-вторых, авторы убедительно показали, что наиболее продуктивно проблемы терроризма и противодействия ему решаются на междисциплинарном уровне при сопоставлении и синтезе идей и методов политологии, социологии, психологии, антропологии, культурологии и ряда других научных дисциплин. Это позволяет не только трактовать терроризм как девиационную и делинквентную деятельность, но и определенную субкультуру. Противодействие развитию такой субкультуры, где-то архаической, и где-то девиантной, тоже должно опираться на междисциплинарные и системные воздействия, опирающиеся на прикладные исследования и разработки.

В-третьих, авторы отметили базовые прикладные области, использование которых поможет создать антитеррористический комплекс противодействия терроризму, в чем-то аналогичный системе ВПК и в комплексе решающий проблемы обеспечения национальной безопасности.

Обсуждению подверглись вопросы идеологического и практического правоприменения, наибольшую потребность вызвали темы правоприменительной деятельности, связанные с вопросами квалификации преступлений и с вопросами недопустимости правовых ошибок.

Тематика представленных докладов обширна: Артюхин Олег Александрович, канд. полит. наук, доц., доц. кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС, – «Особенности применения политических технологий противодействия экстремизму в условиях СВО»; Венцель Сергей Владимирович, канд. полит. наук, начальник отдела аналитической и образовательной деятельности НЦПТИ – «Инструменты и подходы к противодействию украинскому национализму в рамках денацификации»; Врембьяк Александра Аркадьевна – специалист отдела аналитической и образовательной деятельности НЦПТИ – «Актуальные подходы профилактической работы в рамках Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2024-2028 годы».

Ряд докладов были ориентированы на практическую составляющую деятельности субъектов противодействия терроризму и экстремизму, так, Лисицын Евгений Витальевич в докладе «Практика межведомственного взаимодействия в противодействии терроризму и экстремизму» высказался о целесообразности межведомственного взаимодействия и проведения практикоориентированных мероприятий для образовательных учреждений, формирующих не только духовно-нравственные ценности, но и практические навыки и физическую подготовку.

По вопросам квалификационного уголовно-правового соответствия выступила Пашенко Елена Анатольевна, декан юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС – «Политика противодействия терроризму: требования времени», были предложены сопоставления судебных актов по уголовным делам о финансировании терроризма, сравнение назначенных наказаний и содержание преступного деяния и предложены выводы о возможной законодательной дифференциации наказуемости в зависимости от размера финансирования.

Корсаков Вячеслав Алексеевич, судья Южного окружного военного суда, в докладе «Практика рассмотрения уголовных дел террористической направленности (заочное производство)» высказался о практике применения ст. ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, в том числе с учетом совокупности данных преступлений, соотношения со смежными составами,

соотношения с преступлениями экстремисткой направленности и особенностями доказывания субъективной стороны состава ст. 205.4 УК РФ. Научное беспокойство докладчика связано с особенностями квалификации по ст. 205.5 УК РФ с учетом применения ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» при рассмотрении уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ (досудебного соглашения о сотрудничестве) или ч. 5 ст. 247 УПК РФ (заочное производство).

Лазарева Наталья Юрьевна, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС с темой доклада – «О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности», высказалась о сложностях, которые возникают при квалификации преступлений террористической направленности. «Изучение судебной практики о преступлениях террористической направленности позволило выявить те сложности, с которыми сталкиваются судьи при квалификации указанной категории дел. Год назад в этом же зале мы дискутировали по поводу изменения судебной практики в квалификации таких деяний, как поджоги военкоматов, которые ранее квалифицировались по ст. 167 УК РФ, ст. 213 УК РФ, теперь – как теракт (ст. 205 УК РФ). Обсуждали квалификацию вовлечения несовершеннолетних в преступления террористической направленности. Но за прошедший год обнаружились и другие противоречия, требующие своевременного реагирования и однозначного решения. Как следует квалифицировать деяние, совершённое в период его совершения изменилась редакция УК РФ? Следует ли рассматривать публичные призывы в оправдание терроризма, размещённые в разных социальных сетях - как продолжаемое преступление или как совокупность преступных деяний? Эти и многие другие вопросы, к сожалению, пока не имеют сформулированной правовой позиции в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, посвящённом квалификации преступлений террористической направленности».

Чушенко Дмитрий Николаевич, доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС, выступил с докладом «Проблемы правоприменения в сфере борьбы с экстремизмом».

И впервые по итогам чтений была сформирована резолюция, направленная в Национальный антитеррористический комитет с предложениями, которые первоначально в виде векторных мнений были озвучены на конференции и в дальнейшем получили своё отражение в тезисах, представленных для публикации.

*Е. А. Пащенко, канд. юрид. наук, доцент,
декан юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС*

**Дискуссионная площадка научного журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»**

27 июня 2024 года в Южно-Российском институте управления Президентской академии состоялась дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Участниками стали ученые из городов – Тюмень, Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Сочи, Грозный, Ростова-на-Дону, представители таких учебных и научных учреждений, как: Тюменский государственный университет, Институт философии РАН, Южный федеральный университет, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская правовая академия Минюста России), Саратовская государственная юридическая академия, Институт государства и права Российской академии наук, Чеченский государственный педагогический университет, Сочинский филиал Российского университета дружбы народов, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, МГУ им. М. В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Инициатором дискуссионной площадки выступили: главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» **Дамир Юсуфович Шапсугов**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, и начальник отдела развития научных журналов ЮРИУ РАНХиГС **Людмила Леонидовна Садовая**.

В приветственном слове начальник отдела развития научных журналов ЮРИУ РАНХиГС Л. Л. Садовая отметила, «что дискуссионная площадка научного журнала “Северо-Кавказский юридический вестник” – первая и единственная в своем роде платформа для прямого научного диалога не только среди филиалов системы РАНХиГС, но среди юридических журналов, издаваемых в России. Проводимые дискуссионные площадки способствуют решению задач по оценке эффективности научной деятельности, повышению качества публикаций по диссертационным исследованиям и другим важным целям и задачам, поставленным государством, которые должны отражаться на устойчивом развитии российских научных изданий как активных участников процесса перестройки научной редакционно-издательской сферы России».

Темой дискуссионной площадки № 7 стало обсуждение статьи «Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права», профессора Дамира Юсуфовича Шапсугова, опубликованной в научном журнале «Северо-Кавказский юридический вестник». 2024. № 2.

В своем выступлении автор обсуждаемой научной статьи профессор Шапсугов Д.Ю., проанализировал причины и содержание кризиса современной юридической науки, обсуждаемые в научной литературе последнего времени (труды В. М. Сырых, Н. Н. Тарасова, С. И. Максимова, В. М. Розина, Ю. П. Боруленкова, Д. И. Дедова и др.), отметил, что главные её (юридической науки) проблемы связаны с исчерпанностью сложившегося её методологического потенциала, гносеологических принципов, не позволяющих познать процесс развития современного права с учетом революции в информационном развитии современного общества. По мнению докладчика, выход может быть найден в тщательном исследовании процесса становления культуры творчества в юриспруденции и социальной практике в их единстве, опираясь на учение о рассудке и разуме, которые, к сожалению, по мнению автора, в юридической науке не востребованы и к тому же нуждается в дальнейшей разработке.

Такой подход, по мнению докладчика, позволяет преодолеть ограничения, оковы, произвол исследователя, созданные сложившимися методами познания, которые представляют собой внешний порядок, схему познавательных действий, налагаемых на любое содержание, из которых вырастет, как это отмечал Г. Гегель, закон поверхностности мысли, следуя которому мы получаем видимость познания и видимость права как результат познания. В действительности метод возникает в процессе исследования непосредственного содержания предмета, что создает возможности его действительного познания. По мнению докладчика, такой подход к исследованию права, потребует новую логику, основанную на свободе мысли, обеспечивающей бесконечный поиск непосредственного знания и новую критику при получении обобщённого знания о праве.

Дискуссионная площадка прошла на высоком уровне. Представленная к обсуждению научная статья профессора Д. Ю. Шапсугова получила большой резонанс среди ученых и вызвала бурные обсуждения по представленной к обсуждению тематике. В первом выступлении «Культура права и социальная ценность творчества права: долгожданное переосмысление» **Авдеев Дмитрий Александрович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, подчеркнул важность и необходимость преобразований о которых написал Д.Ю. Шапсугов в своей статье. В этом ключе выступили все участники дискуссии, обосновывая разные аспекты предстоящих коренных изменений в познании права и связанных с ними перемен в законодательстве и юридической практике:

Кацапова Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН, г. Москва;

Овчинников Алексей Игоревич – доктор юридических наук, профессор, Проректор по научной работе Донской духовной семинарии, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону;

Беляев Максим Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории государства и права, заместитель заведующего кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, г. Москва;

Иванников Иван Андреевич – доктор юридических наук, доктор политических наук, декан юридического факультета Сочинского филиала Российского университета дружбы народов, г. Сочи;

Самылов Олег Валерьевич – доктор философских наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург;

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Государственной политики» факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва.

Участники дискуссионной площадки выразили пожелание продолжить обсуждение данной тематики на страницах научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

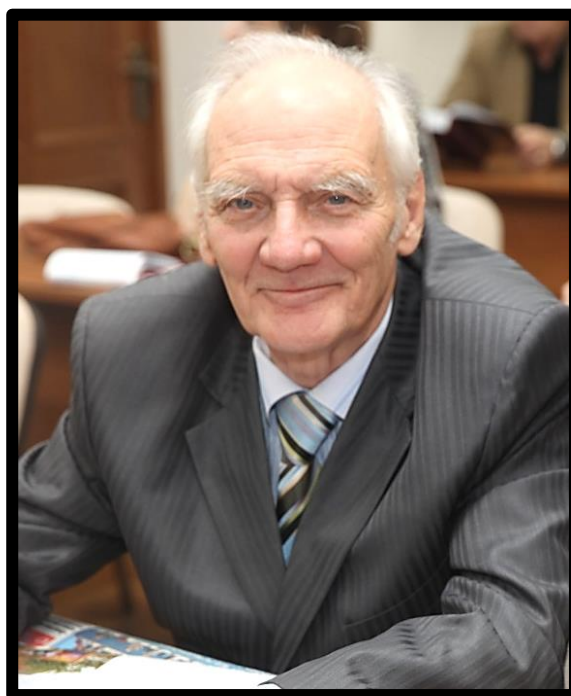
4 августа 2024 года не стало **Александра Борисовича Паламарчука**, ушедшего из жизни на 94-м году.

Александр Борисович Паламарчук родился в Ростове-на-Дону 2 марта 1931 г. Его детство частично пришлось на суровые военные годы, что, как и у большинства представителей его поколения, способствовало раннему взрослению. Лишившись отца, погибшего на фронте, он был вынужден взять на себя часть забот по дому, помогая матери, работавшей корректором.

Окончив Ростовский-на-Дону Железнодорожный техникум, Александр Борисович некоторое время работал на Северо-Кавказской железной дороге. Позднее он окончил филологический факультет Ростовского государственного педагогического института, что и предопределило весь его дальнейший трудовой путь.

Начав с работы редактором, затем старшим редактором в издательстве Ростовского государственного университета, Александр Борисович навсегда связал свою жизнь с редакционно-издательским делом. После того как ректором Ростовского государственного университета Юрием Андреевичем Ждановым был создан Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ), Александр Борисович перешел на работу в редакционно-издательский отдел СКНЦ ВШ, который впоследствии возглавил. За время его пребывания в этой должности отделом были подготовлены к печати десятки фундаментальных трудов ведущих ученых Дона и Северного Кавказа.

Знаковым событием в трудовой биографии Александра Борисовича стал переход на работу в редакцию «Северо-Кавказского юридического вестника» в качестве ответственного секретаря редакционной коллегии. Этому переходу предшествовало его профессиональное участие в организационной работе по его созданию, редактированию первого номера журнала, издающегося уже 27 лет. В названном качестве он руководил подготовкой и изданием журнала первые 10 лет его существования, создав эффективно действующий механизм взаимодействия между всеми участниками этого процесса.

Работая здесь, Александр Борисович не только активно участвовал в редактировании и подготовке к печати уникальной по своим масштабам и научной значимости многотомной Антологии памятников права народов Кавказа, созданной доктором юридических наук, профессором Дамиром Юсуфовичем Шапсуговым, но и являлся ответственным редактором первых 15 томов и материалов научных конференций, проводившихся по данному проекту в течение первых 10 лет его реализации.

За какое бы дело ни брался Александр Борисович Паламарчук, он подходил к нему творчески, с полной самоотдачей.

Коллеги ценили его высокий профессионализм, скромность, интеллигентность, душевную чуткость. Порядочность, личное обаяние, присущее ему чувство юмора располагали к нему людей.

Все, кто хорошо знал Александра Борисовича Паламарчука, навсегда сохранят светлую память о нем.

*Коллектив редакции журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

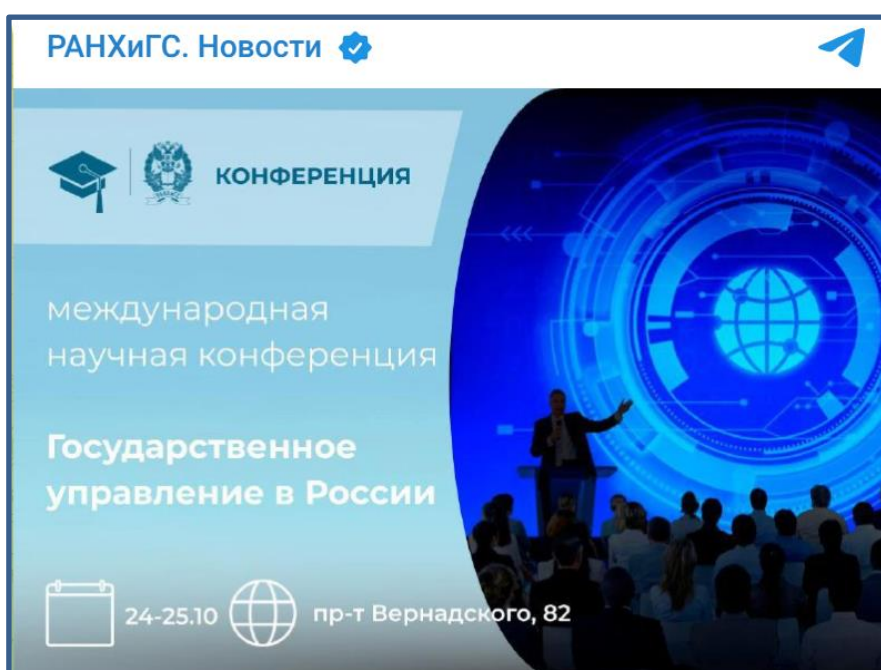
После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik@mail.ru

**Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права**

Научный октябрь:

«Наука для государственного управления в России» – первая международная научная конференция Президентской академии совместно с Санкт-Петербургским Федеральным исследовательским центром РАН

Конференция соберет ведущих российских и зарубежных экспертов в области государственного управления, представителей органов государственной власти, научного сообщества, бизнеса и общественных организаций

• Темы обсуждения

Вопросы государственного управления и перспективы эффективного взаимодействия между экономикой, правом и социальной сферой в условиях современных глобальных вызовов

Программный комитет:

- ✓ Председатель – ректор Президентской академии **Алексей Комиссаров**
- ✓ академик РАН **Абел Аганбегян**
- ✓ академик РАО **Александр Асмолов**
- ✓ проректор по науке Академии **Артур Азаров**
- ✓ директор Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра РАН **Андрей Ронжин**
- ✓ руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН **Николай Межевич** и другие

24-25 октября 2024

московский кампус Президентской академии

Регистрация по ссылке: <https://forms.yandex.ru/u/669e5560eb6146a7c7e9ff8d/>

Внимание! Подать заявку для участия можно до 4 октября

<https://forms.yandex.ru/u/669e5560eb6146a7c7e9ff8d/>

Авторы лучших докладов смогут опубликовать свои статьи в научных изданиях Президентской академии.

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС приглашает вас принять участие в **ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» «СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»** которая состоится **17-18 октября 2024 г.** в городе Ростов-на-Дону

Соорганизаторы

Ферганский государственный университет
(Республика Узбекистан, г. Фергана)

Институт экономики – Карельский научный центр РАН
(Россия, г. Петрозаводск)

Университет социальных наук
(Турция, г. Анкара)

Российский государственный университет народного хозяйства имени В.И. Вернадского
(Россия, г. Балашиха)

Абхазский государственный университет
(Республика Абхазия, г. Сухум)

Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики
(Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)

Информационная поддержка:

- ✓ Научный и общественно-теоретический журнал «Государственное и муниципальное управление»;
- ✓ Научно-практический журнал «Северо-Кавказский юридический вестник»;
- ✓ Научный журнал «EUrASEAN: журнал о глобальной социально-экономической динамике».

К участию в конференции приглашаются: научно-педагогические работники, докторанты, аспиранты, магистранты, студенты вузов.

По итогам конференции планируется выпуск сборника статей. Статьи, оформленные по требованиям, предъявляемым к научным журналам, могут быть опубликованы в научных журналах: «Государственное и муниципальное управление» и «Северо-Кавказский юридический вестник».

Регистрация для участия в конференции осуществляется путем заполнения Яндекс Формы <https://forms.yandex.ru/u/6683c6ee068ff015bdb488fd/>

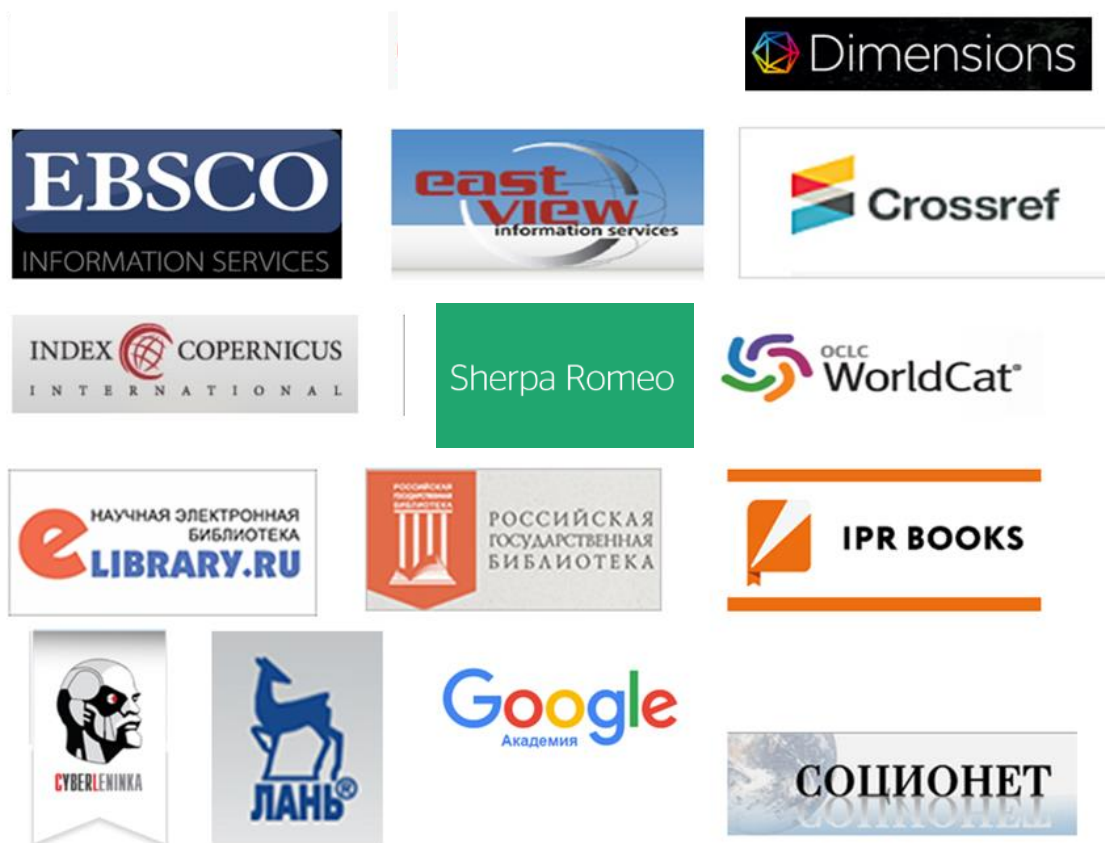
или заполняется заявка отсылается на электронный адрес dolgashova-yo@ranepa.ru

Тезисы (не менее 5 страниц) принимаются в срок до 10 октября 2024 года по электронному адресу: dolgashova-yo@ranepa.ru с пометкой «НА КОНФЕРЕНЦИЮ 17.10.2024».

Сайт конференции: <http://social-science-2022.ru/>

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2024

Выход в свет 30.09.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 5008-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru